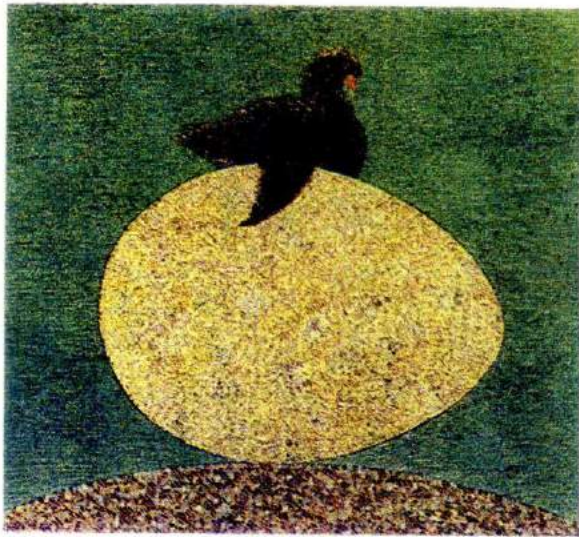

Деревоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№ 1
1998

С. Элоян
Утка

ПЕРВОЦВЕТ

№ 1

Государственное учреждение культуры
Областная юношеская библиотека
им. И.П.Уткина
Организационно-методический отдел
664011, г.Иркутск, ул.Чехова,10

Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель

Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, рег. № И-0391 от 28 июля 1998 г.

Главный редактор

А.С. Стародубцева

Редколлегия

Л.М. Середкина

Е.А. Суворов

А.С. Попов

А.К. Лаптев

Л.В. Иоффе

С.Н. Элоян

Обложка

Сергея Элояна

Рисунки в тексте

Дмитрия Ружникова

Адрес редакции

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 27-07-93

Иркутск, 1998

Содержание

От редколлегии.....	7
Светоносные краски (о С. Элюане).....	8
Рифмы Первоцвета	
П. Колесников.....	9
О. Яковлева.....	11
Е. Миненкова.....	13
С. Филипенко.....	16
А. Боровская.....	19
А. Натальин.....	22
В. Науменко.....	24
Д. Ружников.....	27
Т. Евлампиева.....	31
Н. Швец.....	34
В. Невидимов.....	36
Пьедестал Первоцвета	
П. Фереферов. Одноклассники. <i>Рассказ</i>	38
Проза Первоцвета	
В. Мешков. Время шло, считала кукушка... <i>Рассказ</i>	53
Театр Первоцвета	
С. Летова. Верим, что сны сбываются. <i>Инсценировка</i>	62
Мастерская Первоцвета	
А. Алешин. И тогда я сказал: согласен! <i>Фантастическая повесть</i>	65
Репортаж Первоцвета	
Унесенные ветром.....	91
За гранью.....	94
Мамы всякие важны.....	95
Улыбки Первоцвета	
А. Лаптев. Рассказ о начинающем писателе.....	97

От редколлегии

Перед Вами – первый выпуск молодого, совсем юного альманаха «Первоцвет», своим появлением обязанного молодости. «Здравствуй, племя, младое, незнакомое», – сказал однажды великий Пушкин. На любом историческом отрезке времени эта крылатая фраза остается актуальной: каждое новое поколение приходит в жизнь со своим представлением о мире, своими восторгами и своими проблемами.

Молодые всегда открывают жизнь заново, а тем, кто уже сделал основные открытия, небезынтересно, а точнее, весьма полезно услышать голос, произносящий только что сложившиеся мысли, строки, рифмы. Не случайно этот альманах родился в библиотеке имени Уткина, юношеской, молодежной по своей природе.

В Иркутске сильна традиция внимательного, бережного отношения к литературному творчеству молодых авторов; и кому, как не юношеской библиотеке, эту традицию поддержать!

В последние годы коллективных молодежных сборников, в отличие от прошлых лет, выходило очень мало, буквально единицы. Альманах «Первоцвет» в чем-то и походит на те, что выходили прежде, и существенно отличается от других. В нем представлены авторы и самые юные, ни разу не видевшие своих произведений на печатных страницах, и те, кто уже имеет публикации, опыт общения с читателем, и те, кто достаточно искушен во владении пером, – авторы серьезных публикаций, а возможно, и собственных книг. Не заказан путь в «Первоцвет» и маститым членам писательских организаций, и любым литературным объединениям. Условие одно: стихи, рассказы, повести должны открывать читателю мир сегодняшнего молодого человека в самых разнообразных его проявлениях.

В «Первоцвете» определились уже основные разделы и рубрики: «Рифмы Первоцвета», «Проза Первоцвета», «Мастерская Первоцвета», «Пьедестал Первоцвета», «Улыбки Первоцвета» и др. Но характер и название рубрик могут появляться и исчезать, сохраняться и видоизменяться – в зависимости от литературного материала, которым располагает редколлегия.

Мы обращаемся ко всем, кто, независимо от возраста и рода занятий, определил литературную деятельность необходимым для себя занятием, ко всем, кто хочет, чтобы его прочли доброжелательно и объективно, ко всем, кто хотел бы стать автором альманаха «Первоцвет». Вас всегда ждут в методическом кабинете Областной юношеской библиотеки им. И.П. Уткина (ул. Чехова, 10), где и расположилась редколлегия нового в Иркутске издания для молодых и о молодых – альманаха «Первоцвет».

Лина Иоффе

Светоносные краски

Обложку этого нового альманаха придумал и нарисовал иркутский художник Сергей Элоян. Графический дизайн – лишь одна из сторон его многогранного творчества. Художник проектирует мемориальные комплексы, создает музейные экспозиции, пишет картины, преподает дизайн студентам архитектурного факультета. Во всех этих областях приобрел опыт, мастерство и авторитет, но только в станковой живописи полно отразил Сергей свою философию, создал собственный мир, своеобразный и притягательный.

Художник-творец, он продолжает то, что начато природой, – создает свою, новую реальность. Этот мир находится как бы на грани земного и идеального, реальности и иллюзии. Пресбразжая видимое, одухотворяя его, мастер стремится выразить высшую сущность, идею. Это стремление «изобразить неизобразимое» связывает художника с идеалами православной иконописи. Отсюда – бестелесность, невесомость условных персонажей, мягкие музыкальные ритмы, светоносные чистые краски. Все это рождает ощущение хрупкой гармонии, которая возникает только в душе человека и которую так легко разрушить.

В осознании новой реальности главную роль играет избранное художником особое качество живописной материи каждого произведения. Ее тончайшая ткань состоит из крошечных, как молекулы, частиц. Они движутся, взаимодействуют, дышат. Прикосновения кисти к холсту передают самые тонкие движения души художника. Поэтому каждый фрагмент живописи имеет свою ценность, нет главного и второстепенного. Благодаря этому в картинах Сергея Элояна возникает пространство особого свойства: оно не уводит наш взгляд в глубину, не прорывает плоскость холста, а обращается к зрителям, втягивая их в свое поле. Положительная энергия, исходящая из картины, передается и нам, побуждая к созерцанию и углублению в образ. Разумеется, такие многозначные образы будут раскрываться разными гранями в зависимости от готовности зрителей, их эмоционального опыта, состояния души.

Как правило, произведения Сергея Элояна находят отклик и понимание у современников, ведь потребность в равновесии, душевной гармонии становится все более насущной в наше напряженное время.

В течение последних десяти лет Сергей показывает свои картины на выставках в нашей стране и за рубежом, их приобретают галереи России и других стран, частные коллекционеры. Нынешним летом он открывает персональную выставку в Москве. Пожелаем ему успеха!

Ирина Бордовская

РИФМЫ ПЕРВОЦВЕТА

Павел Колесников

Учащийся 7-го класса школы-гимназии № 25. В 1997 г. состоялся его успешный дебют на страницах детского журнала «Сибирячок».

Отпылала в небе
Летняя заря.
Пролетело лето,
Но ушло не зря.
Отшумело лето,
Наступила осень,
И с деревьев снова
Падает листва.

Пролетело лето,
Лето золотое!
И остались в памяти
Летние деньки.
Лес, река и солнце,
Небо голубое,
И ночные в небе
Звезды-огоньки!

Листопад

Вновь идет по земле Листопад!
С неба желтые листья летят.

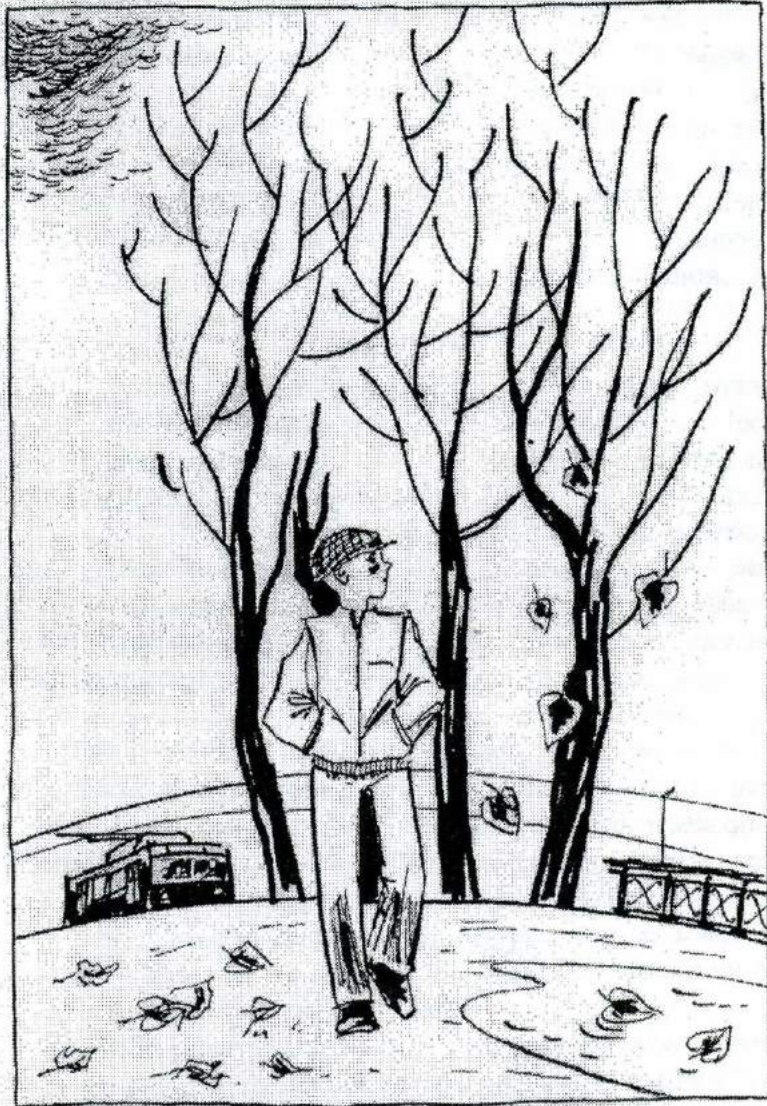
Утопая в листве по колено,
Я бреду среди желтого тлена.

Под осенним, под стынущим небом,
Среди ясности и тишины
Укрывает природа до срока
От мороза богатства свои.

Стекает с горки ручеек,
Прозрачный, как слезинка.
В воде его ловлю рукой
Зеленую травинку.

Вот к ручейку олень пришел,
Чтобы воды напиться.
И низко-низко воробей
Над головой кружится.

Как жарко летним днем в лесу.
К ручью спешат из леса звери,
Но он не гонит никого,
Как будто – открывает двери...

Ольга Яковлева

Студентка 3-го курса музыкального училища.

Где силы можно раздобыть,
Чтоб крест нести достойно?
Еще чего-то натворить –
пусть встрепенутся беспокойно.

Заставить сердце говорить
Через свое, совсем другое.
Самой все это пережить,
Чтоб стало это все родное.

Чтоб чье-то сердце растопить,
Мое должно гореть, но быть.
Чтоб это «что-то» натворить,
Мне нужно беспокойно жить.

Душа разорвана обманом.
Покрыта черствою корой.
Скажу! Жестоко состраданье
Бывает – так, порой.

Жестоки скептиков признанья,
Их возгласы вживой,
Но нет у них души ломанья.
Я чепуху несую? Постой!

Обдумай прежде покаянье
И слов моих жестокий рой...

Стихи пишу из состраданья
К себе самой.

Глаза

Пушистые и длинные ресницы
Твои окутали глаза.
Они – как милые зарницы,
Хотя с них часто капала слеза.

В них хочется и хочется смотреть
До дикой боли и до взрыва.
До вызова в них хочется лететь.
О Боже мой, как это мило!

Они, как в небе тучи, серы.
Печальны, будто дождик льет.
В них что-то маловато веры,
И это мне по сердцу бьет.

Сны – грядущего начало.
Я вас видела не раз.
И приснилось мне немало
Вещих слов и вещих фраз.

Я читала вас украдкой,
Раздвигая тайны все.
Много было просто сказкой,
Говорившей обо мне...

Выпускница 47-й школы-лицея

Останься
еще на несколько часов.
Останься.
Мне не хватает твоих слов.
Я знаю, что далек твой путь,
И я прошу тебя –
Хоть миг со мной побудь!

Тебя ждет перелет и дальние края,
Но все равно – сильнее всех жду я.
И снова поезда, далекие мосты,
Но раним утром вновь
Ко мне вернешься ты.

Я буду тосковать и думать о тебе,
Гадать три раза в день
На картах о судьбе.
И черный мрак ночей,
И белый шорох дня
Мне будут говорить,
Что помнишь ты меня.

Ты очень нужен мне,
И я тебе нужна,
Как синим облакам
Нужна в ночи луна.
И буду верить я
В тот сказочный мираж,
Когда ты до конца
Всю нежность мне отдашь.

Сейчас ты не со мной,
Меж нами города,
И все мои мечты
Уходят в никуда,
И мысли все мои
Родной причал нашли,
Быть может, где-то там
И будет край Земли.

Я знаю лишь одно,
Прекрасно знаю я,

Что через сотни вьюг
И синие моря,
Через пространство лет,
Сквозь сумрак голубой,
На том краю Земли
Мы встретимся с тобой.

Голубая вселенная
Зависала над бездною,
Окруженная многими
Миллиардами звезд,
Устремляясь лучами
В пространство небесное
И играя рассветом
Космических грез.

А под гордыми звездами,
Под стихией внимающей,
Рядом с грозными скалами
И бескрайней водой,
Между белыми льдинами
И нетающим айсбергом
Проплывали два облака –
Были то мы с тобой.

Мы клубились и плакали,
Мы играли-дурачились,
Ну а ветер тревожащий
Все нас звал за собой...
И вот так вот мы плыли –
Два маленьких облака –
Между пасмурным небом
И вечной Землей.

Освещала нас радуга,
Орошал дождь серебряный,
И мы медленно двигались
Вдоль вселенной большой.
Нас встречали зарницы
Своими сияньями,
Нас приветствовал сонный
Рассвет золотой.

Мы не спорили мелочно,
Мы не каялись бешено,
Окруженные тихой,
Святой синевой,
А под нами грустили
Безмолвные айсберги
Между грозными скалами
И бескрайней водой.

Я пойду тебе навстречу,
Где бы ты ни находился:
Шел в пустыне, плыл по морю
Иль в неволе бы томился.
Я пойду тебе навстречу –
И разделим мы печали,
Вместе с солнцем на рассвете
Улетим в благие дали.

Мы забудем все обиды,
Все упреки и невзгоды,
Мы оставим в подземельях
Все проблемы и заботы,
Вместе будем мы молиться
За спокойствие друг друга,
За счастливой синей птицей
Побежим с тобой по лугу.

Нежно за руки возьмемся
И сомкнем свои объятия,
И счастливо улыбнемся,
На святую воду глядя.
Все в душе перевернется,
Чувства вырвутся наружу.
Мы вдвоем преодолеем
И жару и даже стужу.

Если ты со мною рядом –
Значит, тайна разрешилась,
Ты пойдешь ко мне навстречу,
Где бы я ни находилась.

Я и ты – вот все, что надо
Нам с тобой на этом свете.
Нет счастливей двух безумцев
На такой большой планете!

Если мы с тобою вместе –
Смолкнут ветры, стихнет вьюга,
Где бы мы ни находились –
Мы с тобой найдем друг друга!

Шел синий-синий снег,
Смеялись облака,
Когда услышал я ту песню свысока.
В ней пелось о любви,
О жизни на Земле.
Все, что услышу я –
То расскажу тебе.

Купил себе пилу
Смешной усатый гном,
А старый добрый крот
Уже построил дом,
И кареглазый волк играет на трубе.
Все, что узнаю я, –
То расскажу тебе.

Ворона съела сыр, который запасла,
Зайчиха под кустом
Зайчонка родила,
И научился петть мышонок на горе,
А мишка уж давно
Уснул в своей норе.

Был праздник у бобра –
Он пригласил гостей,
Енот позавчера наелся отрубей...
... И было все вокруг
Прекрасно при луне.
Все, что я знаю сам, –
Я рассказал тебе.

Содержание

Организация

История создания

Цели и задачи

Учредитель

Секретарь

Члены

Список

История

Миссия

Виды

Услуги

Адрес

Контакты

Сайт

Почта

Телефон

Факс

Электронная почта

Интернет

Сайт

Почта

Телефон

Факс

Электронная почта

Интернет

Сайт

Почта

Телефон

Факс

Электронная почта

Интернет

Сайт

Почта

Телефон

Факс

Электронная почта

Интернет

Сайт

Почта

Телефон

Факс

Электронная почта

Интернет

Сайт

Почта

Телефон

Факс

Электронная почта

Интернет

Сайт

Содержание

Организация

История создания

Цели и задачи

Учредитель

Секретарь

Члены

Список

История

Миссия

Виды

Услуги

Адрес

Контакты

Сайт

Сергей Филипенко

Студент 3 курса исторического факультета ИГУ, инструктор отдела учащейся молодежи ГК РСМ, комиссар подотряда «Товарищ»

Ангелу-хранителю

Подари мне немного тепла.
Не гони, ближе к сердцу прижми.
Там, на улице, холод и мгла,
Ты меня от беды схорони.

Заслони своим нежным крылом
От разгневанных этих стихий.
За твою доброту и тепло
Я тебе почитаю стихи.

Почитаю стихи о любви:
О наивной, несчастной, святой...
Ты меня от себя не гони.
Ты меня от страданий закрой.

Тающий снег говорит
О приходе весны.
Скоро оттают под солнцем
Людские сердца.
Ночь навевает на город
Теплые сны.
Но ты умираешь один,
Тебе не до сна.

Ты когда-то был лучшим,
Горел, согревая людей.
Перед сердцем горящим твоим
Отступала зима.
Все сходили с ума от твоих
Безумных идей.
Жизнь текла и кипела.
Тебе улыбалась судьба.

Но ведь этого мало.
Тебе захотелось побед.
Ты решил растопить чье-то сердце
От вечного льда.
Ты забыл о веселье, безумстве –

Забыл целый свет.
Не заметил, как к пламени сердца
Подкралась беда.

Эта юная страсть
Охватила источник огня.
И ударила лезвием льда,
Раскалив докрасна.
Тихий ужас с тоской
Навсегда поселились в Тебя.
Одержала победу Зима,
Опоздала Весна.

Ну, а Ты, искривившись от холода
В сумрачной мгле,
Слепо ищешь тепла,
Но Тебе ведь уже не помочь.
И стервятники с неба
Спешат опуститься к Тебе.
Твоя жизнь удаляется прочь,
В бездонную ночь.

Меня манят к себе
Белизной простыней
Алтари преходящей любви.
Кто-то ищет богиню за тенью аллея,
Кто-то ищет во мраке огни.

Я боюсь опоздать,
Направляясь к тебе,
Купидон разряжает свой лук...
Но ты, душу мою
Разорвав в тишине,
Говоришь, что я просто твой друг.

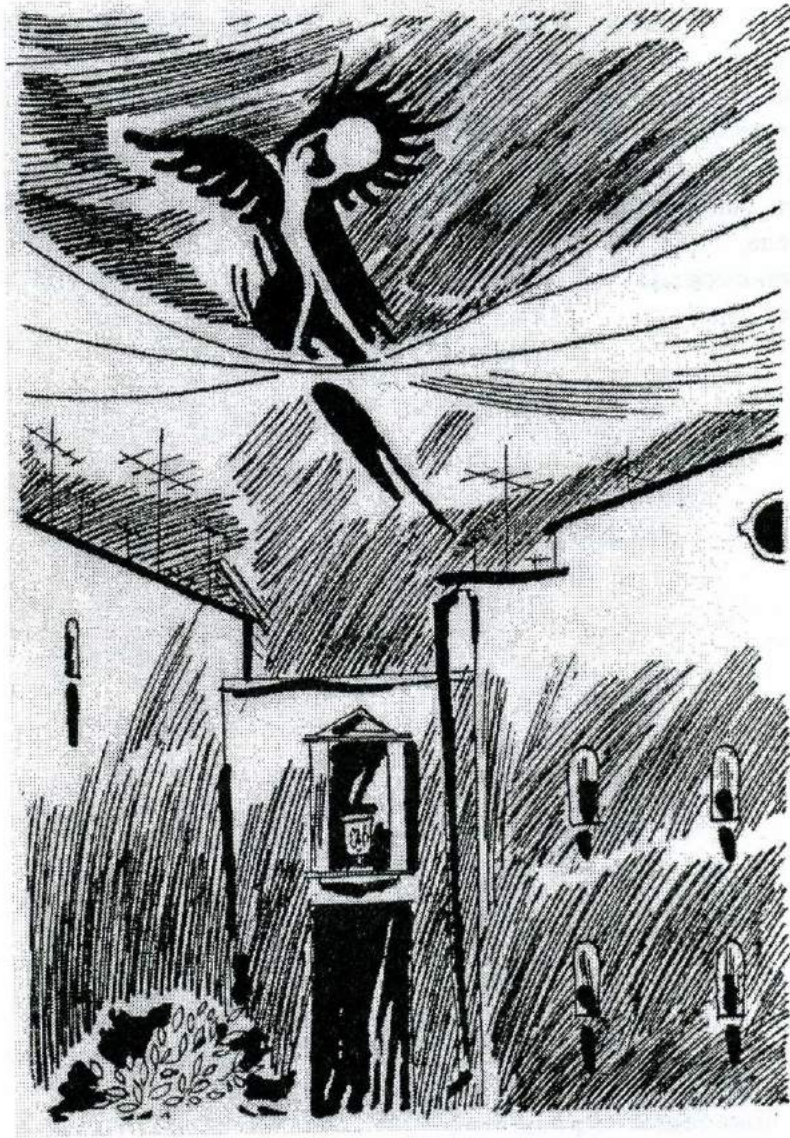
Ты не хочешь сказать,
Почему и за что,
Только вниз опускаешь глаза,
И не может ответить на это никто –
Ни друзья, ни вино, ни слеза.

Ну, а я уйду в темноту своих дум,
Обращаюсь в порочный разврат...
Я взываю к любви –
Пусть ответит мне – ну,
Ну скажи же, в чем я виноват?!

Время пройдет
И сожжет за собою мосты.
Может быть, сбудутся
Наши с тобою мечты.
Может быть, радость случится,
А может, беда,
Но не расстанемся мы
Никогда-никогда.

Годы промчатся,
Как облачко над головой.
Был ты брюнет или шатен –
Ну а станешь седой.
Старость тихонько вкрадется
В твои города.
А губы все будут шептать:
«Никогда... никогда...».

Осень. Усталость. На улице серо.
Слякоть и дождь взялись за дело.
Слякоть и дождь берут за живое.
Кто мне ответит, где я и кто я?

Студентка 2-го курса Иркутского кулинарного училища

Сергею Есенину

Из множества созвездий звеньев
В переплетении ветвей –
Листок поэзии – Есенин.
Любимец осени – Сергей.

Через года, через разлуки
Березы стан, опавший клен,
Черемухи душистой руки
И липы вековой поклон.

Я пронесу: туманы, росы
И над рекою косогор.
Тысячезвонные покосы –
Руси пронзительный простор...

Когда вокруг дымы сражений,
Приходишь ты, как шум дождей,
Листок поэзии – Есенин.
Любимец осени – Сергей.

Я жду сентябрь с нетерпением.
Мне лето отдает долги.
Я запишу стихотворенье
Простой коричневой реки,

Где над водой трепещут ивы,
С их гривами ветра игривы,
Палатки на подмерзших травах,
Сплетенье голоса с гитарой.

Под синим небом, точно в сказке,
Мерцает леса оперенье.
Кто щедро так разбрызгал краски
На этом солнечном сплетенье?

Я уезжаю.
Солнца не будет.
Дожди собирая в серые кудри,

Мой город холодный
Листвой замедляет
Ветер. Сегодня я уезжаю.
Грустно и больно.
Где-то прижалась
С каменной солью
Обида. Пожалуй, ветер устанет
Листать календарь.
Вагоны качает
Остывшая сталь...
Крикливую стаю
Рекламного вздора
Я оставляю!
Холодный мой город –
Ты бесчудесен!
В лес поскорее,
Наслушаться песен,
Встретить Орфея.

Звездам

Вы будете мне гореть,
Когда я закрою глаза?
Вы будете мне петь,
То, что услышать нельзя?

Вы будете. Чтобы не сбиться
Мне с истинного пути,
Чтоб нечаянно не возвратиться
На Землю, где окна – огни.

Я знаю – вы – маяками –
Не только моей душе.
Правда? А я стихами
К вам прорастаю уже.

Ты веришь в переселение душ?
... Я представляю...
От ветра рукою лицо закрывая,
Иду по дороге, и дождь,
Словно душ,
И в книжном развале

Стою и решаю –
Купить или нет –
Эту книгу неброскую –
«Стихи о любви».
Алина Боровская.

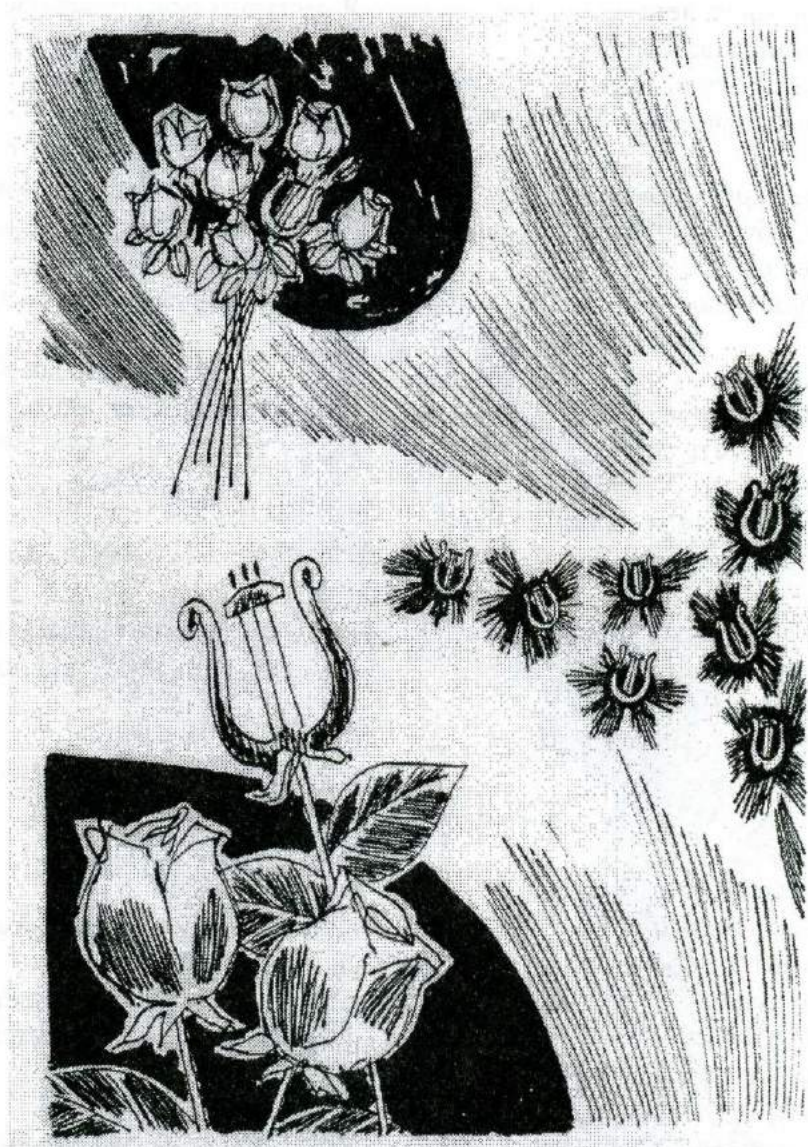
Я бы спела еще много песен,
Если бы ты попросил.
Даже Бог сегодня невесел.
Затерялось где-то такси.

Дождь моросит. Слезы
Скользят одна за другой.

Люди и птицы замерзли.
Это – разлука с тобой.

Осеннее утро. Туман.
Листья стучатся в храм.
Золото на алтаре.
В окне – Ангары акварель.

Кажется золотым
Белого катера дым.
Берег напротив мглист.
Храм – как кленовый лист.

Студент 5-го курса исторического факультета ИГУ

Восстала осень из лета
Для домотканых вечеров.
Под звуки бабьего напева
Рождается узорчье листов.

Их одинаков крыл размах
Старушки небу уподобят
И прошлое девичье «Ах!»
На полотенце белое уронят.

Вот-вот полет.
Ударят крылья оземь,
И хочется прервать и замереть,
Но говорит душа:
«Не для того восстала осень,
Чтобы в молчанье умереть».

Пускай в углу Нерукотворный Спас
Глядит одеждой белой в серебре.
Слогов певучесть нам воздаст,
Но мы не будем думать о зиме.

Я посвятил тебе остаток жизни,
Хоть жить мне много лет.
Пускай звучит, как бред,
Но столько дум
Не посвящу Отчизне.
И как бы ни был я влюблен в нее,
Ты мне по нраву
радостней и больше,
И нету жизни горше,
Чем сердце разделять свое.
Что даст она, приму, как долг.
Твоя любовь желанней.
И в юности твоей, столь ранней,
Любовь к тебе звучала, как пролог.
Пролог ко всем моим стремленьям,
Как гражданина на Земле.
И без тебя ничто в стране
Не сотворится в птичьем пенье.

Я пастухом неведомых овец
Поил прохладкою ручья,
И чья-то блудная душа
Простерла на отару свет.

Как полдень стал среди ночи,
Как колокол, звучат призывы,
И манят света переливы
Предстать пред нею в забытьи.

Мне пустоокий лик ведомых
Невыносимо болен стал,
Но в темноте мне легче лгать,
Что не могу без оных.

Мир, как ладонь, бытие для двоих.
Немощь души, прозорливость ума.
Пока мы одни,
Нам ничто не грозит, —
Все создадут вместо нас времена.

Исподлобья казаться нам
Будут года,
Поистреплется скромность
Любимых идей,
Стройности мысли утихнет молва,
Только жизнь не изменится
К цели своей.

Исхудававшая, чахлая жизнь
Для двоих,
На исхоженных тропах
Умерших атлантов,
Будет требовать ключ от любви,
Заклиная поэтов,
Воспевших гигантов.
Кто б ни вырвал алкавшим языком,
Богохульно взывающим к власти, —
Не получают они и ярлык
На княжение миром по страсти...

THE

THE

THE

THE

Виталий Науменко

*Студент 3-го курса филологического факультета ИГУ,
участник областной конференции «Молодость. Творчество.
Современность»*

Желанья темными клубками
Зовут меня распутать их,
Но я не действую руками,
Как хищный зверь, пожар мой тих.

С деревьев сна сдирая кожу,
Я вижу кровь, но пью бальзам,
Держусь в укрытье, осторожен,
Не доверяя слез глазам.

Таюсь, пока хватает силы,
Горю, раз есть чему гореть,
Меня течение уносило
И то же будет делать впредь.

Сон и стекла вдребезги бьет ветер.
Ты, пока считаешь до пяти,
Успеваешь звон понять и встретить
Гостя там, где он решил войти.

Сон был так заботлив и невнятен,
Он, как друг, не требовал борьбы,
Как подруга, ждал тебя в кровати
И шептал о том, что было бы...

Ветер зол на все, что плоть имеет,
За свою бесплотность, ветер прост...
Под напором он уже, немея,
Покидает взятый им форпост.

Но, успев беды наделать все же,
Растащил, рассеял, расшвырял —
И в руинах ты найти не сможешь
Тот покой, который потерял.

Свой свет преподнося,
Единственная дочь
Молчит о тех местах,
Где ткут его истоки,
В движенье над землей,
В сиянии сквозь ночь
Она —
Как чей-то сон,
Красивый и глубокий.

Казалось бы, все так,
Что — руку протяни —
Помчишься вслед за ней,
отдав поводья счастью,
Но не туда ведут
Сжигаемые дни,
К восходу ход закрыт
неведомою властью.

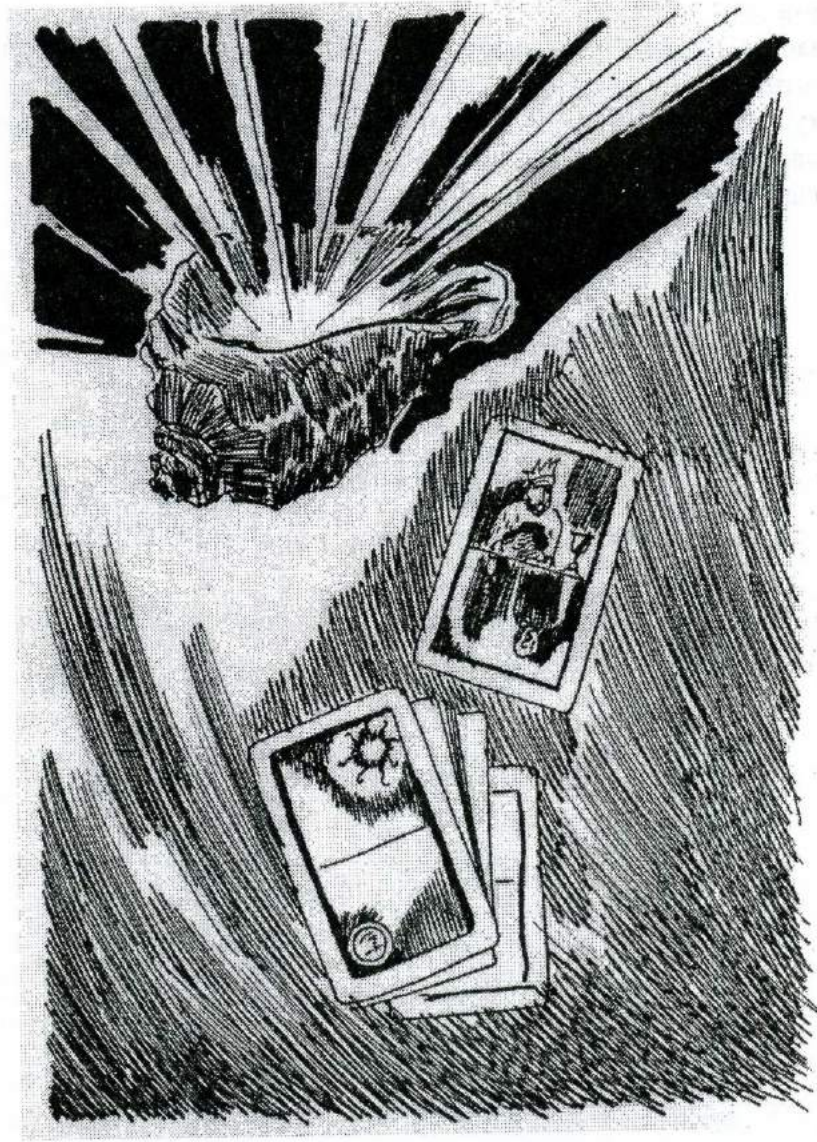
Легко услышать «нет»,
когда о слове «да»
Известно лишь одно —
что быть его не может;
Самообман хорош
до той поры, когда
Отчаянье его
на боль и страх разложит.

Разрушен будет храм,
обломки не возрастут,
А пепел-эпилог
не слишком долго тлеет:
Она опустит взгляд
и снова там и тут
Сиянье разольет,
о прошлом не жалея.

Все взяв с собой, дай руку у порога.
Нам этот миг созвездья не вернут,
Останься здесь еще хоть на немного –
На восемь строк и несколько минут.
Расстаться мы всегда
с тобой сумеем,
Трудней застыть на грани перемен;
Вкус пустоты
крадется тусклым змеем,
Чтоб мы сдались
свободе нашей в плен.

Весь мир исследовать упрямо
Без остановок на границе
Не обходным путем, а прямо
Способны только сны и птицы.

В объятьях стаи жизнь другая:
Из птиц любая дышит небом,
Движеньем крыльев отвергая
Всех тех, кто вровень с нею не был.

Дмитрий Ружников

Рыболов

Льдом укрылась – и нет Ангары.
Избавления жди весной.
А пока рыболов надеждой горит
И над пропастью бдит, невесом.

Ему видится изгородь звезд.
Может, это сверканье блесен
Или кто-нибудь полюс разнес
И развеял от неба до плеса.

Ему введена вся подноготная – рек,
городков, мегаполисов, сел.
Но его же не зрит ни один имярек,
Разглашающий, что спасен.

Хотя некий воскликнул: «Вот он!
Над полярной
Вмещенный в Меру...»
«Мой грешок, –
причитал под водку, –
Не уверен, друзья, не уверен».

Мог повыше взобраться, мог
Возлечь на слепящем ложе,
Но он здесь,
Ведь пропасть у наших ног,
А не мы у ее подножия.
Пока лишь на тертых ниточках –
В остросюжетном качании,
Тайная надежда – выручат,
Выходят теплым чаем.

И расплавится грусть
В подсвечнике,
И низринется воск меж полов,
И ты спятишь,
Сорвавшись в вечности,
Покуда - решит рыболов.

Боль укрылась –
И оттиском лишь: мирись

На челе храмины векам.

Ищут нищие в чаше ирис,
А находят его в руках.

В горниле купола
«Нагорная» купалась,
И тон ее блестящий нас снискал.
Кто утопал в ней,
Кто входил лишь малость.
Но всякий знал –
Так не была она близка....

Здесь оставались ночевать
внутри и на морозе – возле.
И незаметно кто-то души врачевал,
Волнуя дуновеньем горький воздух.

Пора! Пора! Витай же!
Нас от Морфея
Пробуждаешь, Отче...
Кто не изверился – поверил –
Дух не тающ,
На буриданова осла уже не вскочит.

Искрился крест,
развернутый во мглу.
Из почивален выходили за далече.
Как Лазарей, разверз их крест-валун,
Но многими остался не замечен...

Деловито, подобно пинг-понгу,
Отлетать от цветных светофоров,
Завлекать свою тень вдогонку,
А от солнца – давать ей фору.

Вилять по аспиду тротуара,
Когда рядом дракон рычащий, вон
Излучает чешуйками фары
И гаишный стакан,
Как граненый Грааль,
Напоказ:
И да всякий обрящет его!

Обвинять лиходеев – мол, ввали,
Что не будет в России
Ни Ли, ни Вранглер,
Ни, тем более, портной всех евреев,
Джинсовый король Штраусс Леви.

И склоняться к витрине сразу,
Отличив манекен в шиповках,
Чтобы после, скользнув краем глаза,
Не принять его за живого...

Но, опять же, свернув за угол,
Оказавшись в звенящей гуще,
Увидать в ней с десятков кукол,
С тем различьем, что – из живущих.

Чем к окраине ближе,
Рай не ближе,
Рай за краем,
Но за городом бирюза –
наивысшая бирюза перед Раем.

Не сумею заарканить тропы,
Влететь в стремена корней
И свалиться в кусты,
На пригорок двугорбый,
К верблюду с лихих коней.

И лежать, взирая ленно
В отходную пустынь неба.

Неожиданно для себя
Встретить сотни сортов семян.
Взять за крылышко ижицу ясеня –
Два крыла бесподобно равных.
Мирозданье укрыто рясами
Нынче притчей страдальца Урана.

И среди множества разных вер
Обретаешь свою – в твердь.
И, святой на одну треть,
Отряхнувшись, идешь вверх...

Чем прокормить вишневый вечер...
Нечем.
Снести наверх еще одну звезду...

Воздеть над крышей
Уголек из печки,
Метнуть его
В пространство черных ступ...

В тебя уверовать
Средь сонмища судеб.
Сомкнув уста, поглядывать устало.
Мечтать, не понимая твой удел –
Суть – Дев святых,
Столь девственный и странный.

Семь тысяч древ
Туманятся в подлесе
Культуры ветхой
Редкостной оскоминой,
Из полумрака высеченной фреской,
Гробницей терракотовых воинов.

Еле дышу...
Исход событий не намечен.
Обречен...
Хотя бы штрих блуждающий
И больше ничего!
Но тишина...
Лишь шепот
Бродит где-то по вершинам
И шикает крупинками пшена...

О, Артемида!
Кровопийца в лике феи.
Мне не нужны звериные трофеи.
Рога, клинки и шкура не важны...
Кто сам был жертвой,
Что сперва спешит.
Потом бежит –
И вот уже прижат.
На век глядит
Сочувственно и нежно,
Как женщина, готовая рожать.

Но суматошен вечер.
Прядает и мечет.
Тамтамит свод сумняшеся ничтоже.
И ждут волхвы
Дня сокровенной встречи,
Джавца гряде мурашками по коже!

Вот книга, вынимаясь, внемлет мне.
И я, Сент-Ябрь покидая,
Мчусь в Сент-Луис,
В порт табака, скотины и манер,
Шлю вам велюр
Воздушных поцелуев.

Равно как птица
Мнит блаженнейшей себя,
Мне уповать, увы,
Дано на эфемерность.
Бежать душеципательных замеров
И прятаться от сумрака в сенях.

Там внизу

Эти беседы – соприкосновенье.
Моя беспечность в них теряет вес.
И, беззащитный перед откровеньем,
Я был да сплыл,
Я всюду, но не здесь.

Я ваш слуга,
Но так отвык от правды-стервы,
Что прямодушие меня слегка мутит.
Так что, пока я не полез на стены,
Прошу, пустите,
Можно мне уйти...

В моей душе огромные пробелы.
Я удивлен –
Ко мне судьба благоволит.
Игра не стоит свеч –
Глухое дело,
Их на застолье не заговорить.

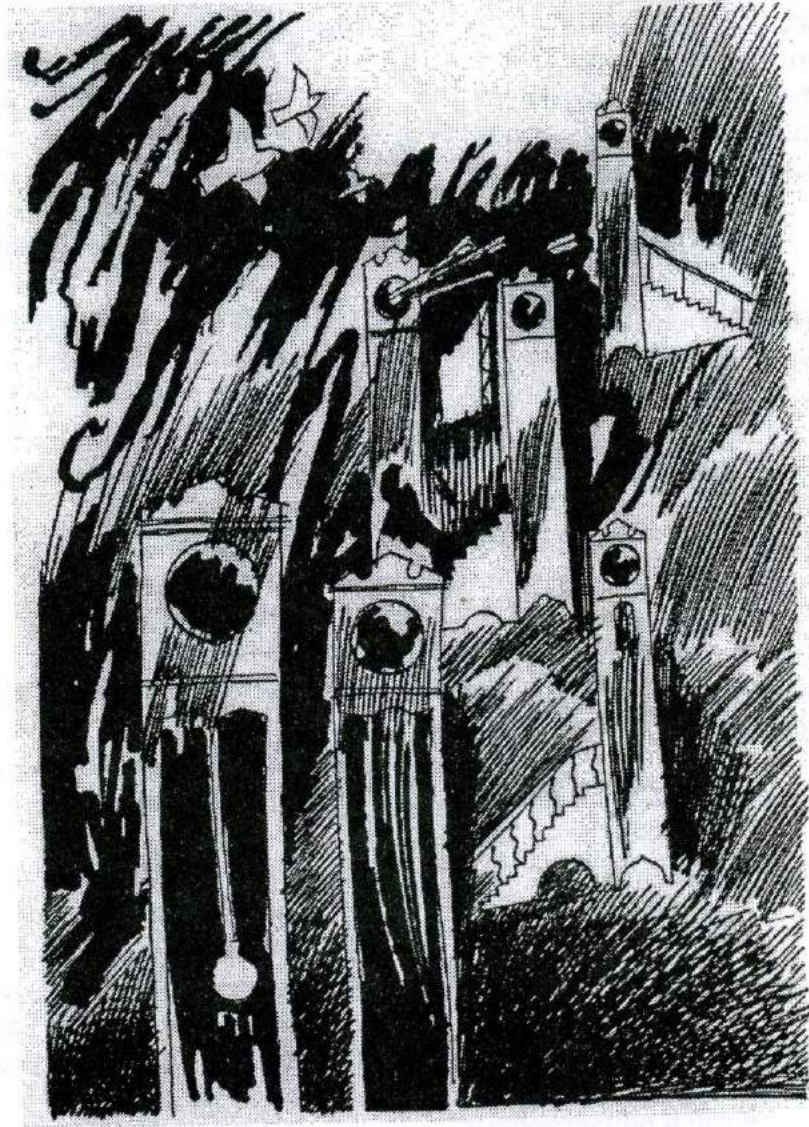
Там
Внизу
Двуликость бытия.
Брачная процессия
И траурный кортеж.
Истинность события
В ожиданье вскрытия.
Правда жизни
В сущности есть ложь.

Не хочу показаться жестоким,
Но хочу показать Вам
Истоки
Отношений нестойких
И целебность грязевых ванн...

Обрученный с одиночеством,
Обреченный в его кругах,
Не спрашиваешь имени
Иль отчества.
Да будь хоть дьявол он –
Хватаешь за рукав.

Захватывает дух
В людском высокогорье.
Обыденный Олимп
Не выдюжит богов.
Кто устоит –
Так лишь Дубина-с-Холмогоров,
Удержит и не спросит, кто таков.

Во всякой скорби
Мудрости не счесть.
Сия обитель –
Вековечный Кровный Спас.
И если стану Вам не выгоден ничем,
То, дорогая, я умру за Вас...

Татьяна Евлампиева

Студентка 3-го курса математического факультета ИГУ,
комиссар педотряда «Альтаир»

Ты не нужен мне, друг, не нужен.
Эта пьяная ночь без сна
Сыплет звезды,
Как горсть жемчужин,
Апельсиновая до дна.
Я уйду от тебя, да в лето.
Убегу по росе в закат –
Да бродить в облаках рассвета,
Да со звездами – в звездопад.
Ты не любишь меня, жируя.
Не кричи и молчать не смей!
Лучше спой и без поцелуя
Проводи меня до дверей.
Я вдали потеряюсь где-то.
Буду песни слагать невпопад.
Да бродить в облаках рассвета.
Да со звездами – в звездопад.

Распростились без слез.
Без истерик и крика.
Безнадежно-спокойно,
Одними губами.
И, спасаясь от боли,
Всю ночь говорили
Без умолку, давась
С непривычки словами.
Говорили о добром,
Забытом и вечном.
О пустом каждый плед,
Что есть сил и что мог.
И, лишь дверь затворив
За последним «До встречи»,
Каждый понял из нас,
Что вдруг стал одинок.

Томное фиалковое небо.
Густо намалеванные перья
Облаков. И, словно крошки хлеба,

Звездочки – осколками доверья.
И луна, как божий одуванчик,
Бродит среди россыпей жемчужных.
Мир так тонок, хрупок и обманчив,
Словно больше никому не нужен.

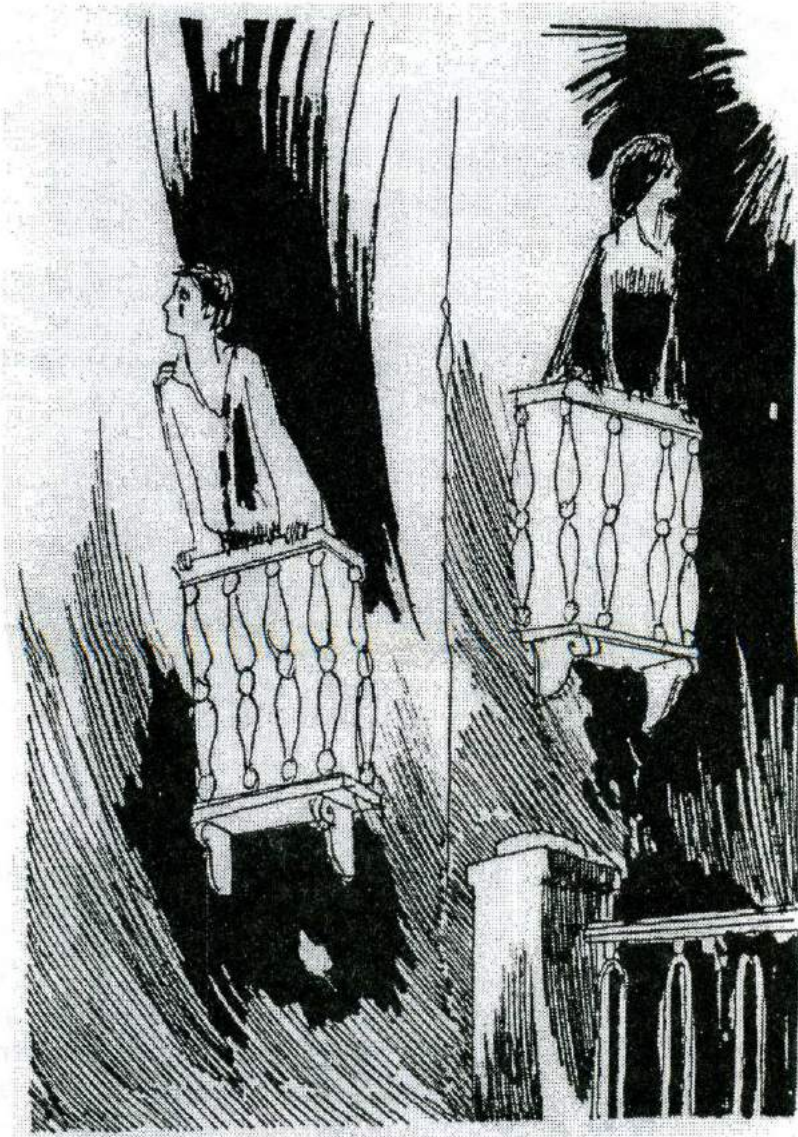
Летя вперед,
Как будто на сраженье,
С утра вцепившись
В глупые заботы,
Мы растворимся
В уличном движенье,
Спеша в метро,
К трамваю, на работу.
Спеша в метро,
К трамваю, на работу,
Не смея вырваться
Из замкнутого круга,
Мы разминемся
Глупо, кособоко,
Друг в друге
Даже не узнав друг друга.
Нас доконало
Ожиданье чуда
И остудило
Ожиданье встречи.
Никто не скажет,
Кто мы и откуда,
И не избавит нас
От бессердечья.
И все же мы,
Как маленькие дети,
Боимся темноты
И камня в спину
И неприкаянно
Живем на свете,
Ища свою
Вторую половину.
И вот уже
За шаг до поворота
Ты обернешься

Нервно и упруго...
Мы разминемся
Как-то кособоко,
Мы разминемся,
Не узнав друг друга.

По крыше соседней
Суконного цвета
Скользит отраженьё
Минувшего лета.
В туманных стеклинах
Нежданная просинь.
С отметками листьев
Лимонная осень.
В промозглую слякоть
С иконой – да в ящик.
А хочется плакать
И быть настоящим...

Как хорошо, что никого нет дома,
И Вы, далекий, не со мною рядом,

И то, что мы еще едва знакомы
Прикосновеньем рук,
Усталым взглядом.
Что я больна, но не смертельна рана,
До свадьбы заживет, как говорится,
И я на Вас гадала у цыганок,
Но выпадали все чужие лица.
Страдала ль я?
В размытом ходе буден
Я добывала Вас, другим влекома,
И мой дневник был записями скуден,
И облетали клены возле дома.
Но ветер распахнул глухие двери,
Как паруса,
Взлетели в воздух шторы.
То были Вы.
Задумчив и растерян,
Вы шли ко мне,
Вам в такт звенели шпоры.
В плаще дорожном,
До смерти усталый.
Я не ждала Вас, рыцарь незнакомый.
А за окном ветрами разметало
Листву на за ночь
Облетевших кленах.

Сентябрь

Звезды безжалостно режут круги
Нашего пыльного благополучия.
В осени где-то застыли шаги,
Голос растаял...
А может быть, к лучшему?
Может быть, там, на границе дождя,
На рубеже сентября невесомого,
Что-то найду я, теряя тебя?..

Ноктюрн

Сказочный вечер на крыше
Дремлет, поджав колени.

Луна поднимается выше
По шатким ступеням,

Скрипучим перилам веток
Доверив руки,

И ловит звездною сетью
Песчинки-звуки...

Меняю...

Меняю боль на радость,
Да выручу немного.
Напрасно ты так смотришь –
Насмешливо и строго.

Продам себя, мой нежный,
За звонкую монету –
За смех твой безмятежный
Сиреневого цвета.

Мне о тебе твердила
Кукушка над рекою...
Не будет нам, мой милый,
Ни дома, ни покоя,

Ни белых занавесок,
Ни крепких стен в ненастье –
Укроет перелесок
Украденное счастье...

Ты теплый смуглый золотой песок,
Я – томная волна, дитя прибоя.
Принес меня капризный ветерок
К твоим ногам – и я была с тобою.
Ни повторить мгновенья,
ни вернуть,
И не найти меня
В хрустальной пене,
Лишь брызги упадут
Тебе на грудь, –
Обрывки фраз,
касаний и движений...

Ты теплый смуглый золотой песок,
Ты мой неповторимый
яркий праздник.
Ты, как и я, бываешь одинок,
Хоть сны твои
так знойны и прекрасны...
А утром ты не вспомнишь ничего,
К рассвету стихнет ветер, я отхлыну,
Оставив каплю сердца моего
Осколком янтаря в твоих глубинах.

И я созрел вслед сверстникам своим
До жизни умной и обыкновенной –
Обыкновенней хлеба и воды,
Всего обыкновенней во вселенной.

И я мечтал о доле неземной,
Но искупать небесное блаженство
Приходится тягчайшею ценой
Неоспоримого несовершенства.

Когда бы Бог в всеведение своем
Мои исполнить пожелал молитвы,
Построил бы мне он далекий дом,
Оставил бы мое он поле битвы.

...Когда полночною порой
Я засвечу свечу,
Продлить ли день крылатый мой
И век мой я хочу?

Или продлиться самому –
Закону вопреки,
Чтобы в посмертную тюрьму
Вполне живым войти?

Я не ищу иного дня
И, будучи сейчас,
Приемлю краткость бытия
И ночи смертный час.

Любимая

В отсутствии тебя
Пустые телефоны –
Я след твой потерял
И номер твой не помню.

Вращаюсь, словно диск
Я телефонный – эту
Вращаю, словно диск,
Печальную планету.

В отсутствии тебя
Как все вокруг нелепо!
И вертится Земля
Направо и налево.

Опутана она
Стальными проводами,
Впритык заселена
Чужими номерами...

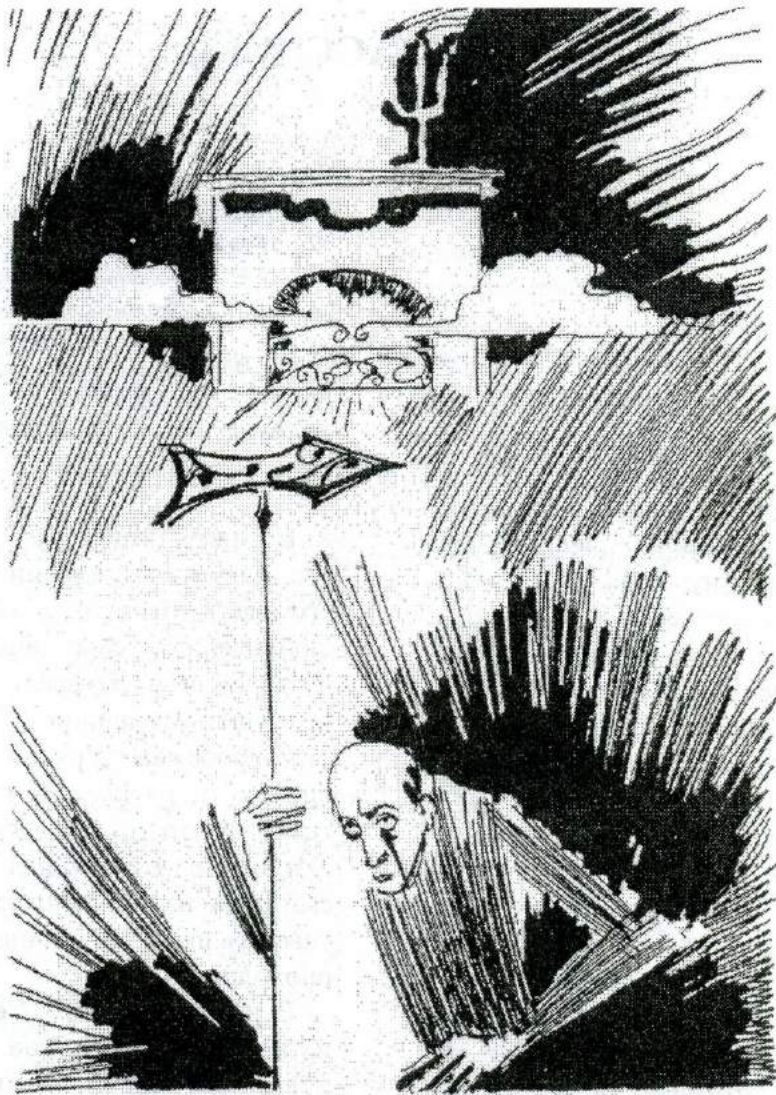
Еще писать стихи,
Порывам ветра внемля –
Еще искать любви
Путем всея страны.

Еще – быть молодым,
Покуда ветер землю
И молодость мою
Вдруг не развеет в дым.

THE PSYCHIC

By [illegible]

[Faded text, likely the beginning of an article or story.]

[Faded text, likely the end of an article or story.]

ПЬЕДЕСТАЛ ПЕРВОЦВЕТА

Павел Фереферов

Студент 1-го курса юридического факультета Русско-Азиатского колледжа г. Ангарска. Участник областной конференции «Молодость. Творчество. Современность» 1996 г. В апреле 1998 г. получил первый приз на зональной конференции «МТС» в Ангарске

ОДНОКЛАССНИКИ

Р а с с к а з

*«Мы часто ищем сложности вещей,
Где истина лежит совсем простая.
Мне не хватает нежности твоей,
Тебе моей заботы не хватает.
Что к этому прибавить я могу?
Одно, что я твоей любви не стою:
Ведь я тебя совсем не берегу –
Легко ли нежной быть тебе со мною?..»*

С. Щипачев

Первое сентября – первый день нового учебного года. У Павла в этот день настроение приподнятое. Как же, он опять пойдет в школу, займется чем-то, чтобы унять скуку. Надоело отдыхать, сидеть все время дома. В этом году он с родителями никуда не поехал, из города выбирался только по выходным на дачу.

Сегодня Павел хотел доказать всем, что он не простой человек, заставить всех удивляться и завидовать. Убедившись, что до конца школьной линейки осталось несколько минут, продумал еще раз сценарий, который объяснял его опоздание. Представил, как войдет в класс, когда все только что рассядутся, и виновато-пренебрежительным тоном скажет классному руководителю: «Римма Георгиевна, извините, что опоздал, я только что с самолета». И горделиво посмотрит на одноклассников. «Я могу каждое лето летать на юг, а вы – нет».

Но, переступив порог класса, Павел застыл в изумлении: это был не его класс. Мало того, что его недолюбливали в собственном классе, часто били и обзывали, ИХ, которые ушли, заменили ДРУГИЕ. Быстро пробежав по рядам глазами, он вручил цветы классному руководителю и что-то пролепетал вроде: «Извините, что опоздал...». Она посмотрела на него поверх очков и, улыбнувшись, ответила: «Ладно, проходи».

Ему стало неловко. Сев на первое попавшееся свободное место, он повернул голову чуть влево, на соседний ряд, и, пробежав глазами по головам, вдруг увидел ее...

Женя сидела на своем любимом месте – третья парта у стены. Прическа – длинные волосы, собранные в хвостик, они мешали ей, когда она наклонялась к шепчущей что-то на ухо Насте. Откидывая назад волосы, Женя тихо смеялась.

Женя была красивой девчонкой. Ее нельзя было не любить за этот простодушный смех, за откровенность и честность с друзьями. Возле нее не толпились подружки, которые льстили бы ей во всем, в ее круг входили избранные.

Внезапно вышедшее из-за туч солнце озарило ее лицо. Свисающая челка каштановых волос доходила чуть ли не до бровей, закрывая широкий лоб. Большие карие глаза были очень выразительны, она лишь слегка подводила их карандашом. Курносый нос, ямочки на щеках. В ушах – маленькие, аккуратные позолоченные сережки.

Павел смотрел на Женю, не отрываясь. Вот она обернулась и одала его мимолетным взглядом. Он знал ее два года и до сих пор не замечал ее красоты. И она одна никогда не смеялась над ним...

– Паша, а ты с кем хотел бы сидеть? – донесся до него голос классной.

Павел вздрогнул. Немного ошарашенный внезапным вопросом, промямлил:

– Не знаю...

– А все же? – настаивала Римма Георгиевна, решившая в этом году рассадить детей так, как им хотелось бы.

– С Женей! – неожиданно для самого себя громко ответил Павел.

Класс замер. Никто не ждал от него такой решительности. Теперь все внимание было сосредоточено на Жене. «Если она согласится, я всем докажу, что я лучше ИХ», – подумал Павел. Это было для него куда важнее, чем нелепая первоначальная выдумка. Он был уверен, что на этот раз ОНИ будут считаться с ним, ведь раньше Павел держался от девчонок на почтительном расстоянии, а сейчас хочет сидеть за

одной партой с самой красивой из них...

Женя, казалось, не очень-то торопилась с ответом и что-то доказывала подружке. Настя явно старалась ее удержать. Может, даже угрожала, что перестанет с ней дружить.

– Настя, отпусти, – твердо сказала, наконец, Женя и направилась к новоявленному соседу.

– Ладно, – процедила сквозь зубы подружка, – сама от него бежишь.

Павлу это время показалось вечностью. Сердце отстукивало секунды приближающегося счастья. «Шестьдесят», – произнес он, когда Женя села рядом.

Прошла неделя. Павел старался быть неугомонным собеседником. Видя, как остальные весело общаются друг с другом, он хотел того же. Но Женя сначала как-то не благоволит к его рассказам, неохотно отзывалась на его насмешливые шуточки. «Ничего, – успокаивал он себя, – не все сразу». И оказался прав – постепенно Женя прониклась симпатией к Павлу, и они подружились.

Однажды на перемене Женя подошла к Насте.

– Настя, может, ты тоже с кем-нибудь сядешь? – предложила она, выразительно глядя на невысокого, полного темноволосого Илью, друга Павла. Он стоял у стенки и осторожно наблюдал за ними.

Настя оценивающим взглядом осмотрела предполагаемого соседа по парте, и, покачивая головой, как будто тот набивался ей в женихи, язвительно заметила:

– Толстоват...

Женя, подойдя к Илье, развела руками:

– Извини. Я сделала все, что могла.

– Спасибо, что попыталась.

Эта неудача не помешала Илье провожать Настю. Характер у нее был непредсказуемый: сегодня добрая, покладистая, тихая, а завтра – резко другая: ехидная, капризная. Женя хорошо ее знала, а вот мальчикам приходилось туго.

Однажды, зайдя в класс, Павел увидел картину: известный своей скандальной репутацией Джон с компанией приспешников, состоящей из трех человек, приставал к Жене:

– Заучка, что ты смотришь?

– Может, хватит, Гурьев? – пыталась отвязаться она.

Но Джон был настойчив и, когда она отвернулась, дернул за юбку.

– Оставь ее! – крикнул Павел.

Компания обернулась.

– Что ты сказал? – угрожающе переспросил Джон.

– А то. Как сморчком был, так сморчком и останешься! – и Павел скрылся за дверью.

Забежал в туалет, чтобы отдышаться, и сам подивился своей храбрости. «Если злишься, контролируй себя», – мелькнула трусливая мысль. Павел не смог бы устоять против них, потому что попросту не умел драться. Не успел он как следует продумать дальнейший ход действий, как дверь со стуком распахнулась. Четверка жаждала мести за публичное оскорбление. «Тигр и шакалы», – последнее, что подумал Павел. Дальше один удар следовал за другим, острая боль в животе, соленый привкус крови во рту...

... Женя нашла его возле умывального. Павел пытался привести себя в более или менее приличный

вид. Прополоскав рот водой, пропитанной вкусом ржавчины, он вдруг скорчился от острой боли в животе.

– Больно? – сочувственно спросила Женя.

– Немного, – ответил Павел, когда отпустило. – Так, ничего... – Он попытался улыбнуться.

– Классная прислала меня сюда, – сказала Женя, – она все знает. Надо только, чтоб ты подтвердил, и их отчислят.

– Не отчислят, – ответил Павел, вытираясь носовым платком.

– Почему?

– Я не хочу.

– Значит, ты не только не умеешь драться, но ты еще и трус, – разочарованно произнесла Женя. – Ты что, испугался их?

– А ты ожидала, что я буду Герраком? – насмешливо ответил Павел. – Их больше, и я действительно не могу постоять за себя.

Женя уже не слушала – молча поднималась по лестнице. Павел шел следом. Возле двери кабинета стояла классная.

– Ты как? – спросила она.

– Уже прошло, – ответил Павел.

– Они сильно избили тебя?

– Ничего не было, Римма Георгиевна. Просто не поделили...

– Знаю я это «не поделили». Ладно, иди. Потом поговорим.

Она вошла в класс вслед за Павлом и подозвала к себе Джона.

– Ты помнишь, Гурьев, что находишься здесь только благодаря твоей матери? Забыл, как она умоляла оставить тебя?

Джон молча и нагло смотрел на нее.

– Еще раз узнаю, что ты распускаешь руки, считай, что больше здесь не учишься. Ты понял?

Джон даже не пытался оправдываться.

– Ты что так долго? – прошептала Женя, когда Павел сел на свое место. – Я придумала, как тебе помочь. Ты должен проявить себя завтра во время Дня здоровья.

Павел чуть было не подавился слюной. Откашлявшись, он продолжал писать и слушать одновременно.

– Надо, чтобы ты был первым на каком-нибудь этапе.

– Очень интересно. На каком?

– Ну, например... – она задумалась. – А знаешь, давай сделаем так. Я буду завтра на одном из этапов. Где увидишь меня, там и надо выложить свои способности. Идет?

Павел молчал.

– Ну так как? – не отставала Женя.

– Не мешай, я думаю.

После урока он ответил:

– Ладно. Вставай на любой этап. Я постараюсь.

– Давай-давай, – донесся голос Насте, – только вряд ли у тебя что-нибудь получится. Пошли, Женя.

Она демонстративно взяла Женю под руку, и они стали медленно спускаться с лестницы.

Деревья давно оголили свои ветви и готовились к многомесячному сну. Их летняя одежда, превратившись из зеленой в бурую, смешалась с грязью, и все это оседало на решетке канализационных стоков. Ночью слякоть сковывал пятиградусный мороз.

Павел не терпел такую погоду. «Дождь – так дождь, снег – так снег», – думал он, шагая к Дому культуры. Это было ежегодное место встречи классов их школы, откуда все колоннами, цепочками шли врозь на место состязаний. Как-то странно всегда получается в этот день: обязательно или пасмурно, или дождливо...

Павел волновался, не зная, какой этап выберет Женя.

На крыльце столпилось довольно много школьников, так что Павлу пришлось протискиваться, высматривая одноклассников. Небольшая группа девочек стояла у самого крыльца с противоположной стороны. Они ожидали классную.

– Римма не приходила? – спросил он.

– Нет еще.

Через пять минут, ведомые классной, они стали спускаться в пойму реки, где расположился оздоровительный лагерь. Вот уже несколько лет подряд состязания между классами проходили в этом месте.

Если посмотреть на пойму реки с высоты, можно увидеть, как ученики стекаются в главные ворота лагеря.

На большой асфальтированной площадке возле столовой классы построились буквой «П» лицом к возвышению, где стояла аппаратура для микрофона и музыки, а рядом – стол. За ним заседали члены жюри и раздавали бланки протоколов с перечнем препятствий, которые должны пройти классы-команды. Чести быть хранителем этого протокола удостоили Павла.

Выйдя на самый сложный для него этап – бег с препятствиями, – Павел увидел Женю. Она стояла вместе с Настей.

– Выбрала? – спросил Павел.
– Да.
– Какой? – он все еще надеялся, что не этот.
– А ты наш уговор помнишь?
– Значит, этот?
Женя утвердительно кивнула головой.
– Прекрасно! – пробурчал Павел.
– Ты будешь стоять здесь или где-нибудь посредине?
– Мы будем на самом трудном для тебя участке, дорогой, – съязвила Настя.

На этот раз Павел решил обойтись без замечаний. Пожав плечами, мол, как хотите, он пошел вслед за физруками, которые пожелали самолично ознакомить каждого с препятствиями.

Павел не очень-то любил спорт. Гладкий бег он бы еще потянул, но, боясь высоты, никогда не прыгал с трехметровой вышки в бассейне, не брал планку выше метра. Увидев, что на этапе стоит стенка в два с половиной метра, через которую надо перелезть, «крокодил», по которому надо пройти, и канат, за который нужно зацепиться, чтобы перебраться на другую сторону рва с грязью, Павел вконец расстроился. «Все идет очень плохо». Класс знал о его боязни высоты и часто смеялся над ним, когда на уроках физкультуры, подбегая к «козлу», он резко останавливался на мостике и сконфуженно уходил в сторону. Это знала и Настя, знала и Женя. «Решили поиздеваться», – заключил Павел.

Снял с себя куртку, отдал Илье и стал разминаться, как делал это раньше в секции по легкой атлетике, куда ходил два года и очень этим гордился.

После команды «на старт» все участники, а их было немало, заняли позицию высокого старта.

– Внимание! – прозвучал голос судьи. Раздался громкий свист, и вся орава школьников ринулась как сумасшедшая, расталкивая друг друга.

Стометровку гладкого бега Павел преодолел с легкостью, даже умудрился вырваться вперед, но возле первого же препятствия отдал первенство. Перед ним красовалась стенка. Видя, как другие бесстрашно кидаются на нее, Павел решил, что не так уж это и страшно, и стал карабкаться вверх. То, что стенка была высокой, еще полбеды, но она качалась, и это было невыносимо. Стенка раскачивалась взад-вперед всякий раз, когда кто-то лез вслед за Павлом. «Крокодила» Павел пробежал наполовину, остальную часть компенсировал бегом по земле. Миновал лабиринт, и ноги вынесли его к новому препятствию. Схватившись влажными от волнения руками за толстый канат, оттолкнулся... Но то ли толчок был сильный, его закрутило, то ли руки не выдержали, только Павел через секунду оказался в луже. Лицо, руки, одежда – все было залеплено грязью. Вскрабавшись, он лицом к лицу столкнулся с Женей.

– Какой ты неповоротливый, – заметила она, – ты не только трус, но еще и...

У нее не нашлось больше слов.

– Клоун, – закончила за подругу Настя.

Одно оскорбление за другим. Если бы здесь была одна Настя, Павел, наверное, не сдержался бы. Но Женя... Он никак не ожидал от нее такого.

За «осенний» стол, который принято было устраивать в конце состязаний, Павел не сел. Не столько из-за своего внешнего вида, сколько из-за боязни подойти к Жене. Урядкой следил за ней, ловил каждое ее движение... «Что с тобой? – говорил он себе. – Она же посмеялась над тобой. Наверное, и пересядет».

Подойти к ней?.. Нет, он знал: сейчас разговаривать с Женей бесполезно.

– Мне кажется, что ты засиделся рядом с ней, – услышал он голос Ильи.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты влюбился.

– Нет, что ты...

– Точно нет? – Илья хитро взглянул на него. – А ты знаешь, что скоро двадцать пятое?

Павел стал лихорадочно перебирать в голове, что будет в этот день, но так ничего и не вспомнил.

– Ну и что? – выдохнул он.

– Ага! – обрадовано воскликнул Илья. – Одни от любви пересаливаются, другие память теряют. Ты должен чтить этот святой день!

– Женькин день рождения? – догадался Павел.

– Угу.

– А ты уже купил ей подарок?

– Вряд ли она меня пригласит.

– Тебя-то пригласит, а вот меня...

Подруги заговорились. Женя не заметила, как они подошли к Настиному дому. Постояли пять минут у калитки, болтая об общих знакомых.

– Ой, ну ладно, – сказала Женя. – Я пойду, а то уже поздно...

– Подожди, я возьму своего пса.

– Не надо, Настя, – запротестовала Женя, но под веским поводом, что уже поздно и страшно, согласилась.

Надев куртку-ветровку, Настя вывела своего волкодава. Женя слегка побаивалась этой огромной овчарки-пастуха и решила, что будет безопасней, если пойти по другую сторону от него.

Шли не спеша, продолжая обсуждать знакомых. Теперь они добрались до Полины, дочери их преподавательницы немецкого языка, живущей в одном подъезде с Женей, этажом выше. Полина была на два года младше, но это ничуть не мешало находить общий язык. Тем более что Марина Борисовна, мать Полины, часто приходила к ним в гости и была очень дружна с Женей-бабушкой.

– Ты знаешь, – говорила Женя, – она, кажется, завела себе друга.

– Того белобрысого? – иронически спросила Настя. – Да ни в жизнь.

– А я говорю – точно!

– Ну не надо, Женя. Она еще толком не знает, кто он, а ты уже расфантазировалась, – настаивала Настя, поминутно одергивая поводок.

– Ну не знаю, – обиделась Женя.

– Фу, Джек, фу! – воскликнула Настя, притягивая собаку к себе. – У, противный! Ты замолчишь или нет?

Девочки остановились у реки. Сумерки быстро сгущались. Вышедшая из-за туч луна отражалась в воде.

– Слушай, зачем ты так сегодня?

– вдруг спросила Женя.

– Как – так?

– Ты прекрасно знаешь.

— А ты прекрасно знаешь, как я к нему отношусь, — резко ответила Настя. — Особенно с того дня, как ты села с ним за парту. Давай прекратим это. Я не хочу портить вечер.

— Значит, это из-за того, что я пересела? — не унималась Женя.

— Он меня бесит! — сорвалась Настя. — Всегда говорит заумные вещи, кривляется, кичится. Никогда не понимала таких парней! Не знаю, что ты в нем нашла! — И тут же с ухмылкой добавила: — А сама-то что ему сказала?

Женя покраснела.

— Я... не люблю трусов, — сбивчиво оправдывалась она.

— Вот видишь, — обрадовалась Настя, — и ты не любишь его.

— Я не знаю, Настя. Ведь трусость еще не повод, чтобы ненавидеть человека? Может быть, я просто его жалею?

— Ты ничего не понимаешь, — серьезным тоном заявила подруга.

— А ты у нас прямо зрелая женщина! — Женя перешла на шуточный тон.

У подъезда они расстались.

Бабушка налаживала постели. Увидев внучку, спросила:

— Почему так поздно?

— С Настей гуляла, — Женя устало опустила в кресло возле журнального столика в большой комнате, где бабушка стелила на диване.

— Ба, я сегодня сотворила глупость, — выпалила внучка.

Бабушка чуть не выронила белье, поскольку это было сказано таким тоном, будто действительно случилось что-то ужасное.

— Я... наругала ему, расстроила... А вовсе не хотела... — Женя заплакала.

— О, господи! — облегченно вздохнула бабушка. Сев с ней рядом, ласково прижала к себе. — Вот незадача-то.

— Я не знаю, что со мной. Я раздваиваюсь: с одной стороны, он умный, хороший, любит меня... А с другой — трус.

— Всего-то? — удивилась бабушка.

Женя перестала плакать, но от бабушки не отходила: ее успокаивало ощущение тепла ее тела и горячий поток от руки, глядящей по голове.

— Ты знаешь, иногда мне хочется заснуть и проснуться где-нибудь в начале сентября. Чтобы снова пойти в школу, чтобы изменить все... Страшно видеть человека, который тебе нравится, и знать, что он трус.

— Ты должна решить, — понимающе сказала бабушка и поцеловала внучку в лоб, — хочешь ты видеться с ним или нет. Ты не имеешь права терзать его. Трусость еще не повод, чтобы ненавидеть человека. Побори в себе это.

— Я не могу...

— Так надо.

Она заботливо вытерла ей слезы носовым платком и взглянула на часы.

— Ох! Уже одиннадцать. Давай-ка ложиться.

Но, очнувшись в кровати, Женя долго не могла заснуть. Ей стало немного легче, когда она открылась бабушке. Включив ночник, сняла с полки фотографию. Это последний снимок матери, сделанный перед ее отъездом. Жене сделалось тоскливо. Погладив рамку, она прошептала: «Мама, я знаю, как ты любишь меня. Ты знаешь, что я люблю тебя. Ты никогда не одобрила бы меня за мою слабость. Обещаю: я забуду про это, начиная с завтрашнего дня.

Ты же всегда меня учила не откладывать до понедельника...»

В понедельник на большой перемене Женя отвела Павла в укромное место.

– Извини меня за пятницу, – тихо сказала она.

Павел отмахнулся:

– Да ладно.

– Нет, Паша, я знаю, что ты обиделся.

– Мы же с тобой договорились. Я не выполнил своего обещания и, наоборот, я должен просить прощения.

– Я была не права. Назвала тебя трусом. Ты не трус, нет. Я... я дура, да? Скажи, что я дура!

Павел огляделся после таких громких слов.

– Не выдумывай, Женя. Хватит.

– Ну хотя бы скажи, что простил меня.

– Ладно. Я не сержусь.

Добившись отпущения грехов, Женя отошла от него. Но Павла это не удовлетворило: не зная, почему, он ожидал другого. Мысль, что он ее любит, не покидала, но беда состояла в том, что не было у Павла сил признаться ей в этом, выдать все, о чем думает. Робость мешала, и он ненавидел себя за это.

– Женя, ты идешь?! – кричал Павел, стоя у выхода. Вот уже битых двадцать минут она одевалась.

Когда белая шапка показалась из подвала школы, Павел чуть не воздел руки к небу:

– Явилось крестное знаменье!

– Ну ладно тебе, – подыгрывая, ответила Женя. – Я не могла найти номерок...

Илья с Настей ушли уже далеко, так что второй парочке пришлось их догонять. На улице было очень скользко. Мальчишки кое-как приспособились, а вот двум подружкам, как на грех, не везло. Первой жертвой коварной погоды стала Настя. Цепляясь за Илью, она скользила по льду своими осенними сапогами, то и дело вскрикивая:

– Ой, мамочки!.. Ах!

Илья сразу заметил эту нерасторопность подружки и, как только они подходили к очередному ледовому участку, он специально подставлял ножку или слегка подталкивал, а этого вполне хватало, чтобы жертва через секунду из стоячего положения в лучшем случае принимала сидячее. Настя, визжа, словно сработавшая на чьей-то машине сигнализация, спряталась за Женю. Подруга замахнулась на негодного мальчишку, но ей было суждено провести следующие секунды на земле. Громкий смех мальчишек и визг девчонок будоражил прохожих, поглядывающих косо на развеселившихся школьников.

Компания, наконец, достигла дома Жени. Как следует отряхнувшись от снега, они вошли в подъезд.

– Ну ладно, – стоя в дверях своей квартиры, сказала Женя, делая намек на прощание.

– А можно испить воды? – задыхающимся голосом прохрипел Илья, прикидываясь больным.

– Принесу, – смеясь, ответила Женя.

Вынесла две кружки, предложила их мальчишкам. Павел заговорил первым.

– Завтра будет день рождения...

Он остановился, сообразив, что эту фразу они сказали одновременно.

— ... и я поздравляю тебя, — продолжал он. — Сколько настукало? Никак не могу сосчитать.

Женя улыбнулась:

— Шестнадцать.

— О, точно. Я так и думал. Ну, поздравляю тебя с шестнадцатилетием и желаю всего, всего, и еще сверх того, — он вдруг сконфузился. — Извини, открытку и подарок еще не приготовил. Но я обязательно подарю в понедельник...

— А ты что, разве не придешь?

— А меня разве приглашали? — удивился Павел, ликуя в душе.

— А, ну да, — сказала она. — Уважаемый Павел Михайлович, я официально приглашаю вас завтра к пяти часам на мой день рождения. Приходите, пожалуйста.

— Я обязательно приду!

— Если он придет, то я не приду! — вдруг воспротивилась Настя, когда они остались одни.

Еще сидеть с ним за одним столом! И эта фамильная присказка «Приходите, пожалуйста» просто взбесила ее.

— Настя! — воскликнула Женя. — Как ты можешь такое говорить?

Настя стояла на своем. Уходя от Жени, она думала: «Ладно, ладно, Паша, я устрою тебе день рождения. Ты окажешься в таком нелепом положении, в каком еще никогда не был. Я сделаю так, что они посмеются над тобой. Я настрою против тебя всех, кто будет завтра на этом званом вечере!»

К этому вечеру Павел готовился тщательно. «Последний шанс, —

твердил от себе. — Ты не должен пасть лицом в грязь». У зеркала он на мгновение замер с расческой в руках. «А Настька? — неожиданно пришла в голову зловещая мысль. — Женя под ее влиянием. — Павел махнул рукой в сторону зеркала. — В конце концов, она не может запретить мне любить...» Павел задумался: а может, это не любовь, а что-то другое, простая привязанность? Он отмахнул и эту мысль.

До назначенного часа оставалась совсем немного. Принарядившись, взяв подписанную книгу и открытку, Павел вышел из квартиры. По дороге он зашел к другу. Илья тоже выглядел прилично, но показался очень напряженным из-за галстука.

— Хочется красиво выглядеть, — пояснил он, смущаясь своего полосатого, чуть зеленоватого костюма и пестрого галстука. — Все-таки первый раз приглашает...

— Ты просто неотразим. Правда, Павлуша? — сказала бабушка, выходя из кухни. Она всегда с радостью встречала Павла: такой замечательный мальчик, друг Ильи, хорошо повлияет на внука. Она всегда ставила Павла в пример, отчего ему становилось неловко.

— Илюша, надень шапку, — бабушка, вытерев руки о фартук, заботливо пыталась надеть на него вязаную шапочку. — Павлуша, на улице холодно?

— Да нет, пожалуй, — любезно ответил Павел, посмеиваясь над сценической принужденной одеждой. — Я без шапки.

Бабушка смягчила свою настойчивость:

— Возьми хоть в карман.

Наконец друзья вышли на свежий воздух. До квартиры именинницы добрались быстро. Стоя у двери,

Илья вынул яблоко и апельсин, Павел приготовил купленный ими торт, и все это было возложено на руки Ильи. Короткий звонок, секундная задержка – и вот дверь распахнута.

Именинница была красива в своем красном платье с белыми оборками воротника.

– Это все для тебя! – прозвучал зычный голос Ильи.

– Женя, поздравляем тебя с шестнадцатилетием, – произнес Павел.

– Спасибо, спасибо, – благодарила Женя. – Проходите.

Раздевшись и отправив ореховый торт на кухню, а фрукты – в вазу, мальчики прошли в залу.

Люстра сияла ослепительно, и все казалось таким ярким, чистым. Сев в кресло, Павел заметил, что Настя восседает в центре стола, как бы охраняя Женино место, и испепеляюще смотрит на него. «Пришла ведь, – подумал Павел. – Ничего же не случилось».

Откупорив бутылку шампанского, Илья при помощи друга, который следил за соблюдением этикета, налил каждому в высокий хрустальный бокал.

– Паша, произнеси тост, – попросила Женя.

– Да, да! Посмотрим, что ты умеешь, – язвительно добавила Настя.

Павел растерялся. Никогда еще не произносил он тосты, тем более – никогда не выступал экспромтом. Взглянув на Настю, он вдруг все понял. «Ах ты, зараза. Твоих рук дело», – подумал он, но что-либо менять было поздно.

– Тост, значит, – промямлил он, вставая. Ноги сделались как ватные, он еле стоял, держась одной рукой за край скатерти.

Павел чувствовал, что пауза затягивается. Надо было что-то сказать.

– Женя, – собрался он с духом. – Поздравляю тебя с днем рождения, желаю... с днем рождения...

Все! Это был окончательный провал. Стушевавшись под конец, он сел. Никогда Павел не чувствовал себя так гадко. Собравшиеся в полной тишине выпили праздничное вино и в таком же удрученном молчании приступили к еде. Настя мысленно потирала руки: репутацию этому мальчишке подпортили. Ну что ж, если и пришлось пожертвовать Жениным праздником, так это только на пользу. Поймав взгляд этого «благого» ангела, Павел прочитал: «Ну что, я же говорила. Ты не достоин ее, да вообще кого-либо...» В Жениных глазах, ему показалось, мелькнуло презрение: «Да он не только трус, но и зануда...»

Женя, пытаясь хоть как-то поднять всеобщее настроение, старалась говорить о школе, о друзьях...

– Помоги, – шепнула она Павлу. – Раз уж испортил праздник...

От этих слов, невольно выскочивших, Павел еще больше вжался и ушел в себя.

– Кушайте... Полина, ты что не ешь? Настя, ну а ты?

– Что-то не хочется, – ответила подруга и откинулась в кресле. Она наслаждалась, глядя на Павла. «Как все просто! Вот он раздавлен и унижен, а до этого был радостный, веселый, полный надежд...» Настя улыбнулась.

Перед чаем Женя предложила прогуляться. Когда они вышли, вечер вступал в свои права. Становилось холодно, но празднующие день рождения своей подруги не заметили этого. Они со смехом, с визгом шли по улице, кружили вокруг дома именинницы. Павел плелся позади

всех, ему казалось, что все о нем забыли. «Раз уж испортил праздник...»

– Паша, ты идешь? – Женя отстала от Насти и наконец-то подошла к нему.

Павел посмотрел на нее с опаской. О, теперь он не играл, теперь он по-настоящему боялся! Другой бы ушел, но он не мог: магнит действовал сильнее и сильнее.

– Паш, – она взяла его под руку, – я хочу тебе сказать кое-что...

– Идем играть в снежки! – раздался голос, и в этот момент Женю кто-то ухватил за руку и потянул за собой.

Настя кинула первый комок в Павла.

– Только не в лицо, – сказал он, отбегая.

Набирая рыхлый снег в руки, он кидал, правда, не всегда попадая. Он хотел что-то крикнуть, но вдруг один из комков угодил ему в лицо, обжег щеки, забил рот и залепил глаза. На мгновение Павел замер от неожиданного удара. Сняв перчатки, он стал первым делом протирать глаза и выплевывать песок, попавший вместе со снегом.

– Ой, какой ты красивый, – услышал он чей-то возглас.

– Извини, я не знала, что это ты, – сказала Женя, но Павел ясно видел, от кого прилетел снежок.

– Да пойдете, – уговаривала Настя, – с ним ничего страшного не произошло. Сейчас отряхнетесь и придет.

Ну уж нет! Эта капля переполнила чашу терпения. Он взорвался, резким движением руки оттолкнул Женю, которая хотела помочь; отряхнувшись от снега, застегнул куртку.

– Паша, ты обиделся? – недоумевала Женя.

– Отстань от меня! – крикнул он.

Павел шел, не разбирая дороги. Только упав в сугроб, очнулся. Вышел на асфальт. «Лицемеры! Все они лицемеры. Сначала : Паша, Паша, а потом я им праздник порчу, и все такое. Не приглашала бы!» Обида выплескивалась наружу. Выйдя из двора и уже пройдя несколько метров по улице, он вдруг остановился, сообразив, что забыл перчатки.

Выйдя на то злосчастное место, он попытался что-то найти. Не нашарив, решил, что забрала компания.

Дверь открыли сразу. Женя недоуменно смотрела на него.

– Что с тобой? Почему ты ушел?

– Перчатки забыл, – не глядя, ответил Павел.

– Оставайся. Мы чай будем пить...

– Чай?! Вы?.. – Он был поражен. – Значит, я не нужен... Спасибо. Ты все сказала. Можешь не волноваться, я сделаю так, что ты меня никогда не увидишь.

– Хватит глупить, – Женя вышла в коридор, закрыла за собой дверь. – Почему ты взорвался?

– Мне надоело твое двуличие: сама же попросила произнести тост, а потом заявляешь, что праздник испортил... Конечно, такой идиот, как Паша, все может испортить... Не бойся, больше я тебе никогда ничего не испорчу.

– Извини, что я сорвалась. Я стараюсь, Паша. Я забыла о твоей слабости и больше никогда не упрекну...

Но Павла невозможно было остановить. Он не слушал ее. Надев перчатки, он хлопнул подъездной дверью.

Он бежал что было сил. Слезы застилали глаза, превращая яркий

свет фонарей в размытые пятна. Дорогу он плохо разбирал, но все же умудрился разглядеть три тропинки, ведущие в парк.

Снег еще не успели притоптать, бежать было трудно. Запнувшись о корень, Павел еле удержал равновесие, ухватившись рукой за ствол дерева. Не обращая внимания на то, что уже совсем темно, он шел и шел наедине со своими мыслями. Легкий морозный ветерок обдувал лицо. Обернувшись и немного прищмотревшись, понял, что сделал круг и стоял возле ограды парка, откуда и пришел.

Перелез через забор и зашагал своим привычным быстрым шагом по тротуару. Прохожих встречалось мало, но он никого не замечал. «А может... это я во всем виноват? – впервые пришла ему в голову мысль. – Ведь если бы не я со своим дурацким тостом, ничего бы не случилось, праздник так бы и продолжился. Нет, я им не нужен...»

Домой Павел вернулся в подавленном настроении. Мать удивилась:

– Ты что так рано?

Сын не отвечал. Молча раздевшись, прошел в свою комнату.

– Ты почему не отвечаешь? – раздался строгий голос матери.

– Не приставай, пожалуйста! – Павел хлопнул дверью чуть ли не перед самым ее носом.

Не включая света, долго простоял у окна. Затем сел на диван и, откинувшись на спинку, закрыл глаза.

Очнулся от яркого света, который пробивался сквозь сомкнутые веки. Сощурившись, кое-как узнал отца. Тот присел на диван рядом с ним.

– Зачем ты так? – произнес он. – Она ведь добра желает, а ты нагрубил.

Ясно, что речь шла о матери. Первый порыв был – открыться, излить душу, но он не мог заставить себя открыть рот. Ему казалось, что когда он начинает откровенничать, то кажется всем смешным. Поэтому резко ответил:

– Отстань от меня! Пожалуйста, уйди!

Отец вышел, не сказав больше ни слова.

В воскресенье Павел ничего не делал. Мать пыталась выгнать его на улицу, но все старания были напрасны: притворившись больным, сын ссылаясь на внезапный недуг, на какую-то душевную травму.

– Ну что еще за травма, – мать устало опустилась на диван. – Ты же здоров, как бык. Посмотри, какой чудный день. Нет, тебе надо прогуляться.

– Нет, мам, – отвечал сын, пытаясь увернуться от щекочущих рук.

– Но ты же не собираешься всю неделю пролежать на диване?

– А почему бы и нет!

– Что с тобой? – спросила она, глядя на сына. – Ты изменился. Ты разве не собираешься на каникулах куда-нибудь съездить с друзьями?

– Нет, – Павел встал. – У меня нет друзей.

– Как нет? У каждого человека есть друзья. Вот, например, у меня была подруга, так мы с ней были неразлей вода...

– Мама, ну о чем ты говоришь?

– Об Илье. Разве вы с ним не дружите?

– Не знаю... – Павел растерялся.

Всю ночь он не спал. Думал о том, какой он. Перед глазами ясно пролетали отдельные картины не-

давних происшествий. Да, он хотел измениться, но не знал, как это сделать. Отказаться от всего, уехать куда-нибудь, где его никто не знает. Нет, этого сделать он не сможет.

После обеда пришел Илья.

– Лежишь?

– Как видишь...

– Что же ты натворил? Женька убивается, не знает, что такое с тобой случилось, а ты вот так просто лежишь на диване.

– Убивается? – усмехнулся Павел. – Как же. Очередная маска. Она хочет, чтобы я продолжал ползать, извиваться, лишь бы увидеть ее милое личико. Так, что ли?

Илья молча смотрел на Павла.

– Так вот, курьер, – продолжал тот, – возвращайся к ним и предай: меня больше нет, я умер. Слышишь?

Илья вздохнул:

– Увезти бы тебя отсюда на несколько дней и вразумить как следует.

Павел стоял, отвернувшись к окну.

– Давай, давай! Попробуй! – Он повернулся. – Да мне плевать на всех вас. Вы же мне плюнули в душу, почему мне не сделать то же самое?

– Все когда-то совершают ошибки...

– Так, теперь ты будешь читать проповеди. Не надо, вот они пусть читают! – воскликнул он, показывая туда, где должна быть, по его мнению, мать.

– Что ты кричишь?

– А тебе какое дело?

– Ты же мой друг.

– Друг? – с насмешкой переспросил Павел. – Однажды Женя спросила: «... А как же Илья, он ведь твой друг?». А я ответил, что не

считаю тебя своим другом, ты никогда им не был. Я притворялся, я тебя использовал, приходил к тебе только тогда, когда ты был мне нужен для корыстных целей... Понял? Я никогда не думал о тебе – только о себе!

Илья выдерживал натиск стойко. Идя к Павлу, он готовился к любому удару. Но этот оказался более других. «Ох, – думал он, – ну зачем же ты это сказал?» Молча развернувшись, Илья вышел из комнаты.

Павел упал лицом вниз на диван и закрыл ладонями уши. Но сквозь гул в голове до него все же донеслись слова матери:

– Куда же ты, Илья?

– Мне надо идти.

– Ты не обращай на него внимания. Он сам не знает, что делает...

... Дождь лил с самого утра. Надев черную куртку, ступая осторожно по лужам, Павел шел, терзаемый сомнениями. Вчера, когда Илья ушел, он все порывался догнать его, извиниться. Но как это непросто было сделать! Казалось, всего два слова: «Извини, пожалуйста» – и взгляд забитой овечки. Но на деле... Ночи для Павла давно стали временем раскаяния. Он ругал себя, винил, что не удержал единственного друга. А утром, встав пораньше, пошел извиняться, продумывая по дороге каждое слово.

Дверь открыла бабушка. Восемь часов – а она давно уже на ногах.

– Павлуша, – обрадовалась она, – хорошо, что ты пришел. Мы вот собираемся ехать на турбазу. Проходи, проходи.

Она закрыла за ним дверь и ушла в комнату.

– Илюша, вставай, Павлуша пришел.

В коридор вышел Илья, наспех одетый.

– Пришел? – он исподлобья посмотрел на него.

Тут и надо было произнести те самые заветные слова. Но у Павла не получилось. Вот так всегда в ответственный момент теряешь дар речи.

Илья кивком дал знать, чтобы друг прошел, а сам вышел в кухню.

– Ба, – сказал он, прикрывая дверь, – когда я уйду, ты тихонько позвони Жене, скажи, что я буду ждать ее возле парка.

– Вы что, поругались?

– Да нет, это нужно для лечения.

– А-а-а, – бабушка многозначительно кивнула. Она была рада подыграть внуку, который не так уж часто посвящает ее в свои дела.

Илья вернулся в комнату. Павел рассматривал фотографии на стене.

– Ну, и зачем ты пришел? – спросил Илья, усаживаясь в кресле.

– Я пришел извиниться. Мне очень стыдно. Вчера, когда ты ушел...

– Ладно, – перебил Илья, – я не сержусь. Мы сейчас собираемся ехать. Ты поедешь с нами?

Павел был рад, что все так просто разрешилось. Теперь он готов ехать куда угодно и с кем угодно. Поэтому не стал отказываться.

Когда друг ушел, Илья рванул в парк. «Соединим души несчастных», – думал он.

Женя сидела на скамеечке у фонтана. Дождь прекратился, но ветер крутил тучи, так что, не ровен час, могло опять политься с неба.

– Ну все, – отдышавшись, сказал Илья, опускаясь на скамейку рядом с Женей. – Он едет.

– Ты точно знаешь, что все получится? Я вовсе не хочу, чтобы он проклинал меня...

– Все будет нормально. Только что делать с Настей?

– Ничего не делать. Я с ней поговорю. Должна же она в конце концов что-то понять... А он тебе не сказал, что произошло на дне рождения? – вдруг осторожно спросила Женя.

Илья пожал плечами:

– Нет, да это и неважно. Главное – не упустить шанс.

Автобус свернул с шоссе. Несколькими минутами тряски по колдобинам старой, наполовину заасфальтированной дороги, и они выехали на более или менее ровную проселочную колею, ведущую по кромке поля. А там уже виднелись маленькие домики турбазы.

У ворот громким лаем их встречал огромный пес. Рыжий сенбернар с расплывшимся левым глазом надрылся от лая, и чем ближе Павел приближался к калитке, тем сильнее раздавался голос мохнатого сторожа.

– Молодец, Санта, – Илья потрепал ее за загривок. – Такая примерная девочка, а для чужих – сущий дьявол.

– Дьявольского в ней хватает, – подтвердил Павел.

– Да ты не бойся, – сказал Илья, когда псина была надежно упрятана в будку.

Павел зашел на территорию турбазы, но все же с опаской оглядел будку и обошел ее подальше.

Аккуратные домики, где должны ютиться отдыхающие, были выстроены в ровные ряды, между которыми пролегали асфальтирован-

ные дорожки. Давно здесь никто не отдыхал, а с прошлого года эта турбаза перешла в руки здешнего сторожа, коей являлась Елизавета Федоровна, бабушка Ильи. Сама она жила в сторожевом домике, где работали электричество и отопление. Остальные корпуса, некогда красиво оформленные ажурной резьбой и дивно разукрашенные, сейчас выглядели жалкими и убогими.

После обеда мальчики пошли к реке. Спустившись на берег, они двинулись вверх по течению. Река еще не замерзла, и бурное течение на перекатах создавало сильный шум, как будто неслись воды мощного потока во время разлива. Перейдя на другой берег по камням, друзья остановились. Присев на корточки, Илья отламывал корку льда, Павел же просто кидал камни в воду. Оба о чем-то думали, не решаясь заговорить.

— Знаешь, я никогда не думал, что у меня есть друг, — сказал Павел, не отрывая взгляда от течения реки. — У меня много знакомых, но таких, как ты, нет и, наверное, никогда не будет.

— А Женя? — неожиданно спросил Илья.

Павел завел свою старую пластинку:

— А ты знаешь, что она мне сказала после моего дебюта в тостах?.. Что я ей, видите ли, испортил праздник. Сама же попросила, а потом...

— Наверное, она потом извинилась, да?

— Ни словом не обмолвилась, — Павел не врал, он действительно не слышал тогда ее последних слов. Его разум в тот момент затмевала злоба.

— Значит, ты ее больше не любишь?

Павел растерялся.

— Не знаю, — он пожал плечами, — иногда мне кажется, это совсем не любовь. Мне приятно находиться с ней рядом, разговаривать... Первоначальное чувство утихает. — Он смутился. — Извини, я сам не знаю, что говорю...

Помолчав, Илья спросил:

— А что бы ты сделал, если бы увидел ее прямо сейчас?

— Кого? — не понял Павел.

— Женю.

— Это невозможно. Она далеко отсюда.

— Так что же?

— Ну... так просто не ответить на этот вопрос...

— А ты попробуй.

Павел искал в голове подходящие фразы.

— Ну, наверное, извинился бы перед ней. Сказал бы: «Извини меня, Женя. Я был не прав. Не знаю, что нашло на меня. Я эгоист, я думаю только о себе, никогда не слушаю других. Мне так хочется вернуться в ту пятницу и все исправить. Ты простишь меня?..».

— Пожалуй что да, — раздался голос за его спиной.

Павел резко обернулся. Женя стояла в синей куртке и белой вязаной шапочке. Ее лицо порозовело от мороза и расплылось в улыбке.

— Женя?! — удивился Павел.

— Куда же девалась твоя робость, Паша?

Павел смутился.

— Ты знаешь, я давно хотел тебе сказать, но никак не решался. Не мог найти подходящие слова. Думал, ты не выслушаешь и будешь смеяться.

Женя улыбнулась.

— С этого дня я буду смеяться только вместе с тобой...

Владимир Мешков

ВРЕМЯ ШЛО, СЧИТАЛА КУКУШКА...

Рассказ

В начале весны Антон Сергеевич Берестов, инженер тридцати с лишним лет, вошел к себе в отдел и нерешительно затоптался на пороге: что-то было не так, как всегда. Непонятное оживление, неясный поток едва ощутимого тепла... Чей-то незнакомый взгляд разом, как луч локатора, охватил инженера.

Антон растерянно огляделся и увидел светловолосую девушку в пушистом свитере. Она стояла у его стола, в лучах яркого солнца, только что заглянувшего в окна словно специально для этого случая.

Рядом с девушкой находилась начальница отдела Ангелина Кимовна Родзянко (за глаза Премьерша), она о чем-то расспрашивала незнакомку, незнакомка что-то тихо отвечала, чуть наклонив голову. Никто, кроме девушки, не заметил появления Берестова. Антон Сергеевич смущенно улыбнулся и неожиданно, вместо ставшего привычным «С добрым утром всех», по-мальчишески гаркнул:

– Здрасьте!

– А! Антон Сергеевич, – обернулась к нему Родзянко. – Подходите-ка, подходите. Давайте знакомьтесь. Вот – Наташа Марченко. Заканчивает институт. Кстати, ваш, Антон. Направлена к нам на практику. Ну, подходите же!

Ангелина Кимовна протянула руку, подзывая Берестова нетерпеливым жестом длинных, ухоженных пальцев.

– Вот, Наташенька, познакомьтесь. Это и есть ваш наставник и руководитель на время практики – Берестов Антон Сергеевич.

Антон подошел. Видя замешательство инженера, премьерша усмехнулась.

– Берестов, душенька, («душенька», обращенное к девушке, означало, что у начальства хорошее настроение) введет вас в курс всех наших дел. Объяснит, что к чему, и покажет, насколько здесь все не так, как вам преподают. Впрочем, уж Антон-то Сергеевич поможет вам защитить диплом так, как это требуется.

Ангелина Кимовна приятельски улыбнулась Берестову, приобняла его за плечи и лукаво добавила:

– Это наш добрый гений. Архимед, Эйнштейн и вся Большая Советская Энциклопедия. Весь отдел на нем держится. Вы уж поверьте, поверьте. И еще, – Родзянко чуть понизила голос, пригнулась к Наташе. – Хотя это не относится к делу, Антон Сергеевич у нас мужчина «на выданье». Рекомендую приглядеться к товарищу Берестову.

Девушка звонко рассмеялась, «товарищ Берестов» залился краской. Краснота пробежала по его смуглым щекам и схлынула к чуть оттопыренным ушам.

– Ну что вы, Ангелина Кимовна? – промямлил Антон. – К чему это?

– Зарделся, зарделся. Ну прямо школьник! А что тут такого? Дело

молодое... Ну, хорошо. — Премьерша шутку затягивать не стала. — Приступим к делам.

Переменив тон, начальница сделала необходимые распоряжения на день, одарила отдел златозубой улыбкой и вышла.

Антон и Наташа еще какое-то время молча стояли друг против друга.

— Ну что же, — обрел дар речи инженер, — приятно будет работать с вами. Я надеюсь...

— Взаимно. — Наташа не переставала улыбаться.

Антон Сергеевич придвинул стул.

— Прошу. Начнем?

— Охотно. — Она тряхнула челкой, шелковистые локоны метнулись из стороны в сторону, сверкая искорками.

Прошла неделя. Прошла и другая.

Новое чувство и радовало, и пугало Берестова. Все вокруг, кроме двадцатилетней практикантки, стало неважным, второстепенным.

Возвращаясь по вечерам к себе, Берестов падал на диван и, заложив руки за голову, подолгу глядел в потолок, представляя себе Наташу. Ее уверенную походку. Веселый взгляд. Мелодичный голос.

Наступала ночь. В комнату сползались сумерки, а Берестов все лежал и счастливо улыбался.

В школьные годы одноклассницы смотрели на нескладного Антошку с пренебрежением. Позже, в институте, сокурсницы замечали Берестова лишь на сессиях, при сдаче курсовых. Ему же оставалось завидовать успеху своего давнего приятеля — Сережи Черкасского. Сергей был обаятелен, в компаниях говорлив. К

тому же писал стихи. Ими зачитывались. Некоторые Антон помнил наизусть.

Будет ветер-разбойник смеяться.
Снег в лицо будет хлопьями сыпать
Буду ждать я тебя, волноваться,
Ревновать до зубовного скрипа.

Как он смеет, бродяга несчастный,
За меня обнимать тебя крепко.
Прикасаюсь к губам твоим страстно,
Если я прикасаюсь редко?!

Сергей несколько раз пытался устраивать судьбу Берестова, но безуспешно. Робок был Антон.

По распределению попал он в Междуреченск, на нефтехимический гигант. Устроился в ПТО на одном из заводов. Отдел оказался женским, самой молодой из сослуживиц уже тогда было за сорок. К новому инженеру отнеслись по-матерински.

Соседи по коммунальной квартире, где Антону дали комнату в шестнадцать квадратных метров, были люди семейные: пожилая пара и молодожены с милой трехлетней дочкой.

Замкнутый по характеру, Берестов почти не имел приятелей, разве только Сергей иногда, набегом, приезжал к нему из областного центра. Танцы и рестораны Антон не посещал. После работы шел домой, к своим книгам.

Так он прожил десять лет. И вот, став уже Антоном Сергеевичем, вдруг влюбился.

Весна перетекала в лето. Практика Наташи подходила к концу.

Однажды за обедом Антон, смущаясь, спросил:

– Наташа, можно спросить не совсем по делу? То есть совсем не по делу?...

Девушка отодвинула в сторону тарелку и, потянувшись за компотом, позволила:

– Спрашивайте.

– Наташа... Чем вы собираетесь заниматься сегодня вечером? – еле выговорил Антон Сергеевич заранее приготовленную банальную фразу.

Наташа взметнула на Берестова бирюзу глаз.

– Наверное, ничем. – Она отпила из стакана, отвела взгляд, словно вспомнив о чем-то, и задумчиво добавила. – Правда, родители, как обычно в пятницу, собираются на дачу. Но, – синие глаза вернулись к Антону, – мне, честно говоря, не хочется. А что?

Антон Сергеевич с трудом поднял глаза.

– Я хотел... предложить встретиться сегодня...

– Вы приглашаете меня на свидание? – Наташа озорно прищурилась.

– Ну... – замялся Берестов, – Встретиться. Может быть, сходить в кино. Сегодня в «Родине» премьера. Итальянская кинокомедия.

– Нет, – перебила девушка и тут же объяснила: – Не люблю кинотеатров. Давайте просто побродим в парке, на Тае.

У Антона перехватило дыхание.

– Значит, договорились? – выдохнул он.

– Да. Давайте встретимся у стадиона.

– Хорошо. В семь, да?

– В семь.

– И еще, – Антон Сергеевич совсем расхрабрился, – есть предложение перейти на «ты». Как?

– Заметано, – подмигнула Наташа.

Соглашение было скреплено рукопожатием.

Вечер выдался ясным и тихим. Легкий ветерок, весь день шумевший молодой тополиной листвой, утих, распластался по траве и замер. Прохлада опустилась на город с вечерними сумерками.

Хорошо было на тайском берегу, под развесистыми черемухами. Шепталась на мелкой гальке малая волна. Птицы переговаривались в листве. Где-то глухо, едва слышно отсчитывала года припозднившаяся кукушка.

– А хорошо-то как...

Наташа, в легком платье, сидя на бревне, на заботливо подстеленной Берестовым кожаной куртке, обхватила руками матовые колени, прижалась к ним подбородком, затаив в уголках непонятную улыбку.

Антон, молчаливый, зажатый собственными сомнениями, как листок тополя между страниц, вдруг встрепенулся.

– Да, да, очень хорошо. Вечер просто прекрасный. Тихо так. Спокойно... – Он посмотрел на Наташу и, не меняя тона, добавил: – Я люблю вас.

Девушка спрятала лицо в колени.

Время шло. Текла вода. Считала кукушка.

Наташа повернулась к Берестову. Сквозь вуаль золотистых волос на него глядели ее глаза. Веселые, бирюзовые.

– Антон. Ну, в самом деле. Разве так можно?

– Наташа, – голос у Берестова пресекался, слова приходилось выталкивать силой. – Но я действительно

люблю вас... тебя... Со мной никогда... Ну как-то все... Не знаю. Наверное, и правда, надо как-то... По-другому, что ли?.. Не так. Но это правда...

– Ах, Антон, Антон Сергеевич.

Наташа выпрямилась, посмотрела за реку, на почерневший берег. Неожиданно встала, отошла на два шага, обернулась, зябко обхватив себя за плечи.

– Пойдем? Становится прохладно.

Антон сидел, опустив голову.

– Да, конечно, – рывком встал, поднял куртку. – Я понимаю. Смешно, наверное. Просто у меня... Хотя и возраст уже, и...

Девушка шагнула к нему, протянула руку и осторожно, кончиками пальцев, прижала губы.

– Не надо, Антон Сергеевич. Не надо ничего говорить. Хорошо?

Антон согласно кивнул.

Когда они вышли из парка и остановились у одного из домов, Наташа сказала:

– Вот здесь я живу. А где живешь ты?

– Там, – Антон махнул рукой в сторону центра. – На площади.

Вечер перешел в прохладную ночь. Темнота сгустилась во дворе, под тополиными кронами. Поднялся легкий ветерок, зашептал листвою. Час был поздний, но улицы еще не опустели. Из темноты доносились детские голоса, по мостовой приглушенно урчали автомобили. Из верхних раскрытых окон доносились отчетливые голоса героев нового телесериала.

– Не хочется домой, – вздохнул Берестов.

Признание, долгая молчаливая прогулка переменили Антона. Он удивлялся себе, порой ему казалось, что он в состоянии читать мысли Наташи. Но ее мысли, «подслушанные» Антоном, пугали его еще сильнее, чем испугал и огорчил бы прямой отказ.

Наташа молчала, отвернувшись, тербила прядь волос, смотрела на светящиеся окна.

– А где твои окна? – Антон шагнул ближе к ней.

– На той стороне, – Наташа чуть отошла. – Они выходят на стадион. Во время матча у нас дрожат стекла.

– А у меня стекла дрожат каждое утро, как только начинают ходить трамваи.

– Кошмар, – обернулась к нему девушка.

– Почему? – не согласился Берестов. – По крайней мере, я еще ни разу не опоздал на работу.

Из подъезда на крыльцо вышла женщина в халате и шлепанцах на босу ногу.

– Здравствуй, Наташенька.

– Здравствуйте, Светлана Марковна, – ответила Наташа и шагнула ближе к Берестову.

– Сергей Михайлович и Ольга Викторовна дома? – осведомилась соседка.

– Нет. На дачу уехали.

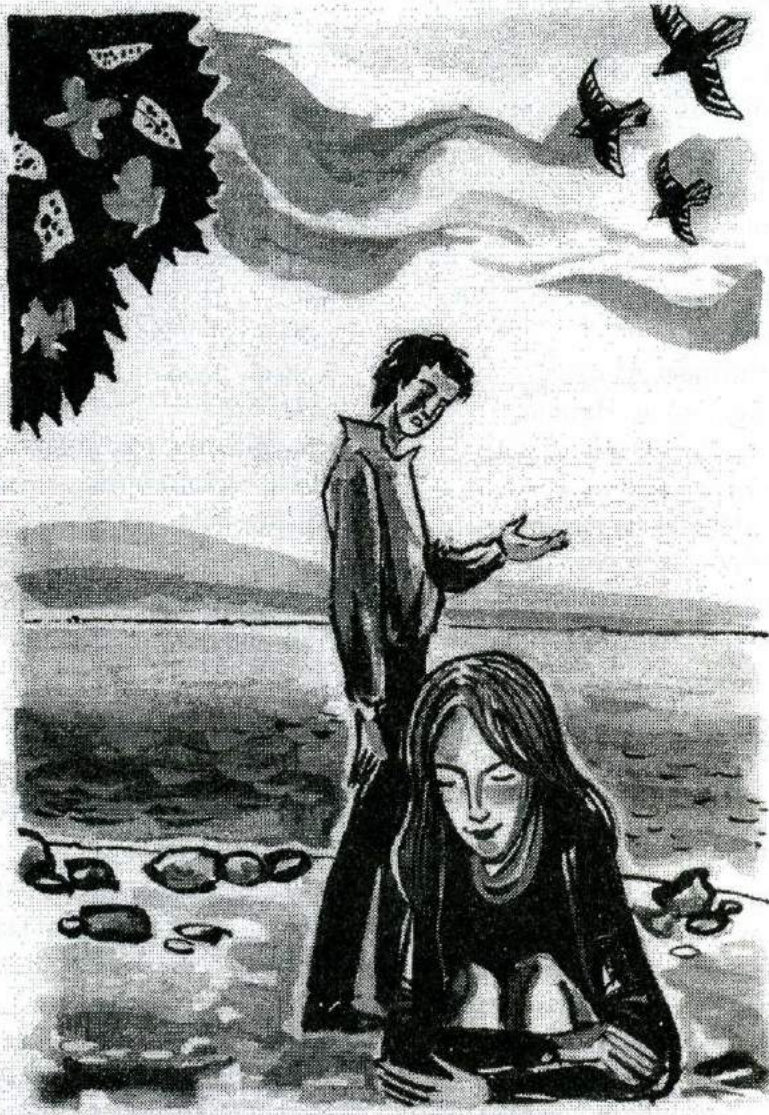
Антон, нервничая, потянул из кармана сигареты.

– А я кое-что из рассады хотела им предложить.

– Давайте я возьму, я завтра поеду, – предложила Наташа и чуть тише попросила Антона, – пожалуйста, не кури.

Антон послушно спрятал сигареты.

– Ладно уж, – соседка сошла с крыльца, – в другой раз. И-игорь! –

вглядываясь в темноту, протяжно выкрикнула она.

– А? – тут же откликнулась темнота.

– Домой. Быстро!

– Иду! – и чуть тише: – Санька, я пошел.

– Чава-какава, – отозвался невидимый Санька, – завтра не забудь...

– Ага, – ответил Игорь, появился в луче света, прошмыгнув в подъезд, бросив на ходу: – Здравьете, тетя Наташ.

– Спокойной ночи, – попрощалась женщина.

Берестов сиротливо оглянулся на темный двор, повернулся к Наташе.

– Ну, я пойду?

Наташа смотрела на окна.

– Спокойной ночи, Наташа.

– Чаю хочешь?

Антон споткнулся, не успев сделать шага. Шумно вдохнув вечернюю прохладу, быстро закивал головой, словно не соглашался, а хотел остудить вдруг вспыхнувшие уши.

– Идем, – Наташа улыбнулась и первой вошла в подъезд.

Марченко занимали трехкомнатную квартиру на четвертом этаже. В окна, сквозь редкую кисею тополиных верхушек, были видны трибуны, прожекторные мачты. Под самыми окнами вспыхивала изумрудным сиянием неоновая надпись на бассейне.

Наташа включила свет в гостиной.

– Устраивайся, – показала на кресло у журнального столика, – я сейчас.

– Тебе помочь?

– Не надо, я сама.

Антон огляделся. Книжные полки занимали всю стену напротив окна. Его взгляд пробежал по картинам, по старому фортепиано, задержался на огромном аквариуме, оценивающе прощупал музыкальный центр в углу, скользнул по дивану, покрытому клетчатым пледом.

Берестов вспомнил свое убогое холостяцкое жилище, родительский дом – полуразвалившийся барак в загородном поселке. В том доме Антону было всегда неудобно. Отец спился, когда Антон еще учился в пятом-шестом. Мать, после того как брат покончил с собой в колонии (попал туда по пьяному делу), тоже стала заглядывать в рюмку. Красный угол, забитый «пушиной», тяжелый табачный угар, несвязный разговор-ссора родителей за столом с окурками и грязной посудой...

Поморщившись непрошеным мыслям, Антон обратился к книжным полкам. Робкими пальцами проводил по корешкам: тисненым золотом, матерчатым, бумажным, самодельным. Некоторые книги, не удержавшись, вынимал, перелистывал, пробегал глазами по строчкам и бережно ставил на место.

– Ну как? – Наташа вошла с подносом в руках.

– Сейчас помогу, – Антон поставил на место томик Пастернака в серой суперобложке.

– Ничего, я сама.

Но Антон, не слушая, стал снимать с подноса чайный сервиз. Пока Наташа уходила в кухню за чайником, Берестов как можно уютнее расставил все на постеленную Наташей салфетку с вышитым караваном.

– А ничего, красиво, – оценила Наташа, – мне нравится.

– Старался, – разливая чай, улыбнулся Антон.

Наташа взяла чашку с блюдцем, подула, пристально посмотрела на Антона:

– А почему ты до сих пор один? Извини, конечно.

Антон пожал плечами.

– Не знаю. Честно сказать, я даже не задумывался над этим. – И, медленно размешав мельхиоровой ложечкой сахар, спросил в свою очередь: – А... у тебя есть друг?

Наташа не торопилась с ответом.

Антон растерянно макал в чай галету и тоже молчал.

– Мне надо ответить? – Наташа облизала ложечку, поставила блюдце на край стола.

– Только если захочешь.

– Был.

Берестов невольно отвел взгляд и уткнулся в пианино.

– Извини. – Чувствовал он себя неловко и поспешил переменить тему. – Твой инструмент?

– Нет. – Наташа поднялась, подошла к фортепиано, открыла полированную крышку. – Я умею только «Собачий вальс», да и то фальшиво. А мама – учитель музыки.

Она постукала пальцами по клавишам.

– Жаль. Люблю фоно. Когда-то мечтал сам научиться. Странная мечта для мальчишки?

– Нет, почему же... – Наташа подошла к музыкальному центру. – Живой музыке не обучены, будем слушать других. – Она провела рукой по выстроенным в ряд кассетам, вытащила одну. – Вот это, по моему, подойдет.

Комната наполнилась звуками саксофона. Сакс пел тихо, переливами, завораживающе.

Антон подошел к Наташе.

– Разрешите?

Танцевал он не ахти как, но в этот вечер все было иначе.

– У тебя хорошо получается, – похвалила Наташа.

– Ты мне льстишь, – ответил Антон.

Ему было хорошо. Отпустила робость. Кружа Наташу в танце, он умудрился переключить свет на интимно-сумеречное бра. Не хотелось никуда и никогда уходить отсюда.

– А где твоя комната? – неожиданно для себя прошептал он.

– Там, – еще более тихим шепотом ответила девушка, качнув головой за спину.

... Одна мелодия сменялась другой, еще более певучей, более колдовской.

Антон был так близок к Наташе, что черты ее лица расплывались, растворялись в музыке и в нем, остались только ясные бирюзовые глаза, светящиеся, проникающие, греющие душу.

– У тебя красивые глаза, – продышал он в невидимые губы.

Наташа отклонилась, посмотрела, прищурясь.

– Пойдем. – Ее глаза и шепот вновь приблизились к нему. – Я покажу тебе свою комнату...

... Наутро серая пелена затянула небо. Не по-летнему холодный ветер гнал над городом бесконечные тучи. Серые тополя безнадежно тянулись следом, недовольно шумели.

Берестов брел через город по пустым улицам. Бесцельно вертел в пальцах сигарету. Очень хотелось курить, но не было спичек.

... Ночь была волшебной.

А потом Наташа рассказала о своем прошлом.

Был у Наташи парень, ровесник Антона. Познакомились в институте, на новогоднем вечере. Он был уже признанным поэтом, писал песни для институтского ансамбля, а Наташа пробовала там же петь. И с первой встречи все закрутилось. Он буквально сразил Наташу. Она им заболела. И многое в своей «болезни» не замечала. А он жил в свое удовольствие, Наташа была для него очередным приключением. Через год они расстались. Расстались нехорошо. Наташе до сих пор больно об этом вспоминать.

— Ты все еще его любишь? — спросил Антон.

— Не знаю, — ответила она, немного подумав. — Мне нравятся его стихи. Он весь — в них. Вот послушай...

Наташа отстранилась от Антона, закрыла глаза и неспешно, немного нараспев, звонким полусшепотом, словно повторяя за шепчущим на ушко автором, прочитала:

Будет ветер-разбойник смеяться.
Снег в лицо будет хлопьями сыпать.
Буду ждать я тебя, волноваться,
Ревновать до зубовного скрипа.

Как он смеет, бродяга несчастный,
За меня обнимать тебя крепко.
Прикасаюсь к губам твоим страстно,
Если я прикасаюсь редко...

... Серое утро. Пустынные улицы.
А в голове у Антона Берестова все слышится вздох Наташи — там, на берегу, безвозвратно прошедшим вечером...

Светлана Леонидовна Летова - преподаватель русского языка и литературы Мамонской средней школы Иркутско-сельского района. Свои короткие, изящные и весьма поучительные инсценировки она пишет вместе с учениками и для учеников. На этом коллективное творчество не заканчивается - инсценировки разыгрываются теми же ребятами под руководством Светланы Леонидовны и имеют большой зрительский успех.

ВЕРИМ, ЧТО СНЫ СБЫВАЮТСЯ

Инсценировка

Автор. Это случилось не так давно в одной из сельских школ.

Обычная школа, обычные дети, обычные учителя. Хотя нет... Ведь эту маленькую пьесу написали сами дети, чтобы выразить себя, заявить о себе и призвать в союзники вас. Так что же произошло?..

Учитель литературы Николай Петрович Гробин сидел, склонив голову к журналу, и тихо, злоюще перелистывал его. Тетради с сочинениями были рядом.

Гробин. Так, так, так. Хочу я вам сказать кое-что по поводу ваших скверных сочинений. Тема у нас была: "Случай в моей жизни, который заставил о многом задуматься". Да, постарались вы исключительно, усердие проявили особое. Чего только с вами не происходило...

Чуриков. Николай Петрович, так вы сами нам сказали - стараться изо всех сил и чтоб только правдиво, как было... Вот мы и постарались.

Гробин. Чуриков, я тебя не прошу сейчас мне помогать. Больно прыток. Эдак ты быстро за дверями окажешься. Помолчите все.

Козочкина. Ничего не понимаю. На каждом уроке только и слышно: говорите, рассуждайте, не надо лгать, смелее, где ваши мысли,

именно - ваши... И вдруг - помолчите!

Гробин. Не желаю вас слушать. В сочинениях наговорились. Теперь мое мнение решает все. Итак, по вашим работам я понял, что каждого из вас крутило в жизни изрядно. Синичкина лазит по деревьям. И хорошо, что свалилась и родителей перепугала. Пусть знают, кого растят... А Кутиков тайно с другом решил поджечь стог сена - да взрослые очевидцы не дали случиться такому безобразию. А Сеткина деньги у матери украла, а потом рыдала на всю деревню. Подумайте, с кем сидите рядом.

Сеткина (отчаянно). Как вы можете так говорить! Это неправда! Я совсем не о том, вы не поняли!..

Гробин. Сядь. Я все понял. Я узнал, кто вы такие. Вон Колькин гордился другом, а сам что мне о нем написал - стукач самый настоящий!

Сдобина (с негодованием). Николай Петрович, зачем вы так? Ведь мы же откровенно вам о себе, как все было у каждого... А вы совсем нас не поняли. В каждом увидели преступника.

Гробин. Сдобина, а ты зачем бродишь каждый день по рынку?

Кого ты там ищешь? Ждешь приключений?

Сдобина. Хоть вы и учитель, но я вам этого не прощу. *(Резко встает и уходит).*

Гробин. Ну что ж, я рад, что хоть одна поняла, что она написала.

Реплики.

Так может, нам всем уйти?

А я-то доверился, думал, поймут!

Ребята, что же мы терпим, когда нас оскорбляют?

Гробин. Замолчать! Что это за бунт? Еще этого не хватало. Я продолжаю анализировать сочинения. Я тут выписал некоторые ваши выражения, может, вместе посмеемся. Пузиков, выйди-ка, почитай, а то я очки забыл.

Пузиков. Я же плохо читаю. Вы сами мне все предлагали во второй класс перейти!

Гробин. А ты мне докажи, что твое место в седьмом классе.

Пузиков *(вздыхает, берет лист, медленно читает).* «Неожиданно он услышал чей-то взгляд и оглянулся». «Ветка, обломав ее, полетела вместе с ней». «Воробей сидел на ветке и весело каркал». «Галстук у продавца был привязан за шею»

Класс молчит. Все словно остолбенели...

Гробин. Спасибо, Пузиков. Хватит цирка, плакать надо от таких работ.

Синичкина *(резко встает).* Мы так все уже плачем. Разве вы не видите? А почему — я не скажу. У нас Пузиков самый смелый, хоть и плохо читает. Он вам все скажет.

Гробин. Хорошо, что вы поняли. А Пузикову я поставлю за чтение два. И мать завтра веди.

Пузиков *(озлобясь).* А послезавтра не надо? *(Уходит из класса).*

Все собирают свои тетради, учебники, готовятся выйти.

Гробин *(глядя на зрителей).* Представляю, как он меня сейчас ненавидит. Представляю, что бы он сделал со мною, если бы я был на его месте...

Автор. А наш герой Алеша Пузиков, не замечая ничего вокруг, плелся домой. Гадко было на душе. Надо было что-то предпринять. Но что?.. Спасло его собственное воображение. Он размечтался, и вот как это было...

Класс. Пузиков в роли учителя. Гробин вместе с другими учителями сидит за ученическим столом. Пузиков открыл журнал, взглянул на класс, сморщил лоб.

Пузиков. Так, так. Кого же мы вызовем? Наверное, Гробина Николая.

Гробин съезжился, поправил костюм и робко приблизился к столу. Костюм в меле, волосы растрепаны, одна пуговица висит.

Пузиков. Итак, Гробин Николай. Я должен выразить свое возмущение по поводу вашего поведения и неудач в учебе.

Гробин. Алексей Иванович, но я так стараюсь...

Пузиков. Стараетесь? Я бы этого не сказал. Взгляните на себя! Весь ваш вид не внушает доверия. Пуговица оторвана, волосы не чесаны, рукава вечно в меле. А обувь вы когда-нибудь чистите? Но даже не это сейчас главное. Хочу вас спросить — как вы преподаете?! Уроки русской словесности вы превратили в суд над нами, в насмешки. Вы уничтожаете нас! Вам ничего нельзя доверить. Вы не любите нас! Вы бесчувственный, ограниченный человек.

Сдобина *(входит с журналом, подходит к учительскому столу).*

Вы помните, как поступили со мной? Я ведь в сочинении писала, как моя больная бабушка просила купить ей на рынке баночку меда, и я несколько вечеров искала его, думала, поможет... А вы что поняли, Гробин Николай?! Вы жестокий человек, вы сухарь. Себя засушили и других сушите и озлобляете. Извинитесь перед нами!

Козочкина. И я не желаю, чтобы русский язык и литературу преподавал человек, который не любит свой предмет, да и мало что смыслит в нем. Мое предложение такое. Николай Гробин, идите сейчас же домой, найдите свой диплом, где написано о вашем праве быть учителем. И...

Пузиков. И уничтожьте его. Или мы его выкрадем и будем хранить до лучших времен, пока не поймем, что вы стали не вы, а настоящий учитель, который нам нужен. Идите, думайте, что делать дальше...

Гробин побрел в сторону выхода.

Реплики. Жестоко! Жалко! Нельзя так! Будет спасен он, а как же мы?

Автор. Назавтра Алеша свою фантастическую историю рассказал ребятам. Ее выслушали, обсудили... и предложили: «А давайте, как во сне, представим нашего Гробина, каким мы хотим его видеть. Получится маленькая пьеса о нас и о нем». Все дружно согласились. Сон, это будет сон, а добрые сны непременно сбываются...

Те же ребята за партами. Стремительно, с улыбкой входит Гробин. Все встают. Учитель внимательно осматривает всех.

Гробин. Прекрасно, что я снова вас вижу. Алеша, ты сегодня бодр. Надюша в новом платье, оно тебе очень идет. Сережа, спасибо, что выполнил обещанное. Сегодня у меня необычайно хорошее настроение. Знаете, почему? Денис ждал меня у ворот, помог донести портфель с тетрадями. Я вошел в класс — увидел, что вы улыбаетесь... Спасибо вам, дорогие мои. Здравствуйте и садитесь.

Ребята садятся.

Чуриков. Николай Петрович, а вы проверили сочинения?

Гробин. Да, конечно. Сейчас мы и будем говорить о том, о чем вы так доверительно мне написали. Знаете, теперь вы стали для меня гораздо ближе. Вы рассказали о себе голосом сердца, правды, а именно это в сочинениях я ценю больше всего.

Реплики. Вы нас всегда этому учите! Жизнь — она и есть правда. Интересно писать, когда сам себя чувствуешь героем...

Гробин. Тогда позвольте мне начать разговор о моих героях, какими я и их увидел...

Автор. И урок человековедения продолжился. Мы хотим верить, что сны сбываются...

И ТОГДА Я СКАЗАЛ: СОГЛАСЕН!

Фантастическая повесть

Сначала я услышал через раскрытую балконную дверь звук подъезжающего автомобиля, потом захлопали дверцы с угрожающим клацанием, особенно отчетливым в утренней тишине, послышались шаги нескольких человек — шаркающие — по асфальту, и гулкие — по деревянным ступенькам крыльца. Я лежал с закрытыми глазами на кровати и прислушивался. Шаги остановились возле выходной двери, повисла напряженная, наполненная нехорошим предчувствием тишина...

Через секунду я был на ногах.

— Сейчас, сейчас! — бормотал я, цепляя на ходу тапки босыми ступнями; грохот стоял такой, будто двадцать человек разом стучали кулаками в ворота, — немедленно проснулись все собаки нашего квартала и дали о себе знать. — Ну сейчас же, иду! — Рискнув свернуть шею, я съехал по узкой винтовой лестнице на первый этаж и, запинаясь о ковер, задевая стулья и столы, бросился в прихожую.

На пороге стояли трое мужчин в одинаковых серых плащах. Не надо было иметь много сообразительности, чтобы сразу признать в них доблестных наших полицейских. Эти протокольные физиономии и немигающие, будто замерзшие глаза невозможно ни с чем спутать. На лужайке перед домом остывал автомобиль с косыми синими полосами с обоих боков, на крыше его прилепился стеклянный оранжевый фонарь.

Остатки сонливости слетели с меня.

— Какого черта вам тут нужно, уважаемые? — спросил я по возможности мягко, запахиваясь покрепче в длиннополый халат среди промозглого сентябрьского тумана.

Тот, что стоял ближе других и носил на лысине теплый берет из шерсти, молча поднял руку и сунул мне под нос удостоверение сотрудника полицейского управления.

Я пробежал глазами текст и кивнул. Враждебность моя несколько уменьшилась.

— Чем могу служить? — спросил я, подняв одну бровь.

— Мы не могли бы пройти в дом? — произнес сотрудник, глядя на меня замороженным взглядом.

— В до-ом? — протянул я и посмотрел по очереди на трех незваных гостей. — Нет, в дом пройти нельзя.

Пришельцы, казалось, озадачились таким ответом. Лица у них сразу поскущнели, если только может поскущнуть лицо, для которого скука сделалась своего рода визитной карточкой.

— И все же я вынужден буду настаивать, — произнес сотрудник в берете.

Другие молчали, но лучше бы они возмутились — ей-богу, это было бы приятнее для меня.

— А в чем, собственно, дело? — задал я дежурный вопрос, понимая уже, что пустить визитеров все-таки придется: их полномочия были мне слишком хорошо известны.

Сотрудник сразу смягчился. Лицо его как-то прояснилось и он задышал ровнее.

— Дело, быть может, самое пустяковое, — сообщил он по-свойски, — просто мы получили один сигнал и должны его проверить.

— Какой сигнал?

Сотрудник вздохнул.

— Вообще-то я не должен этого говорить... — он оглянулся на коллег и чему-то своему улыбнулся — хороший такой дядька, сейчас видно — приличный семьянин и в душе демократ. Он шагнул ко мне и приблизил лицо, — полчаса назад в полицейское управление позвонил какой-то псих и сказал, что в доме на Садовой, пять произошло убийство.

— Убийство? — машинально переговорил я.

— Именно. И даже не одно, а целых два!

Я напрягся, пытаюсь вникнуть в смысл таких странных слов, но то ли по причине ранней поры, то ли еще почему — до конца постигнуть их не смог. «Что за черт! Какое, к... убийство?»

— Скажите, в доме есть кто-то кроме вас? — снова обратился до меня инспектор.

Мы все еще стояли на крыльце, и я начинал поживать от липкой холодной свежести.

— Нет, я один живу. Правда, заезжали ко мне вчера два приятеля, но они вчера же и уехали. Так что...

— Заезжали, говоришь... — Сотрудник поднял голову и посмотрел задумчиво на темные окна.

— Да ладно, поехали! — произнес с досадой тот, что стоял с краю. Вся фигура его выражала недовольство, вероятно, он проклинал в этот миг свою полицейскую судьбу: эти внезапные ночные выезды по любому сигналу и самих «сигнальщиков», которые без устали, день и ночь, блудут, словно черберы, чужую нравственность.

Инспектор в шерстяной панаме, бывший, очевидно, здесь за главного, заколебался. Он оглянулся в нерешительности на автомобиль, потом посмотрел себе под ноги, и снова на меня. В глазах его плавилось восходящее утреннее солнце.

— И все же надо бы проверить, — неожиданно высказался мужчина, стоявший посередине — высокий и мрачный тип с лошадиным лицом.

Таким образом, случилась патовая ситуация: один высказывался за проверку, другой желал немедленно уехать, а третий колебался. Мой голос мог оказаться при таком раскладе решающим.

— А что? — проговорил я с чрезвычайной легкостью. — Проверяйте! Раз надо, я не возражаю... — Поместив на лицо самую радужную улыбку, я отступил в сторону и сделал приглашающий жест: — Прошу!

Сотрудник быстро посмотрел на меня, прищурился, поджал губы и шумно выдохнул:

— Ну, раз уж мы приехали... все равно теперь. — И он направился в дом мимо меня. Двое его помощников последовали за ним. Я вошел последним и захлопнул за собой дверь. Автомобиль с косыми полосами по обеим сторонам остался сиротливо стоять на лужайке перед крыльцом.

Осмотр подходил к концу — оглядев второй и первый этажи, а также подвалы и подземный гараж, инспекторы уже обсуждали какие-то свои дела, как вдруг один из них попросил стакан воды, и я позвал его следовать за собой на кухню, желая продемонстрировать полную лояльность, добросовестность и стремление содействовать представителям законной власти в государстве. (Впоследствии ничто иное не

вызывало таких ожесточенных споров, как этот мой добросовестный шаг. Ведь в самом деле: не позови я инспектора за собой — ничего бы и не обнаружилось. Тогда зачем я это сделал?... Загадка, достойная великого ума!).

Проследовав ряд комнат и коридоров, оживленно разговаривая и подсмеиваясь, мы добрались, наконец, до резной стеклянной двери, и я, взявшись за ручку и продолжая о чем-то забавном рассказывать, потянул дверь на себя... Инспектор сделал шаг и вдруг остановился, улыбка застыла на его лице, глаза начали медленно расширяться, губы задергались, а правая рука сама собой поползла вниз, пальцы стали расстегивать лихорадочно кобурку.

Я открыл дверь шире... и все понял. На полу, посреди разломанных табуреток, столов и шкафов, среди рассыпанных вилок, ножей и битой посуды лежали, скорчившись, два изуродованных тела. Выглядели они так, словно над ними потрудились сам Джек-потрошитель. Стены и пол были густо забрызганы кровью, и запах стоял, как на скотобойне.

Инспектор, бледнея, сделал неуверенный шаг и покачнувшись, я вовремя подставил руки, и он без чувств упал в мои распахнутые объятия.

Это было в семь часов утра, а в половине восьмого я сидел уже в камере местного отделения полиции. Мне не дали даже переодеться, и я так и был доставлен в отделение — в халате и тапочках на босу ногу. Думаю, излишне говорить, что под халатом у меня ничего не было кроме могучей волосатой груди.

Впрочем, это мало кого волновало — ввиду необычайной жестокости совершенного мной преступления. То, что я преступник, не вызвало сомнений ни у кого. Обезображенные трупы на кухне, переломанные табуретки и шкафы, окровавленный нож полуметровой длины и, наконец, пятна крови на моем халате и даже на руках, которые я спросонья не заметил. Очень скоро выяснилось также, что на рукоятке кухонного ножа, которым убийца освежевал (иначе не скажешь) свои жертвы, имелись вполне отчетливые отпечатки всех десяти моих пальцев. Ввиду таких неоспоримых улик вина моя считалась практически доказанной. Подобных зверств в нашем провинциальном городке не видывали давно!

Сначала мне было даже интересно происходящее — в своем роде, конечно. Местные сотрудники бегали по очереди смотреть на меня, словно на диковинного зверя. Оно и стоило того — сидел я в натуральной клетке, составленной из таких прочных прутьев, которые на смог бы разогнуть даже Геракл, никогда не имевший дела со сплавами из победита. Внутри клетки находилась единственная скамейка, на которой я сначала сидел, а потом лег и уснул, вероятно, удивив всех присутствующих. Надо полагать, они были возмущены моим цинизмом — изуродовать самым невероятным образом двух человек, а потом лечь и уснуть сном праведника! — для этого надо иметь изуверскую психику или вообще не иметь никакой психики, то есть быть зверем или чудовищем — чем меня сразу и признали.

Ближе к полудню меня разбудили.

Я открыл глаза и сначала не мог ничего понять, но потом рассмотрел железные прутья, увидел раскормленных охранников в синей униформе и с блестящими наручниками на поясе, заметил домашний халат на себе и собственные голые ноги, — и вспомнил все.

Передо мной стоял дюжий парень и, поигрывая никелированными наручниками, смотрел на меня глазами поросенка.

— Иди за мной! — проговорил он, еле шевеля губами, и мотнул небрежно головой.

Я поднялся со скамейки и оказался на полголовы выше его.

Он, очевидно, не ожидал подобного и на всякий случай отодвинулся на шаг.

— Без глупостей мне, понял? — произнес он, стараясь казаться страшным.

— Ладно уж, веди, — ответил я, скривившись, и добавил: — можешь не бояться, не убегу.

Из-за прутьев решетки наблюдали меня несколько человек. Едва я проговорил свое обещание, как они отпрянули от прутьев, и один открыл торопливо дверь.

Я был уже знаком с замашками сотрудников службы дознания и двинулся первым, вышел из клетки и остановился, держа руки за спиной, детина вышел вслед за мной. Вокруг меня сразу образовался почетный эскорт — обязательный атрибут особо опасных преступников, — и мы отправились в путешествие по коридорам этого интересного и в некотором смысле забавного учреждения.

Меня завели в камеру, два метра на три, с единственным крохотным окном напротив входа и высоко над полом, с грязной лампочкой, свисающей на изломанном проводе с потолка, с железным столом, привинченным намертво к полу, с двумя стульями по обеим сторонам стола и с глухими каменными стенами, по которым сбегали время от времени большие прозрачные капли, — картина не для слабонервных, но тем не менее — не новая для меня. На одном стуле сидел следователь — невысокий мужичок лет пятидесяти, довольно невзрачный на вид, — другой стул предназначался мне.

Пока я проходил и садился, следователь разглядывал меня, не желая скрывать своего любопытства, и я как-то вдруг заметил, что он меня не боится. Учитывая его комплекцию, а также то, что мы остались в камере наедине, это вызывало уважение, как вызывает уважение любое проявление смелости человеком, или даже не человеком, а собакой, кошкой, верблюдом или муравьем. Я лично очень уважаю муравьев — такой, как у них, отваги я не видал ни у кого. Очень замечательные животные — муравьи!..

— Имя, отчество и фамилия! — прервал мои размышления следователь. Перед ним лежал чистый лист бумаги, в руке он держал шариковую ручку.

Я присмотрелся к нему, и он мне понравился — этаким интеллигентный тип следователя (такие попадают иногда в органы охраны правопорядка), голос у него был тихий, или вкрадчивый, а взгляд внимательный, изучающий, но при этом вовсе не враждебный и не унижающий человеческое достоинство преступника, — а скорее удивленный его нехорошим поведением. В общем, понравился мне этот человек.

— Меня зовут Александр Тимофеевич Горбатов! — произнес я с достоинством. — А вас?

Следователь удивленно взглянул на меня, но ответил не сразу, а чуть подумав и едва заметно усмехнувшись.

— А меня — Василий Иванович. Фамилия — Щурский.

Я, не сдержавшись, хмыкнул. Надо ж, такое сближение — фамилия удивительно шла к нему, — небольшие глазки его постоянно шурились, отчего лицо приобретало донельзя хитрый вид — до такой степени,

что он походит на ребенка, задумавшего какую-нибудь пакость и не умеющего скрыть своих намерений.

— Очень приятно, Василий Иванович, рад с вами познакомиться! — сообщил я и в подтверждение своих слов улыбнулся. — Значит, это вы будете вести мое дело? Эх, не завидую я вам!

— Да, я буду заниматься расследованием данного происшествия, — ответил он, немного удивленный. — А почему вы мне не завидуете?

— Да все потому же, — сказал я и покачал с огорчением головой. — Дело мое — оно из разряда нераскрываемых. Преступление вроде бы и налицо, и преступник как будто есть, однако...

— Что? — следователь подался вперед, явно заинтригованный. Вряд ли он ожидал подобного разговора и подобного тона от подозреваемого.

— А то, — ответил я, откинувшись на спинку, — что никакого преступления на самом деле не было, и нет, следовательно, преступника. Скажу проще: расследовать вам нечего, и все ваши труды окажутся напрасными.

— Интересно! Интересно! — проговорил он. — Очень интересно. — Положил ручку на стол и тоже сел свободно, как бы принимая не совсем официальный тон и поддерживая свободную форму общения. Было очевидно, что я ему чем-то понравился или, по крайней мере, я ему интересен, хотя бы как нерядовой феномен. — Очень интересно! — снова проговорил он. — И почему же вы считаете, что не было никакого преступления?

Хотя и понятно было, что следователь мне не верит всерьез и вряд ли поверит, но уже было хорошо, что он не отменяет сходу ничего, а внимательно готов выслушать любую, самую бредовую идею. Тут мне просто повезло — другой на его месте меня и слушать бы не стал.

Без долгих вступлений я сообщил ему суть дела, то есть то, что я об этом деле думаю.

— Начнем с того, — повел я свою речь, — что найденные в моем доме трупы вовсе не являются людьми. Запишите это, пожалуйста, — попросил я и кивнул на бумагу, — это я вам официально заявляю.

Следователь взял ручку, повертел ее в пальцах и снова положил на стол.

— А давайте мы сейчас поговорим, что называется, без протокола! Заполнить эту штуку мы всегда успеем, ведь верно?

— Ну хорошо, — согласился я. — Дело и в самом деле совсем не в бумажках.

Следователь кивнул, и я продолжил:

— Значит, главное, что я хотел сказать: люди, обнаруженные у меня на кухне, — это вовсе не люди!

Следователь одобрительно кивнул и улыбнулся, словно я высказал самую нужную и правильную мысль.

— Эти люди, — говорил я, не замечая некоторой несурзности собственных речей, — они нигде не живут и никогда не жили, то есть, я хотел сказать, что если вы захотите персонифицировать их личности, то вам это, конечно же, не удастся сделать.

Следователь склонил голову и проговорил как бы про себя:

— Действительно, убийца постарался максимально затруднить нашу задачу — лица жертв так изуродованы, что их невозможно узнать, и даже подушечки со всех пальцев срезаны. Проведение дактилоскопической экспертизы теперь невозможно.

— Да нет же! — воскликнул я. — Я не про это говорю! Я утверждаю, что они вовсе не люди. При чем тут отпечатки пальцев?

— Скажите-ка, — вдруг напрягся следователь. — Ваши вчерашние гости... ведь у вас были вчера гости? Вы сами сказали, что к вам приходили двое мужчин!

— Да, были гости, были, — досадливо поморщился я.

— И где они теперь?

— При чем тут мои гости?

— Ну как! Вечером у вас в доме находятся двое мужчин, а наутро находят два обезображенных мужских трупа. Вы не считаете это...

— Они уехали! Ночью. Часов около двенадцати.

— Хорошо, допустим, — согласился следователь. — Куда же они поехали? Как их зовут? Скажите нам, чтобы мы могли их поскорее разыскать и снять с вас подозрение.

Я несколько секунд молчал, удивляясь про себя подобной тупости следователя. Или он меня за дурака считает?..

— Во-первых, я вам еще раз заявляю: эти двое мужчин, мои гости, уехали вчера ночью. Имена их я могу сообщить, но это вам ничего не даст, потому что вы не сможете их найти.

– Почему мы не сможем их найти? – быстро спросил следователь.

– Потому что они уехали туда, куда вы никогда и ни при каких условиях не сумеете попасть.

– А вы сумеете?

– Я сумею.

– Интересно, – усмехнулся следователь.

– Так вот я и говорю, что даже если бы вы и нашли этих двоих, то что бы это изменило? Ведь два трупа все равно останутся, и вы все равно обязаны будете их опознать, а опознать вы их не сможете, потому что, я еще раз вам повторяю и прошу занести в протокол – это не люди и они никогда не жили на Земле. Я их не убивал, и никто их не убивал, потому что невозможно убить то, чего не существует в природе!

– Ну хорошо! – согласился следователь.

– Пускай так: эти люди – не люди. Ну а кто же они тогда? С вашей точки зрения.

– С моей точки и со всех точек – это муляжи, изготовленные из органической массы для определенных целей.

– Муляжи?!

– Муляжи.

– Так-так, интересно!.. И что же дальше?

– Ничего. Это – муляжи, а я – не убийца.

– Занятно, – качнул головой следователь.

Я сочувственно вздохнул.

– Так что же у нас получается? – заговорил он вновь. – Кто-то неизвестный подбрасывает ночью вам в квартиру искусно выполненные манекены людей с тем, чтобы вас заподозрили в убийстве. Так?

– Н-ну... так.

– Вы крепко спали, ничего, естественно, не слышали и совершенно не представляете – кто бы это мог сделать, и, главное, зачем?

– Почему же, – ответил я, снисходительно улыбнувшись, – очень даже представляю – кто сделал и зачем.

Следователь долго крепился, но тут выдержка изменила ему, и он выказал крайнюю степень удивления. Стало очень заметно, что ему все меньше нравится наш разговор. Кажется, он жалел, что позволил подследственному завлечь себя в подобный абсурд. Я было посочувствовал ему, но что мне оставалось делать? Не признаваться же, в самом деле, в убийстве в угоду незнакомому мне человеку?!

– Ну, так кто это сделал? – спросил он, не глядя на меня и хмурясь.

– Это совершили агенты службы охраны общественного порядка!

– Вы хотите сказать, что это мы подкинули вам трупы? – изумился мой собеседник.

– О нет, конечно нет! Я имел в виду другое. – В этом месте я сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями, следователь пылливо смотрел на меня. – Эти агенты... они, знаете ли, прибыли из будущего!

– Как вы сказали? Из будущего? – Следователь даже привстал.

Я утвердительно кивнул.

– Из будущего. Вы не ослышались. Я говорю о службе охраны общественного порядка двадцать пятого века...

После такого заявления возникла вполне объяснимая пауза. Следователь не мигая смотрел на меня, и на лице его на сей раз показалось нечто напоминающее испуг.

– И что же им от вас нужно? – наконец выговорил он.

– А ничего особенного! Они хотят, чтобы я вернулся к ним.

– Вернулся?

– Вернулся.

– То есть, в двадцать пятый век?

– Именно так, вы все правильно поняли, – попытался я подбодрить смутившегося собеседника.

Снова возникла пауза. С одной стороны – я все сказал, что хотел сказать для начала, а с другой – следователь как бы получил ответы на свои вопросы и не знал теперь, видно, о чем таком можно еще меня спросить, чтобы не нарваться на очередную грубость.

Но скоро он вновь обрел дар речи. Эти люди тренированные – умение болтать языком – основа их профессии, – и поэтому он, несколько одумавшись и придя в себя, продолжил:

– Зачем же, позвольте вас спросить, вы им так срочно понадобились?

– Дак что, – сказал я обыкновенно, – они хотят, чтобы я продолжил у них службу, больше ничего.

– У кого это – у них?

– Ну, в органах охраны правопорядка! Я же вам объясняю.

– В органах охраны правопорядка двадцать пятого века? – уточнил следователь.

– Так точно.

– Странно.

– Что вам странно?

– Странно, что они избрали такой необычайный метод убеждения, – высказал мнение следователь, не замечая странности своего собственного суждения: он удивлялся действиям агентов из будущего, одновременно принимая ситуацию целиком, то есть как бы признавая их существование в природе как таковых.

– Ничего странного, – сказал я, – это их обычные методы.

– Обычные?... – Следователь выпрямился на стуле. – Вы хотите сказать, что подобных случаев много?

– Ну не так, чтобы уж очень, – проговорил я с сомнением, – но бывают. Я знаю несколько подобных разбирательств.

– Очень интересно, – оживился следователь. – И что же, было при этом установлено, что это пришельцы подкинули уже мертвые тела и все такое?

– Во-первых, не пришельцы, а агенты службы правопорядка – повторяю вам; и не мертвые тела, а муляжи, понимаете? – муляжи! Никаких тел нет, тем более, мертвых.

– Ну ладно-ладно! – замахал он руками. – Пусть будут муляжи, я не об этом хотел спросить. Меня интересует – что стало с людьми, которым подкинули такие штуки, – этих людей оправдали?

– Нет, не оправдали, – ответил я с видом сожаления.

Следователь, видимо, обрадовался.

– Отчего же так? Если они не виновны, и трупы – это вовсе не трупы, как вы говорите...

– В том-то и беда, – выделил я голосом последнее слово, – что муляжи эти сделаны настолько искусно, что отличить их от настоящего тела очень трудно. Это они там ловко научились делать.

– Так значит, вы понимаете, что вам, как бы это выразить, трудно будет доказать свою версию? – спросил вкрадчиво следователь.

– Да я и не собираюсь ничего и никому доказывать, – ответил я равнодушно.

– Не собираетесь? Это почему?

– Да потому, что мне этого не надо. Я знаю, что вы мне все равно не поверите, а главное – я в любой момент могу отправиться в двадцать пятый век.

На лице следователя наметила недоверчивая улыбка. Он, вполне понятно, начал путаться в моих объяснениях, и, как

это бывает со многими людьми, сразу перестал всерьез всему.

– Так-так, – произнес он, снисходительно улыбаясь, – если я правильно понял, то вы сейчас одолжение оказываете, беседуя со мной, не так ли?

– Ну, не совсем так, – сказал я. – Дело вовсе не в одолжении. Просто я хочу хотя бы попытаться доказать свою невиновность. Сами понимаете – как бы дальше ни складывались события, мне бы не хотелось, чтобы обо мне осталась в моем времени такая недобрая память. Да и вам будет меньше хлопот, потому что я еще раз повторю: эти трупы – вовсе не трупы. И вам не удастся их идентифицировать и, следовательно, доказать факт убийства.

– Что значит – не удастся доказать факт убийства? Когда у нас есть двое убитых, есть подозреваемый с пятнами крови на руках и на одежде, и есть, наконец, орудие убийства, на котором имеются отпечатки пальцев подозреваемого. И вы хотите сказать, что этих улик недостаточно?

В этот момент я отчаянно зевнул во весь рот. Беседа начала меня понемногу утомлять.

– Недостаточно, – проговорил я, зевая повторно. – Чтобы предъявить мне обвинение, вы должны будете идентифицировать трупы, а этого вам сделать не удастся, потому что... я уже объяснил, почему.

– Но нам и не нужно проводить никакую идентификацию! – воскликнул следователь. – О чем вы говорите?

– Но как же! – воскликнул в свою очередь я. – Вы ведь должны убедиться, что совершено убийство, то есть установить, что эти тела принадлежат реально живущим людям. Вы должны точно узнать их имена, место жительства и вообще – принадлежность, так сказать, к роду человеческому. А иначе...

– Ну хорошо, – сказал следователь и вздохнул. – Я приму к сведению ваше заявление, но повторяю, что все факты однозначно говорят против вас. И лучше признаться во всем сейчас. Суд учтет ваше добровольное признание, а также смягчающие вину обстоятельства, которые наверняка у вас имеются. Поверьте, я хочу помочь вам. Не усложняйте свое и без того сложное положение. А иначе я ничего не смогу для вас сделать.

После таких слов мне стало ясно, что следователь не поверил ни единому моему

слову и весь наш разговор был бесполезен. Не скажу, что я сильно расстроился, но все же мне стало немного обидно – сидел человек, слушал с умным видом, понимающе кивал, а на самом деле ничего-то он не понял.

– Ну вы хоть запротоколируйте мои показания, – попросил я.

– Да, конечно, – спохватился следователь. – Сейчас.

Он схватил ручку и за пару минут открыл каракулями стандартный бумажный лист с двух сторон. Перечитал, шурясь и близко поднося бумагу к лицу, потом сунул мне. Я глянул мельком и поставил свой автограф в правом нижнем углу.

Следователь поднялся и подошел к двери, нажал на вогнутую красную кнопку сбоку от входа. Сразу загремел замок, железная дверь распахнулась.

Выходя наружу, я приостановился.

– Я бы попросил доставить мне из дома одежду, – обратился я к следователю. – У вас тут весьма прохладно. Да и неприлично мне в халате разгуливать.

– Хорошо, я распоряжусь, – ответил следователь.

– И бритву пусть захватят.

– Все ясно.

– И мыло, и полотенце.

– Да-да...

– И пускай проведут исследование тел! – крикнул я уже из коридора. – Пусть определяют группу крови! Группу крови!..

Следователь кивнул, и через секунду я перестал его видеть.

Через два часа мне доставили костюм, пару рубашек, также – зубную щетку, мыло, полотенце и бритву. Я спросил книги, и меня заверили, что книги будут тоже, – как особо опасный преступник я пользовался немалыми льготами – положение, неизвестно почему закрепившееся у всех народов и во всех государственных машинах с незапамятных времен. Одиночная и довольно уютная камера с окошком на тюремный двор призвана была помочь пережить мне и таким, как я, неизгладимую душевную травму, полученную в результате убийства мною или такими, как я, – других ни в чем не виноватых перед нами, убийцами, людей.

Принесли обед – вполне приличный, – пахнущий мясом вермишелевый суп, свинокую котлету с макаронами и компот из

деревянного и червивого урюка. Дома я, бывало, обедал и похуже, а потому съел все до крошки и остался почти доволен. Почти – потому что быть совершенно довольным, находясь в тюрьме, нельзя, не будучи при этом помешанным; последнее, кстати, мне предстояло опровергнуть в ближайшее время. Я предвидел такой ход событий и внутренне подготовился к предстоящим баталиям. (Общеизвестно, что человек, признанный невменяемым, освобождается по закону от уголовной ответственности за совершенное преступление. Но далеко не все знают, что этих людей – невменяемых преступников, – их все равно изолируют от общества и содержат в таких условиях, что, – ей богу! – лучше уж сидеть в обычной тюрьме, среди нормальных, отвечающих за свои действия преступников, или уж отправиться напрямик на тот свет. Кто сомневается в моих словах, пусть попробует проверить данный постулат.)

После обеда я успел даже немного поспать – минут двадцать. А потом за мной пришли. Я заметил, что меня сопровождают одни и те же ребята, и усмехнулся про себя – почетный несменяемый эскорт – одна из привилегий господ насильников и убийц.

По дороге я попросил закурить, но получил отказ – просто потому, что охранникам не полагалось иметь при себе на службе посторонних предметов. А то бы они мне дали, я несколько в этом не сомневаюсь – такие славные, упитанные ребята со слегка озабоченными физиономиями.

Мы поднялись на третий этаж, прошли коридором и остановились перед дверью без надписей и без ручек. Но я уже знал – что за ней. За дверью меня ждали двое или трое человек в гражданских костюмах – переодетые психиатры, вызванные для освидетельствования особо опасного преступника, – а также хитроумная машина, получившая название "детектор лжи", которую довольно просто было обмануть, владея некоторыми приемами самовнушения.

Догадки мои совершенно подтвердились. В кабинете находились трое человек. Они заранее расположились за столом, придвинутым к стене, а мне поставили стул точно посередине комнаты. Я сразу его и занял.

– Имя, фамилия, отчество, – последовал первый вопрос.

Говорившего я не видел, поскольку прямо в лицо мне светила мощная лампа, бла-

годаря которой спрашивающие могли замечать незначительнейшие оттенки моих реакций.

Закинув ногу на ногу, я свободно ответил:

– Горбатов Александр Тимофеевич.

– Год рождения?

– Шестидесятый.

– Место рождения...

После того, как я передал коротко историю своей никчемной жизни, перешли к главному вопросу. Старик в очках и с беленькой бородкой вышел из-за лампы и приблизился ко мне.

– Александр Тимофеевич, скажите, вы считаете себя нормальным?

– А вы?

– Я – да.

– И я – да.

Старик затеребил бороду, словно хотел разодрать ее на куски.

– Ну, расскажите нам обо всем.

– О чем?

– О том, что произошло вчера у вас дома.

– Да ничего у меня не произошло, – пожал я плечами. – Приехали двое моих старых друзей, посидели немного, выпили, и они отправились дальше.

– Куда?

Мне не хотелось отвечать на этот вопрос, но я чувствовал, что рано или поздно придется говорить все.

– Я знаю, что вы мне не поверите, но эти двое отправились в будущее, в двадцать пятый век.

– В самом деле? – весело воскликнул старик и посмотрел многозначительно на коллег. Кажется, он был готов к такому повороту. – Так-таки и в будущее? Прямо от вас?

– Ну не то чтобы прямо, а немного погодя.

– А-а, понимаю! – закричал догадливый старик. – Сначала они отошли от дома, выбрались за ограду, а потом уже махнули в будущее.

– Верно, так оно и было.

– Отлично! – Старичок потер руки и обошел вокруг стула, на котором я сидел. – Замечательно!

Я не мог понять, что я сказал такого замечательного, но покуда решил молчать. Эти товарищи психиатры – предельно хитрый народ. Не поймешь, что у них на уме. Да и вправду сказать – пообщайся-ка с

ненормальными людьми – сам нечаянно с ума сойдешь.

– А вот скажите, – спросил старик каким-то особенным голосом, кося на меня одним глазом сверху вниз, – мне тут передали, что вы утверждали, будто вас тоже приглашали отправиться в будущее. Почему вы не отправились... вместе с ними?

Лицо его стало хитрым, как у лисицы, если позволительно лисьей морду сравнивать с человеческим лицом.

– Это долгая история, профессор, – ответил я, приписывая старику титул, которым он, может статься, вовсе и не обладал.

– А мы никуда не спешим! – ответил он разводя руки и оглядываясь назад. – Верно я говорю?

– Да-да, правильно, – послышалось из-за ярко сияющей лампы.

– Но погодите, – попробовал я повернуть разговор в нужное русло. – Мне кажется, сейчас нужно говорить не об этом!

– А о чем же?

– Необходимо исследовать самым тщательным образом тела, обнаруженные в моем доме. Как только выяснится, что это не люди, так дело само собой исчезнет.

– Куда исчезнет?

– Ну, не исчезнет, это я неудачно выразился, – проговорил я с досадой. – Я имел в виду...

– Да-да, я уже слышал об этом, – прервал старичок. – Что трупы – это не трупы, люди – не люди, убийца – не убийца, и все в таком духе. Правильно я говорю?

Я кивнул.

Старик внезапно задумался, испытующе посмотрел на меня.

– Вообще-то вы производите впечатление вполне нормального человека.

– Я и есть нормальный.

– Да?

– Да.

– Как же тогда понять ваши нелепицы? Или вы думаете, что кто-то вам поверит?

Я пожал плечами.

– Конечно, я понимаю – все это выглядит не очень убедительно. И все же я настаиваю на своих словах, потому что... потому что все сказанное мною – правда!

– Ну хорошо, допустим, – смягчился старик-профессор. – Но ведь вы должны понимать, что подобные заявления должны быть чем-то подтверждены. Вот вы, например, говорите, что вас хотят похитить некие агенты из будущего.

– Не похитить, а заставить вернуться в будущее.

– Минутку, что значит – вернуться! Вы же только сказали, что родились в одна тысяча девятьсот шестидесятом году!

Я поморщился. Опять эти мелкие придирки.

– Это сказано в том смысле, что я уже был в будущем, а потом вернулся обратно сюда, или, если говорить точно, – убежал, а не вернулся.

– Стало быть, вас из будущего не выпускали?

– Стало быть.

– М-м-м, а почему это так?

– Потому что я подписал контракт на три года, но прожил лишь половину срока, то есть восемнадцать месяцев, а потом вернулся сюда, в свое время, то есть не вернулся – убежал.

– Что, не понравилось? – улыбнулся старик.

– Нет, – помотал я головой довольно резко.

– Так-так, понятно, – протянул он и хотел было вернуться к столу, но тут ему в голову пришла какая-то новая мысль. – А вот скажите: когда в последний раз вы путешествовали в будущее?

– На той неделе, – ответил я не задумываясь.

– То есть, вы отправились туда...

– В понедельник.

– А прибыли обратно...

– В среду.

Старик потер от удовольствия руки.

– Славно, славно, – повторил он. По-видимому, он решил, что поймал меня на противоречии, а я не спешил его разубеждать – пусть порадуетя человек, огорчить его я всегда успею.

– Значит, в понедельник отбыл, а в среду уже вернулся назад? – бормотал он, быстро взглядывая на меня и потирая руки.

– Значит, так.

– В двое суток уложился, какой молодец!..

У меня затекла спина, и я сел несколько наискось, положив правую руку на спинку стула.

– Не спешите радоваться, – сказал я, – здесь нет никакого противоречия.

Старик удивленно поднял брови.

– Почему?

– Я мог бы отправиться в двадцать пятый век в понедельник, пробыть там сколь-

угодно долго и вернуться обратно в этот же день, минута в минуту, или даже еще раньше, например, в воскресенье – это все равно. Просто так сложились обстоятельства, что я вернулся домой в среду. Вместе со мной вернулись, кстати, те двое, которые были вчера в моем доме. Потом они снова отправились в будущее, а я остался. Так что ничего особенного. Можете видеть сами.

– Действительно, – пробормотал старик как бы с огорчением, – все-то у вас складывается на удивление гладко, даже не за что зацепиться.

– А вы и не цепляйтесь, – проговорил я миролюбиво. – Вам же легче будет!

Старик усмехнулся.

– Занятно. Я впервые сталкиваюсь с подобным субъектом.

– Пользуйтесь моментом, – посоветовал я, – быть может, другой возможности у вас и не будет.

– Какой возможности? – сразу насторожился он.

– Поговорить с человеком, который побывал в будущем. Неужели вам не интересно знать, что будет на Земле через полтыщи лет?

– Да знать-то мне интересно, – пробормотал старик, – но только позвольте сказать вам откровенно: я вам ни капельки не верю.

– Как – не верите? – удивился я.

– А почему я должен вам верить? – тоже удивился старик. – Вы заявляете такие странные вещи и хотите, чтобы вам поверили на слово, в то время как на вас лежит подозрение в двойном убийстве с отягчающими обстоятельствами. Дорогой мой! – Он взял меня за руку. – Я не первый год работаю в этом заведении и такого понасмотрелся и понаслушался, что меня уже ничем не удивишь. Если хотите знать, однажды я беседовал с самим дьяволом! Он сидел вот на этом самом месте и утверждал, что он Дьявол, или Сатана (он по-разному себя называл). А еще я видел ангелов, чертей, ведьм, вурдалаков и прочую нечисть. Всему этому есть одно название – галлюцинативный бред! Вот и все.

– Сочувствую вам, – сказал я. – Но ведь вы же профессионал, я вижу это. И умный человек. Неужели вы не можете отличить больного человека от здорового?

– Могу, – охотно согласился старик. – Между прочим, я прекрасный диагност.

Таких, как я, всего три человека у нас в городе.

— А таких, как я, — ни одного! — признался я.

— Может быть, может быть, — быстро проговорил старик. — Но я хочу закончить свою мысль. Так вот, я, конечно, вижу, что вы совершенно нормальный человек. Это и каждый скажет. Но если мы допустим, что вы нормальны, то тогда...

— Что?

— Тогда с неумолимостью следует, что вы все это придумали!

— Я? Придумал?

— Ну конечно, — радостно подтвердил старик. — Ведь согласитесь, что ровно ничего вы не сообщили нам выдающегося, чего бы вы не могли вообразить! — и подобный рассказ может сочинить любой человек, особенно если ему будет грозить смертная казнь. А вот если бы вы смогли предъявить какие-нибудь вещественные доказательства вашего необыкновенного путешествия, или, еще лучше, — доказательства вашей невинности, — тогда бы я вам поверил. И все бы вам поверили. А так что ж получается? Руки у вас, извините, по локоть в крови, на орудии убийства — отпечатки ваших пальцев, и теперь уже доказано, что эти страшные раны нанесены именно вашим ножом, именно такой длины и ширины. Что вы на это скажете?

— Скажу, что это все подстроено. Схема проста: вчера ночью, используя процедуру ноль-транспортировки, ко мне в дом были доставлены эти муляжи, правда, в целом виде. Потом их последовательно разрезают и разрубают, словно мясную тушу, моим кухонным ножом, а на рукоятку ножа наносят отпечатки моих пальцев. Затем следует звонок в полицейское управление, и вот — я здесь!

— Довольно логично, — произнес старик. — Но почему эти люди из будущего просто не забрали вас с собой? К чему такие сложности?

Я заулыбался.

— Вот этого они как раз и не могут! У них на этот счет существуют жесткие ограничения. Меня можно переместить в будущее лишь с моего добровольного согласия. А я им такого согласия не давал и не дал бы.

— Не очень понятно.

— Да я и сам не до конца понимаю их систему. Хотя у нас здесь тоже есть много чего такого, что не сразу и не каждому можно объяснить. У каждой эпохи свои заскоки! — закончил я несколько философски.

Старик недолго помолчал.

— Ну так что? — обратился он к остальным участникам беседы, которые до этого молчали, словно мороженые рыбы.

— Дело ясное, — разморозился один.

— Вполне, — ожил второй.

«Мне тоже!» — дополнил я про себя.

— Тогда что, будем заканчивать? — спросил старик. — Вопросы у кого-нибудь будут?

Вопросов не было.

Ко мне подошел сзади охранник, и я встал, не дожидаясь, когда он тронет меня за плечо. Кивнув на прощанье честной компании, я вышел в коридор.

Все встречные почтительно жались по стенкам и поседали меня глазами. Это мне немного льстило.

Конец дня я провел спокойно. Никуда меня больше не водили, ни о чем не спрашивали. Вечером я с аппетитом поужинал, а потом мне принесли книги и я улегся на жесткий топчан. — почитать что-нибудь глубоко историческое; но где-то на третьей странице глаза мои сами собой закрылись, и я преспокойно уснул.

Утром меня снова повели на допрос. В комнате дознания меня ждал следователь — Василий Иванович Щурский — так понравившийся мне накануне человек с внимательным и добрым взглядом прищуренных от рождения глаз.

Мы дружески поздоровались и сели по обе стороны гладкого голого стола. Следователь, конечно, уже знал результаты вчерашнего медицинского освидетельствования, а потому окончательно перестал меня бояться.

— Как продвигается следствие? — поинтересовался я, словно бы мы сидели где-нибудь в пивной, а я был не подозреваемым, а посторонним и довольно равнодушным лицом.

Следователь посмотрел на меня, прищурившись, и молвил:

— Ничего.

— Тела обследовали?

— Обследовали.

— И что?

– В каком смысле?
– В смысле анализа тканей и крови.
– Ах, это... Не знаю.
– Но вы передали мою просьбу?
– Какую?
– Провести анализ крови. Я же говорил вам вчера.
– Да, я помню.
– Ну и что?
– Что?
– Передали вы мою просьбу или нет? – Я начал понемногу выходить из себя. Этот тип оказался не так хорош, как я было о нем подумал.
– Нет, не передал, – сказал он, опуская взгляд.
«Молодец! – похвалил я про себя. – Хотя бы не врет!»
– Послушайте, – я постарался придать голосу как можно больше убедительности, – я очень вас прошу, пожалуйста, не забудьте сегодня им сказать.
– Кому – им?
– Ну этим, патологоанатомам, или кто там у вас занимается вскрытиями. В общем, пусть они исследуют группу крови у этих двух тел. Уверяю – вас ждет большой сюрприз!
Следователь потряс головой. Быть может, он надеялся в душе, что я одумаюсь за ночь и заговорю, наконец, серьезно.
– О каком сюрпризе вы говорите? – проговорил он вполголоса, думая о чем-то своем.
– Увидите! – пообещал я.
– Ну хорошо, я передам, – сказал он. После этого он вытащил из кармана ручку и стал заполнять бланк допроса – число, фамилию следователя, номер дела и кое-что еще. Закончив приготовления, он посмотрел на меня своими замечательными глазами.
– Ну что, будем говорить серьезно?
Лицо мое вытянулось.
– А до этого мы разве говорили несерьезно?
Следователь не ответил. Было впечатление, будто он готовится к чему-то неприятному, что он должен сейчас совершить.
– А хотите, я расскажу вам о будущем?
– неожиданно предложил я.
– Нет, не хочу.
– Почему же? Это интересно, уверяю вас!

– Да я в принципе не против, но только в нерабочее время.

– Да когда же мы встретимся с вами в нерабочее время? – восхитился я. – Быть может, вы меня и не увидите больше никогда. И шанс упустите. Неужели вам неинтересно?

По лицу его было видно, что «не интересно», но он не сознался, а сказал вместо этого:

– Давайте все же поговорим о деле.

– Ну давайте, раз вы настаиваете, – произнес я и отвернулся.

– Расскажите – чем вы занимались в день убийства. Как можно подробнее.

– Зачем это?

– Расскажите, – произнес следователь с мягким нажимом.

Я поколебался несколько секунд, а потом взял и рассказал – пусть слушает, если хочет. День этот событиями был небогат – встал, как обычно, в семь утра, позавтракал и поехал в город искать работу. Работу не нашел и часа в три вернулся домой. Приготовил обед и пообедал. Что делал потом?.. Трудно даже вспомнить. Ничего особенного, во всяком случае, такого, на что стоило бы обратить внимание, – газеты, телевизор, книги. Слонялся по дому и думал о том, что хорошо бы сделать то-то и то-то, но так ничего и не сделал.

А ближе к ночи появились двое моих товарищей по несчастью, те самые, которые из будущего. Товарищей звали Андрей и Дима, но это не суть важно, а важно то, что мы довольно неплохо посидели, как водится, выпили, и я затем проводил их до ограды – уже в кромешной тьме, ночью. Они, между прочим, прощаясь, предупреждали, что против меня что-то затевается и чтобы я был настороже. Но я ответил, что, мол, как ни берегись, а свое схлопочешь, и нет никакого смысла прятаться от того, от кого спрятаться никак нельзя, потому что...

Здесь следователь остановил меня, заметив, что я незаметно так взгромоздился на своего любимого конька.

– Погодите! – поднял он руку. – Так вы утверждаете, что двое ваших гостей уехали от вас ночью?

– Ну конечно!

– Во сколько это было?

– Ну я не помню. Может, в двенадцать или в час. Какая, собственно, разница?

Последнее восклицание следователь проигнорировал, а сообщение мое старательно занес в протокол.

— А во что они были одеты?

— Во что одеты, — буркнул я, — в одежду были одеты!

— В какую одежду?

— Зачем вам это?

— Пожалуйста, ответьте.

— Ну, в брюках они были (не голыми же им ходить), в брюках и в рубашках, у одного была коричневая рубашка, у другого синяя.

— Так! — кивнул следователь, водя ручкой в середине листа. — А носки у них были?

— Да откуда я знаю про носки? Вы бы еще про трусы меня спросили.

— Да, кстати, — подхватил он, — а какого цвета у них были трусы?

Я подумал, что он, верно, издевается надо мной. За кого он меня принимает?..

— Перестаньте задавать провокационные вопросы, — произнес я, сжимая под столом кулаки.

Следователь отодвинул лист в сторону.

— Мне кажется, что вы до сих пор не поняли, в каком сложном положении оказались. Вот вы сейчас сказали про брюки и про рубашку, а между прочим, на трупах была именно такая одежда — темные брюки, которые сейчас редко кто носит, и столь же редкие нейлоновые рубашки синего и коричневого цветов. Но и это еще не все! При них найдены документы на имена... как, вы сказали, их зовут?

— Андрей и Дмитрий.

— А фамилии?

— Сирий, а второй, кажется, Ильин.

Следователь откинулся всем телом назад. Лицо его стало почти счастливым.

— Ну вот видите! В найденных документах значатся именно такие фамилии и имена. Так что получается, что никуда ваши приятели от вас ночью не уезжали и уехать не могли! — Он набрал в грудь воздуха и заговорил вдруг каким-то особенным — проникновенным? — голосом: — Скажите, из-за чего вы повздорили?

Я отвернулся. Все мои объяснения разбивались подобно морским волнам, ударяющим в неподвижный валун на берегу.

Можно хоть тысячу лет яриться и пениться морю, хлестать и хлестать изо дня

в день в гладкую поверхность и ничего ровным счетом не добиться. На то он и валун!

— Я могу лишь повторить сказанное: эти люди, которых нашли в моем доме, на самом деле людьми не являются.

— А одежда, документы?

— Все заранее подстроено! Я же вам говорю: возьмите на анализ кровь! Или любую ткань — и сразу все станет ясно.

Следователь поморгал глазами, вздохнул раза два и подвинул мне протокол:

— Прочитайте и распишитесь.

Я взял ручку и без задержки, как и в прошлый раз, поставил в нижнем углу размашистую подпись.

— Все это лишнее, — произнес я устало.

— Не скажите, — отозвался следователь.

Мы одновременно поднялись.

— По-видимому, сегодня будет произведен следственный эксперимент, — сказал он. — Так что будьте к этому готовы.

— Всегда готов, — буркнул я, покидая комнату дознания.

Однако к визиту адвоката, назначенного для моей защиты, я оказался не подготовлен. Он заявился перед обедом, и я все время нервничал — не останусь ли я в результате нашей беседы с пустым желудком.

Адвокат мне с первого взгляда не понравился, да и я ему тоже понравился не очень, потому как он сразу дал понять, что мне не нужны никакие адвокаты и я не нуждаюсь ни в чьей защите. (Я вообще плохо понимаю людей, берущихся защищать убийц. Ладно еще, когда убивают по неосторожности или в состоянии так называемого аффекта, а вот когда делают это обдуманно, да еще с изощренной жестокостью — таких я бы давил на месте.)

— Вы напрасно тратите время! — заявил я адвокату — довольно молодому мужчине лет тридцати, среднего роста и очень серьезному, что ему совершенно не шло.

— Хотите вы этого или нет, но согласно закона, у вас должен быть общественный защитник. Поверьте, это делается в ваших же интересах!

— Да я верю, — сказал я уже потише. — Просто зря это все.

— Я так не думаю, — сказал адвокат и раскрыл свою папку.

Последовали привычные вопросы: как моя фамилия, да сколько мне лет, да где я родился, да чему учился и чем

занимался в последнее время и тому подобный вздор. Примирившись с неизбежностью и желая поскорее отделаться от бесполезного для меня человека, я стал рассказывать, в который уже раз, грустную историю своей жизни. Я сильно старался и уложился в четверть часа.

Исписав целых пять страниц, адвокат отложил листы в сторону и спросил доверительно:

– Скажите честно, только мне (ведь я ваш адвокат, я должен знать истину!): это вы убили этих людей?

Тут я задумался – стоит ли тратить попусту слова? – и ответил примерно так:

– Нет, не я.

– А кто?

– Мне уже надоело отвечать на подобные вопросы, – проговорил я. – Неужели вы думаете, что я вам скажу что-то особенное?

– Признаться, я надеялся на вашу откровенность, – произнес он очень серьезно, – ведь все-таки я ваш защитник.

– Хорош защитник, – вырвалось у меня, – сам считает меня убийцей и говорит при этом, что он мой защитник. Иди лучше жёну свою защищай от хулиганов! – Сам не знаю – зачем я это сказал? Но уж такое у меня свойство: если человек мне не нравится, то я никак не могу скрыть своей неприязни. Впрочем, обратное так же справедливо.

Но чем хороши флегматичные люди – их чрезвычайно трудно вывести из себя, – поэтому мой оппонент несколько не обиделся, по крайней мере, не выказал явной обиды, а продолжил беседу в ровном ключе.

– Следовательно, вы не знаете, кто убил этих людей?

– Да не убивал их никто, понимаете? Не убивал! Потому что это вовсе не люди. Сколько можно повторять?

– Ну хорошо, а эти ваши гости, которые были у вас накануне вечером, куда они делись?

Я поднес руки к лицу и потер с силой глаза.

– Я что-то не пойму: вы адвокат или кто?

– Адвокат.

– Вы меня защищать собрались?

– Да.

– Тогда зачем все эти вопросы?

– Как зачем?

– Чего вы хотите от меня добиться?

– В каком смысле?

– Ну для чего вы со мной сейчас говорите?

Адвокат призадумался.

– Простите, я чего-то вас не пойму.

– А я – вас, – отрезал я, и мы замолчали.

Но молчание длилось недолго. Адвокат вздохнул, поправил воротник и... поехал на второй круг.

– И все же я вынужден повторить свой вопрос, – сказал он.

Тогда я тоже вздохнул и говорю:

– В таком случае, я вынужден буду повторить свой ответ...

Примерно через полчаса адвокат ушел, я перевел дух и призадумался: судя по всему, положение мое было безнадежным – мне не верил никто, даже адвокат, призванный меня защищать. Хотя, рассуждая здраво, трудно было ожидать другой реакции, – это я в глубине души понимал, потому что был в глубине души здравомыслящим человеком. И вся надежда теперь у меня была на пресловутый анализ крови. Это могло быть единственным объективным доказательством правдивости моих слов.

После обеда, как и обещал следователь, меня повезли на следственный эксперимент. Я пробовал было отказаться, но без малейшего успеха. Пришлось подчиниться.

Вообще эксперимент выглядел довольно идиотично. Вот меня втолкнули в мой собственный дом, стали водить по комнатам и показывать все, словно я был покупатель, а они продавцы, потом завели на кухню и усадили за стол. Начали спрашивать: на каких стульях сидели мои гости, в каких позах, лицом ко мне или боком, кто как облокотился на стол или плечом на подоконник, да чем занимались – курили или держали стаканы в руках; после мне пришлось в лицах изображать наш разговор, что было уже не так скучно, поскольку память у меня неплохая, и я так увлекся, что экспериментаторам пришлось меня останавливать. Мы разговаривали в тот вечер, кстати, о двадцать пятом веке, в который предстояло вернуться моим товарищам и в который ни за что не хотел возвращаться я сам. Надо сказать, что будущее мы ругали поначалу довольно вяло, а потом, после третьего стакана, разошлись и кричали довольно громко, так что с улицы действительно можно было решить, что в доме раз-

горелся скандал. Сильнее других ругался я. Может, потому, что я пробыл в двадцать пятом веке дольше своих гостей?

— Знаете, — обратился я к сопровождавшим меня лицам, — этот двадцать пятый век — такое дерьмо! Ни за что не соглашайтесь, если вам его предложат, только разве в крайнем случае...

Но совет пролетел мимо ушей, присутствующие сделали вид, что не расслышали.

Потом меня повели еще по двору, по зеленой травке, затем посадили в машину и доставили обратно в тюрьму.

Так закончился второй день моей временной изоляции от общества.

Дальнейшие события не очень интересны, потому что все крутилось вокруг одного: зачем убил да как это произошло.

Мои объяснения также не отличались разнообразием. Я упорно твердил: я — не убийца, трупы — не трупы, друзья улетели, а я — остался. Правда, отстаивать свою версию было мне все труднее; особенно осложнилось мое положение на пятый день, когда стали известны результаты анатомического вскрытия и анализов крови, на которые я с такой настойчивостью настаивал.

В тот день следователь пришел на допрос в приподнятом настроении и смотрел на меня так, словно у меня был день рождения, а он приготовил мне исключительный по стоимости подарок.

Когда я узнал причину его радости, мне стало очень грустно! — до чего же любят у нас радоваться чужому несчастью.

— Извольте прочесть, — протянул он мне какую-то бумажку, всю исписанную.

— Что это?

— Читайте, там написано!

Я стал читать.

Это было заключение судмедэксперта — очень длинное, на двух оборотах листа, — с перечислением повреждений, переломов и ушибов, с констатацией причины и времени смерти и с описанием множества общезначимых показателей. В конце сообщался состав крови, говорилось, что у обоих погибших была кровь второй группы, резус положительный, и что кровь именно такой группы была обнаружена на халате у подозреваемого, то есть у меня.

— Вот так да! — молвил я, отодвигая заключение в сторону. — Выходит, что они уже и кровь научились имитировать?

— Кто — они?

Я не ответил. Потому что уже устал.

Ходил ко мне, как на службу, каждый день вечно чем-то озабоченный адвокат, все пытался найти смягчающие вину обстоятельства. Я только посмеивался, хотя, конечно, все это было в высшей степени не смешно. Не то что бы мне не нравилась тюрьма, или пища, или обхождение (попутно замечу, что подобного уважительного к себе отношения я не испытывал отродясь, и это странно само по себе; тема эта заслуживает отдельного и обстоятельного разговора, но это как-нибудь в другой раз). Обидно было, что мне не верят, что я не могу доказать свою невиновность. А я должен был оправдаться, чтобы мне поверили все! Ведь в самом деле, пока есть на свете хотя бы один человек, искренне считающий вас подлецом, — счастье ваше не полно, оно не может быть полным. Скажу больше: даже если такого человека и нет, то есть он был, но умер по неизвестной причине, исчез, растворился, — это равным счетом ничего не меняет. Поэтому я стремился, несмотря ни на что, доказать свою невиновность. Так уж я устроен. Так мы все устроены.

Проверяли меня еще на детекторе лжи. Примитивнейшая штука, должен сказать. Какой дурак ее придумал? Известно немало случаев, когда невинных людей осуждали на казнь исключительно благодаря показаниям детектора лжи. Потом, правда, в конституцию ввели соответствующую поправку, ограничивающую могущество всемогущего детектора, но и все равно — соблазн проверки на непонятной электронной машине так велик, что ни один следователь не в силах был от него отказаться. А я согласился на проверку в своих целях — продемонстрировать полную ее бесполезность или даже вредность. Это довольно интересно, поэтому остановлюсь на этом подробнее.

Меня усадили в кресло, замотали электрическими проводами руки и грудь, надели на голову обруч и наставили в глазницы яркий свет. Я знал, что все вопросы прогоняются два раза — для пущей убедительности, — и решил отвечать сначала так, а потом эдак — пускай потом разбираются. Обмануть детектор лжи несложно: эта штука определяет вашу искренность, измеряя потенциалы в разных точках тела. Идея сама по себе до безобразия проста! В основу ее положен тот факт, что человек, когда он говорит неправду, — совершает не-

кое насилие над собственной психикой, и насилие это имеет вполне заметные следы в виде учащенного сердцебиения, покраснения или побледнения щек, а также изменения проводимости участков тела, вызванных такой банальной причиной, как выделение пота вследствие излишнего волнения. А вот когда человек говорит правду, никакого волнения нет и в помине, потому что нет насилия над собой, не надо ничего придумывать, изворачиваться и быть готовым каждую секунду к подвоху, потому что никакие подвохи в таком случае отвечающему не страшны. Но, однако, есть такие впечатлительные натуры, наделенные избыточной фантазией, которые вдруг начинают думать, что они и в самом деле могли бы совершить преступление, в котором их обвиняют, они начинают смотреть сами на себя глазами обвинителей и вдруг понимают – где они могут быть неискренними и в котором месте их могут поймать на лжи. И они начинают опасаться, в силу своей мнительности, что им могут не поверить – не поверить именно в том месте, когда они действительно могут солгать и где у них нет стопроцентного алиби.

Как раз осознание подобной возможности заставляет учащенно биться сердце, бледнеть и краснеть лицо, и изменяться проводимость различных участков тела. Все это объективно выявляет электронная машина – и пожалуйста, готов преступник, вина его объективно доказана, спасенья нет!

Я, может, не совсем корректно изложил существо дела, но в основе своей оно обстоит именно так. Опытные преступники, кстати говоря, все это отлично знают и умеют пользоваться – будь здоров! Не зря детектор лжи был запрещен в... Впрочем, это к настоящему рассказу не относится.

Итак, пользуясь своими познаниями и навыками, я старательно ответил на заданные мне вопросы и отправился в камеру, заранее предвкушая результат. Пересказывать сами вопросы не имеет смысла, потому что они повторяли одно и то же, о чем меня спрашивали все эти дни, а кроме того, формулировались так, будто испытуемый – недотепа, дегенерат или что-то в этом роде.

Однако результатов тестирования мне не сообщили. Единственно, я заметил, что следователь на другой день поглядывал на меня как-то странно, словно бы с испугом. А когда я поинтересовался – что показала проверка, он смутился и не нашелся, что ответить. Что-то забормотал

себе под нос, так что я ничего не понял. Вернее, понял одно: детектор лжи только добавил путаницы в это дело.

Когда мне объявили, что суд назначен на такое-то число, я понял, что карта моя бита – оправдаться мне не удалось. Но я не посчитал игру законченной и решил принести хотя бы некоторую пользу всем этим людям – моим современникам. Пусть я останусь в их глазах преступником, однако, прежде чем я исчезну, я должен открыть им глаза на некоторые вещи. У меня будет последнее слово на суде, и я решил дожидаться этого мгновения. Хотя я и понимал, что речи мои вряд ли понравятся слушателям, но долг чести, если позволено будет мне так выразиться, требовал от меня активного действия, я должен был сделать предупреждение человечеству!

Суд состоялся ровно через три недели после моего ареста. Войдя в зал слушаний, я увидел тьму народа. Надо полагать, случай этот получил широкую огласку, да и немудрено! – двойное убийство плюс такой необыкновеннейший преступник – для провинциального городка это есть настоящий спектакль, благо, никто из местных жителей не погиб от руки маньяка. Я насчитал, пока шел по проходу, два десятка фоторепортеров, трое или четверо держали на плече кинокамеру и ловили меня в объектив, остальные гипнотизировали меня взглядом, безуспешно пытаясь проникнуть в мою гадкую душу. Я зашел в крохотное пространство, напоминающее древнегреческий балкончик – размером полметра на метр, – и сел на крепкую деревянную скамью.

По бокам встали по стойке смирно два охранника, я окинул их взглядом и остался доволен. Потом я стал смотреть в зал, пытаясь, в свою очередь, проникнуть в мысли смотревших на меня людей. «Смогу ли я убедить их в чем-нибудь?» – спрашивал я себя и не получал утвердительного ответа. Я был для них чужой, они смотрели на меня как на некое кошмарное чудо или – психологический казус, ошибку природы ли, жестокий просчет родителей... Но ни в коем случае – не как на обычного гражданина, имеющего сказать им всем что-то чрезвычайно важное.

Большинство публики составляли мужчины, однако попадались и женщины; привлекла мое внимание красивая дама в первом ряду, она неотрывно смотрела на меня, и взгляд ее был такой скорбный, будто

она присутствовала на похоронах дорогого ей человека. А может, она ненавидела меня всей душой – внешность часто бывает обманчива.

Наконец, все расселись, взгромоздились на стулья присяжные заседатели – тринадцать разновозрастных граждан города, – поместился на лобном месте престарелый председатель в своей трагической мантии, а на скамье сбоку – адвокат; за конторкой у прямоугольного окна встал стоймя суровый обвинитель.

Суд начался!

Взялся говорить судебный секретарь и коротко сообщил о готовности дела к слушанию, поведал о том, что все процессуальные нормы соблюдены и, дескать, все в полном порядке – подсудимый налицо, следствие проведено в положенный срок и никаких причин оттягивать судебное разбирательство нет.

Потом взял слово председатель – пожилой мужик с отечным лицом, – он напомнил присутствующим существо разбираемого вопроса, мотнул головой в сторону присяжных, адвоката и обвинителя, кивнул также на меня и объявил заседание открытым.

Все одновременно поднялись и выслушали с торжественными лицами государственный гимн. Некоторые, я заметил, закатили под череп глаза и пытались подпевать. Потом все сели, и я сел тоже. Про себя я проговаривал свою речь.

Было извлечено на свет заключение следствия, секретарь, вооружившись очками, зачитал громким голосом мнение следственной бригады. Мнение было однозначно: я убил! Убил, будучи в ясном уме и полной памяти, то есть осознавая свои преступные действия. В конце, правда, имелась приписка – особое мнение следователя, – согласно этому мнению обвиняемый (то есть я) страдает особой формой психического расстройства, не известного науке, но весьма опасного. Это должно было смягчить мою участь, но по мне так лучше бы этой приписки не было.

Затем повел свою партию обвинитель. Он подробно описал мои действия в день накануне убийства (словно это что-то могло доказать или опровергнуть), потом нарисовал мой психологический портрет – довольно мерзкого типа, которому я бы не подал руки даже будучи пьяным, – после, используя природную фантазию, нарисовал картину убийства мною двух беззащитных

людей. Рассказывал он так живо, что некоторые слушатели побледнели, а когда он выгнул и помахал в воздухе окровавленным кухонным ножом, то две или три женщины упали в обморок и возникла небольшая заминка.

Я спокойно слушал обличительную речь и иногда улыбался.

Потом выдвинулся вперед адвокат.

– Я согласен со всем, что здесь говорилось, – сразу сообщил он, оглядывая исподлобья зал, – но однако же хотел спросить уважаемого прокурора – каковы мотивы убийства? Ради чего обвиняемый убил двух человек, да еще своих хороших товарищей? Тут нет ограбления, нет ревности, нет давней обиды и никакой другой причины. Также я спрашиваю: как объяснить столь странное поведение убийцы? Почему после совершения столь чудовищного преступления он идет и ложится как ни в чем не бывало спать, а утром запускает в дом полицейских и сам приводит их на место преступления? Прошу также учесть заключение психолога, который характеризует подозреваемого как уравновешенного человека, способного контролировать свои поступки и не склонного к беспричинной жестокости.

– А на жестокость по причине он, стало быть, способен? – спросил с места обвинитель.

– На жестокость по причине мы все способны, – ответил мрачно адвокат.

Мне понравился его ответ, и я стал слушать внимательно.

– Но оставим в стороне эмоции, – сказал защитник и сильно выпятил грудь, – укажите мне! – попросил он неизвестно кого, – укажите мне хотя бы одну улику, прямо показывающую на убийцу! Есть такие улики?.. – спросил он, и сам же себе ответил: – Нет, таких прямых улик нет! Никто не видел, как обвиняемый наносил удары ножом своим жертвам, и никто потому не может взять на себя смелость сказать, что он и есть кровавый убийца.

– А отпечатки пальцев на ноже? – снова спросил злобный прокурор.

Защитник повернулся к нему.

– Этот нож бывал в руках у обвиняемого сотни раз. Естественно, что на нем имеются отпечатки его пальцев. Я бы удивился, если бы их там не было. Вот это действительно было бы странно.

– Скажите еще, что вы бы удивились, если бы в кухне этого человека не было двух трупов и что это было бы вам странно, – снова подал голос прокурор.

– Давайте не будем устраивать тут балаган, – проговорил защитник и красноречиво посмотрел на председателя. Тот встрепенулся и, схватив молоточек, постучал по прилавку, то есть, я хотел сказать, по столу.

– Протест принимается! – сказал он хрипло. – Я попрошу соблюдать тишину и не мешать выступающему. Всем будет предоставлена возможность высказаться.

Адвокат продолжил.

Речь его была длинна, но хороша. Я слушал ее с удовольствием и все внимательнее присматривался к мрачному человеку, вызвавшемуся неизвестно по какой причине защищать меня. В душе он, быть может, и считал меня убийцей, – я слишком хорошо это понял во время наших продолжительных бесед, – но вот поди ж ты, теперь он меня защищает так, будто я ему самый дорогой и близкий родственник. Что это? – изначальная потребность в справедливости или страсть к противоречиям?..

Логика у адвоката была железная. Никто ведь не видел, как я заносил нож, следовательно, ничего определенного сказать нельзя. Он так и закончил свое выступление:

– Невиновен! Говорю вам: этот человек невиновен.

Он пошел на место под аплодисменты зала, хотя хлопали и не все.

После него заговорил криминалист. Были предъявлены фотографии места преступления, а также – растерзанных, окровавленных тел. Я с интересом наблюдал реакцию публики. Было забавно выражение отвращения и ужаса при виде этих синтетических произведений будущего. Одно время, я знаю, возникло даже такое искусство – кто сильнее шокирует народ; и там уж выдавали такие, я прошу прощения, натюрморты, от которых у неподготовленного человека запросто может случиться разрыв сердца. К счастью, данное направление довольно быстро запретили, хотя, как всегда, были активные протесты против «свободного проявления человеческого духа», но большинство решило: не надо! – обойдемся как-нибудь без этой ерунды. Но совсем уж обойтись не получилось, и одно из проявлений данного искусства

предстало теперь пред очи моих современников.

Ничто не проходит бесследно и не пропадает зря в этом мире следствий и причин!..

– Подсудимый... Подсудимый! – услышал я и поднял голову. Ко мне обращался председатель.

– Вы себя нормально чувствуете? – спросил он.

– Да, неплохо.

– Можете отвечать на вопросы?

– Конечно, могу.

– Тогда ответьте... Встаньте, пожалуйста!

Я встал.

– Скажите, вы согласны с выдвинутым против вас обвинением?

– Нет, конечно! Я же объяснил, как все было.

– Отвечайте – да или нет.

– Нет.

– То есть вы утверждаете, что вы не виновны?

– Да. То есть, нет, не виновен.

– Хорошо, – кивнул председатель. – Есть у вас претензии к следствию?

– В каком смысле?

– Ну, вы удовлетворены ходом расследования вашего дела?

– Да как же я могу быть удовлетворен, когда...

– Отвечайте «да» или «нет».

– Нет.

– Что именно вас не удовлетворяет?

Я смотрел на председателя и читал у него на лице смертельную усталость. «Почему он не бросит это занятие? – спрашивал я себя. – Сидел бы дома, пил чай с вареньем и слушал вечерние новости».

– Подсудимый, вы поняли вопрос?

– Да, понял. Вы спросили – что меня не удовлетворяет в проведенном расследовании.

– Правильно. Так что же вас не удовлетворяет?

– Я даже не знаю, как выразить... – проговорил я с сомнением. – Я имел в виду не какие-то частности, а именно результат следствия.

– То есть вам не нравится, что следствие признало вас виновным в убийстве?

– Да.

– Других причин для недовольства у вас нет?

– Других нет.
– Хорошо, садитесь, – кивнул он и отвернулся.

– Но позвольте, я бы хотел объяснить! – воскликнул я.

– Вам будет представлена такая возможность, – парировал председатель, и я вынужден был сесть. Мое историческое заявление откладывалось.

Незаметно пролетели два часа, и был объявлен обеденный перерыв. Публика дружно поднялась и, мигом повеселев, задвигалась к выходу, я тоже задвигался, правда другим путем.

Судьи нашли третью дверь, и зал заседаний скоро опустел.

Первым после перерыва взял слово обвинитель. Его словно подменили – он метал громы и молнии!

– Этот изверг, – взвизгивал он, показывая на меня пальцем, – достоин самой суровой участи за свое чудовищное преступление! Он хладнокровно и обдуманно убил двух своих друзей, и цинизм, с которым это было совершено и с которым он вел себя все это время – не имеет примеров в мировой практике! – (Ну, насчет мировой практики он загнул, а в целом говорил весьма убедительно – так, как и должен говорить прокурор). – Обратите внимание на то, как он замечает следы.

После чудовищной расправы над своими друзьями он не бежит стремглав с места преступления, нет, отнюдь! Его выдержке мог бы позавидовать сам дьявол! – он, даже не смыв кровь со своих рук, идет в спальню и ложится спать. Поступок неслыханный и, он считал, обеспечивающий ему алиби. Но мало этого! Утром же, когда приезжает милиция, он разыгрывает полную невинность и сам приводит блюстителей порядка на место трагедии, всем своим видом показывая удивление и испуг от открывшейся картины.

– Я не показывал испуг, – сказал я, не вставая.

– Прошу не перебивать меня! – закричал обвинитель и схватился двумя руками за перегородку, словно удерживая себя от решающего броска.

Я сделал знак рукой: дескать, будь спокоен, больше не потревожу, – и прокурор продолжил:

– После ареста, под давлением неопровержимых улик, обвиняемый, этот хладнокровный убийца, выдумывает новую и со-

вершенно фантастическую версию, очевидно полагая, что его сочтут сумасшедшим. Но все его выдумки, естественно, рассыпаются при ближайшем рассмотрении, и остаются голые факты: два трупа, убийца и орудие убийства. А в отношении мотивов преступления я могу ответить очень просто: по статистике около сорока процентов преступлений во всем мире являются безмотивными, то есть совершенными под влиянием моментально возникших причин, которые невозможно заранее предсказать, так же как невозможно их назвать впоследствии. Посудите сами – трое мужчин сомнительного поведения собираются вместе и распивают спиртные напитки. Вполне естественно, что у них могла вспыхнуть ссора... по любому пустяку – вы ведь знаете этих головорезов! – (Тут он погорячился – головорезы мы или нет – он знать никак не мог, – но я не стал его поправлять).

– И вот находящийся здесь человек, этот монстр в обличье человека, хватается кухонный нож и расправляется со своими приятелями, разделяет их словно свиные туши! Вот каково истинное лицо находящегося перед вами субъекта, уважаемые присяжные заседатели. И что бы он теперь ни говорил, и какие бы аргументы ни выискивала защита – факты говорят сами за себя! – никогда еще в нашем городе не совершалось столь чудовищное и циничное преступление! Убийца должен быть примерно наказан.

Наконец, он сел, и все облегченно вздохнули – немало есть таких людей, при виде которых произвольно затрудняется дыхание.

Я помахал рукой, стараясь привлечь внимание председателя.

– Могу я ответить на некоторые пункты обвинения?

Председатель недовольно обернулся.

– Я же сказал, что вам будет предоставлена такая возможность в свое время.

Снова вышел к трибуне защитник. Разбирательство пошло на второй виток.

Защитник повторил в общих чертах свое начальное выступление, лейтмотивом которого было: невиновен, если нет прямых улик!

Обнаружились свидетели – соседи, видевшие входящих в мой дом двух мужчин накануне убийства. Была описана с удивительной точностью их одежда, походка и интонация, с которой были обронены несколько реплик по дороге от калитки до

входной двери. Другие соседи видели свет в кухонном окне и тени троих человек, тени размахивали руками, так, словно о чем-то горячо спорили и вот-вот схватятся.

Об этом же сказал буфетчик из пивной, гулявший за полночь мимо моего дома. Но никто не видел, чтобы двое мужчин выходили из дому, хотя одна старушка и подтвердила, что как будто слышала звук отъезжающей машины примерно около часу ночи. Но кто был в этой машине, и вообще, ехала ли она от дома, или к дому, или просто притормозила, проезжая мимо по шоссе, — этого нельзя было в точности установить.

Я слушал эту болтовню с благодушным видом, как слушают лепет детей, которые сами не понимают, что говорят.

Заседание закончилось перепалкой между прокурором и защитником. Первый обвинял второго в незнании уголовного кодекса, а тот в ответ называл его формалистом, который в угоду букве закона (но не его духу!) готов отправить человека на смерть. Я пытался с места примирить их, но это сделал за меня председатель, стукнув изо всей силы молотком по столу и объявив слушание первого дня законченным.

Воротившись в свою камеру, я не стал, как обычно, читать, а сразу после ужина лег спать. Меня ожидало нешуточное выступление на следующий день, и я не принял даже адвоката, желавшего убедить меня в чем-то важном. Но что он мог мне сообщить, когда он сам не верил в мою невиновность и дело представлялось ему чем-то вроде соревнования, в котором он должен продемонстрировать свою адвокатскую выучку и явить природные способности и задатки. Естественно, что я его проигнорировал, и был, безусловно, прав.

Далее я пропускаю ряд несущественных событий второго дня вроде выступлений прокурора и председателя, равно как и остроумные ответы защитника, а перехожу сразу к изложению своей исторической речи.

Это произошло после обеда, когда публика стала уставать и присяжные несколько расслабились и начали переговариваться вполголоса о каких-то своих делах. Общее мнение было к этому моменту практически сформировано, и вряд ли стоит говорить, в какую сторону оно наклонялось. Вполне понятно — все были уверены, что я и есть

убийца, — этому не могли помешать даже страстные речи адвоката, которым все про себя восхищались, но это было сродни восхищению ловкостью карточного шулера, способного выгащить карту заданной масти из кармана вашего пиджака. Я так думаю, что у этого парня неплохое будущее на избранной им стезе, чего, конечно, не скажешь про меня.

Когда председатель предоставил мне слово (последнее слово перед вынесением приговора), я первым делом поинтересовался:

— Сколько минут в моем распоряжении?

На это председатель соорудил неопределенную мину и заявил, что согласно регламента время моего выступления не ограничено, но что он надеется на мое благоразумие и что я не злоупотреблю терпением высокого суда.

Я сказал: «Хорошо!» — и начал выступление.

— Уважаемый председатель! Уважаемые присяжные заседатели, а также мой защитник и прокурор. Простите, но я обращаюсь не к вам! — Сказав это, я демонстративно повернулся к залу, который сразу встрепетул и удвоил свое внимание.

Мне только этого и надо было. Главным образом меня интересовали газетчики, неизменно падкие на сенсации, которыми они в основном и кормятся. — Для вас я говорю, дорогие мои сограждане! — загремел я на весь зал, потрясая кулаками над головой.

— Нельзя ли обойтись без эффектов? — спросил председатель.

— Можно, — ответил я небрежно и не удаивая его взглядом. — Наберитесь, пожалуйста, терпения, я вас тут долго слушал!

Председатель крякнул с досады и повернулся на стуле, прокурор глянул на меня петухом, присяжные перестали обсуждать насущные проблемы.

— Все, о чем я вас прошу, — это выслушать меня, — сказал я уже спокойнее. — Я говорю в первый и в последний раз.

Ответом мне было полное внимание.

— Дело, которое здесь рассматривается, — не есть обычное дело. В продолжении всего следствия я пытался доказать его необычность, или даже неслыханность, но безуспешно. Мне не поверили, и вы сейчас мне не верите тоже, потому что разум отказывается принимать все необычное и выходящее за рамки представлений. Чтобы

доказать необычное, нужно явить какое-нибудь чудо! — но пока что никакого чуда не произошло, и вы мне не верите. Я это очень понимаю и не обвиняю вас, вы таковы, каковы все люди. Но наберитесь терпения — чудо все-таки произойдет, оно произойдет здесь, пред вашими глазами, как только я закончу говорить, — и тогда вы поверите мне, тогда вы задумаетесь над тем, что я вам сейчас сообщу!

Я остановился перевести дух и обвел взглядом притихший зал. На меня были устремлены сотни взглядов, слова мои записывались на магнитную ленту, облик мой снимался кинокамерами для потомков. Я остался доволен таким вниманием — давно замечено, что чем необычнее речи, чем страннее произносимые слова, тем уважительнее аудитория относится к оратору.

— Я позволю сказать несколько слов о себе, чтобы понятнее были некоторые мои поступки, — продолжил я. — Я родился в одна тысяча девятьсот шестидесятом году от рождества Христова, то есть тридцать шесть лет назад, но мне сейчас ровно сорок два года, если считать все прожитые мною месяцы и дни! — (Аудитория зашевелилась). — Объяснить такое вопиющее несоответствие довольно просто: в период с девяностого по девяносто пятый год я совершил несколько перемещений во времени в будущее, где провел в общей сложности шесть лет. Я прожил эти годы в двадцать пятом веке, то есть через четыреста с лишним лет, считая с этого самого дня.

— Чем же вы там занимались? — обронил прокурор, иронично улыбнувшись.

— Очень хороший вопрос, — одобрил я прокурора. — Я только хотел сказать об этом, потому что если не скажу, то абсолютно не понятными будут произошедшие события.

— Нельзя ли покороче? — снова подал голос неугомонный председатель.

— Можно! — смело отвечал я. — В двадцать пятом веке я занимался охраной общественного порядка, то есть служил полицейским.

— Как — полицейским? — изумился прокурор. Можно было подумать, что если бы я назвал другое занятие, то он поверил бы мне больше.

— Да так вот, — выговорил я. — Охранял общественный порядок от всякого рода насильников и убийц!

— Разве в двадцать пятом веке есть убийцы? — спросил кто-то из зала, и мне это понравилось, потому что выступление незаметно приобретало форму диалога, имеющего, как известно, наибольшую убеждающую силу.

— В двадцать пятом веке есть все! — многозначительно произнес я. — Вы не можете даже представить, чего нет в двадцать пятом веке!

Председатель постучал молотком по столу.

— Я бы попросил выступающего говорить по существу рассматриваемого дела.

— А я и говорю по существу дела! — парировал я. — Корни этого дела уходят в двадцать пятый век, поэтому я и говорю теперь о двадцать пятом веке!

— Пусть рассказывает! — крикнул кто-то рыночным, если можно так выразиться, голосом.

Председатель поморщился и опустил голову. Больше он меня не перебивал.

— Когда мне в первый раз предложили отправиться в будущее, то я, так же, как и вы теперь, не мог предположить, что там может ожидать меня что-то плохое. Как и вы, я думал, что будущее — это сверкающий рай, что богатства там не меряны и неисчислимы, я думал, что найду в будущем царство справедливости и счастья, в котором нет униженных и все люди — братья, что насилие для них давно забытая вещь, и что там правит бал одна лишь красота, а на всем лежит печать вдохновения! — (Краем глаза я следил за слушателями и с удовольствием заметил, что глаза у многих заблестели, а сами они словно бы пригнулись, как бы стали ниже ростом — верный признак возросшего внимания). — Но, однако, первое же мое путешествие в будущий рай рассеяло мои иллюзии. Да, двадцать пятый век — это век изобилия, это век технических чудес, о которых я ничего не могу сказать, потому что многого не понимаю до сих пор, — и вместе с тем, это век своеобразной и, я бы сказал, устрашающей красоты, потому что... потому что у меня мороз по коже пробегает, когда я вспоминаю некоторые ее проявления. — При этих словах я передернул плечами, словно мне действительно стало холодно. — Но главное, что отличает двадцать пятый век — это не роскошь и не устрашающая красота, и не технические чудеса, которые мы не в силах сегодня понять, и даже не полеты к далеким

планетам солнечной системы, на которых человечество основало свои колонии. Нет, главное – это дух, который витает над этим всем и который, я бы сказал, оплодотворяет это все! – Быть может, меня и не вполне понимали в тот момент, но я уже не мог остановиться.

– Мы с вами, все вместе, идем по дороге прогресса. Это общепризнано. Дорога эта очень трудна и опасна, на ней много тупиков, много провалов и опасных вершин; дорога эта требует огромного труда, она требует колоссального напряжения наших сил. Но до сих пор никто не ответил – куда ведет эта дорога, и должны ли мы, вообще говоря, по ней идти. На каждом этапе своего развития человечество ставит перед собой новые, ясно различимые цели, полагая, что это и есть конечный пункт и что достигнув его, можно будет, наконец, успокоиться и перевести дух, что тогда разрешатся все вопросы и будут удовлетворены вековые чаяния. Но однако, сколько ни было поставлено таких ориентиров и сколько их ни было достигнуто, – количество проблем отнюдь не уменьшилось и человек не стал счастливее. И тут возникает большой вопрос: достижимо ли в принципе счастье для человека? Можно ли поставить такие цели для себя, достижение которых даст нам успокоение, или мы вечно обречены метаться в тщетной борьбе, достигая неизвестно чего и воюя неизвестно с кем? – Я приостановился и обвел взглядом присутствующих. Все как один смотрели на меня. Лица были серьезны и напряжены. Никто не собирался меня прерывать. – Так вот я и говорю, – продолжил я, несколько сбившись с мысли, – что картина, увиденная мною в двадцать пятом веке, повергла меня в крайнее уныние. То, что я там нашел, оказалось настолько безобразно, что одно время я хотел даже покончить с собой.

– Но ведь вы сказали, что вы нашли там общество изобилия и красоты! – снова крикнул кто-то из зала.

– Устрашающей красоты, – поправил я машинально. – Хотя дело вовсе не в этом.

– А в чем?

– Дело в духе... незримо витающем над всем.

Я подождал очередного вопроса, но его не последовало, а у меня вдруг кончились слова – слишком живо предстали передо мной картины прошлого, то есть будущего, будь оно проклято!.. Опустив голову, я сто-

ял без движения. Мне вдруг подумалось, что ничего и никому я не смогу доказать, потому... потому что чужой опыт ничему не учит. Учит лишь свой собственный опыт, пережитый самым непосредственным образом. Да и то не всегда и не всех.

– Вы закончили? – донеслось от председательского стола.

Я поднял голову.

– Нет, я не закончил. Я, собственно, только начал.

– Я бы попросил по возможности сократить свою речь, – сказал председатель, покашливая в кулак.

Я снова поглядел в зал и увидел, что эти люди ждут от меня некоего откровения. Как бы ни были фантастичны мои слова, люди пытались найти в них нечто... Человек всегда и во всем ищет нечто такое, чему нет названия и чего он сам не до конца понимает. Но сделав очередное открытие, говорит себе: «Нет, однако, я чего-то не то открыл! Надо бы поискать еще». И ищет дальше.

– В общем, так, – произнес я, – главное: я хотел бы еще раз повторить при всех, что я не убивал этих двоих. Они – не люди, это специальная органическая масса, имитирующая человеческое тело. Мне ее подобрали специально.

– Зачем?

– Чтобы я попал в безвыходное положение и согласился на их условия.

– Чьи?

– Я про это уже говорил. Меня хотят заставить вернуться в двадцать пятый век, чтобы я продолжил службу в тамошней полиции.

– Они что же, не могут без вас обойтись?

– Почему же, могут. Но им проще уговорить меня, чем искать другого кандидата. Меня не нужно учить, к тому же, я был хорошим полицейским. Мною были довольны.

– С хорошими полицейскими так не поступают! – заметил кто-то.

– В двадцать пятом веке так могут поступить с кем угодно! – утвердил я. – Если бы вы хоть ненадолго перенеслись на четверста лет вперед (О! Как бы я этого хотел!), то вы, вполне возможно, прокляли бы собственных детей!

Засверкали фотовспышки, застрекотали записывающие устройства – последние мои слова понравились чрезвычайно!

Я решил развить успех.

– Конечно, меня можно обвинить в консерватизме, можно сказать, что я ретроград, что я отвергаю все новое – все, чего не могу понять своим ограниченным умом. Но в таком случае следует вынести приговор всем нашим ценностям (я говорю о духовных ценностях), тогда следует сказать, что те моральные устои, которыми мы руководствовались несколько тысячелетий – неверны и ни к чему не ведут (если можно так легко от них отказаться и если под их сенью стало возможно все то, что стало возможно до сих пор), тогда следует сказать, что напрасно Иисус принял мученическую смерть – его страдания ничего не окупил и никого не спасли! – В этом месте ропот прошел по залу, но репортеры лишь усилили свою фиксирующую деятельность. – В будущем двадцать пятом веке, – витийствовал я, – будут забыты заповеди Христа! Можно будет убивать и красть, обманывать и соблазнять, можно предавать и завидовать, предаваться унынию и бояться! Нельзя лишь одного – быть слабым. Слабость – это величайший порок человека будущего, потому что сила будет признана как величайшее его достоинство.

– Но ведь вы сказали, что вы, дескать, служили в двадцать пятом веке в полиции? Правильно?

– Правильно.

– Так чем же вы там занимались, если убивать, по-вашему, там можно, красть – тоже, грабить, я так понимаю, – в той же мере...

– Тут нет никакого противоречия, – стал объяснять я. – Когда я говорил о забвении христианских заповедей, то имел в виду забвение их внутри нас.

– Как это?

– Я говорил в том смысле, что человек будущего в душе не будет считать любое преступление преступлением, хотя и согласен будет понести за него наказание, если неопровержимо докажут его вину. Но в таком случае он будет раскаиваться лишь в том, что плохо замел следы, и окружающие будут осуждать его и смеяться над его неловкостью, но не над самим преступным действием.

– Но разве это возможно?

– Возможно. Это существует, и я это видел.

Воцарилось молчание, никто не решился заговорить, и я продолжил:

– Там и полицейские точно такие. Они оттого и любят набирать блюстителей порядка из прошлого, потому что люди из прошлого – ангелы по сравнению с ними. «Даже такие как я!» – хотел добавить я, но не добавил.

– Значит, в будущем человечество ожидает неминуемый крах? – спросил молодой человек, обвешанный фотоаппаратами.

– Почему вы так решили?

– Но вы же сами сказали, что там нет никакой нравственности!

– Сказал, ну и что?

– Но как же? – озадачился репортерешко. Глаза его сделались круглыми, а лицо приняло обиженный вид.

Я сжалился над ним, а также и над всеми остальными.

– Да, я говорил и повторяю теперь, что общество будущего абсолютно безнравственно с нашей точки зрения. Но это вовсе не означает, что такому обществу уготован неминуемый крах. Напротив, я был свидетелем необычайной активности тамошнего населения, я видел самую неукротимую энергию и стремительное продвижение вперед! – Хотя это и походило немного на активность дикого племени, у которого в один чудесный день исчезли разом все его многочисленные табу, а главный шаман отменил своих бесноватых идолов.

– Но погодите, как вас понять? – спросил уже другой репортер. – Вы то ругаете будущее время, говорите, что там невозможно жить, а то вдруг заявляете о необычайном прогрессе и деловой активности!

– Когда я говорил о невозможности там жить, то имел в виду исключительно себя. Но все те, кто рождаются через четыре сотни лет и впитают с молоком матери тамошнюю мораль – им, напротив, жить в двадцать пятом веке будет исключительно легко, – в каком-то смысле они будут гораздо свободнее нас, свободнее внутренне! – раскрепощеннее, потому что, если задуматься глубоко, то единственное и самое реальное достижение так называемого прогресса – это обретение человеком свободы, – и это есть основная ценность нашей цивилизации.

– Вы нас вконец запутали, – пробормотал репортер и сел, потому что до сих пор он стоял на ногах.

– Я и сам запутался, – признался я. – Но я еще раз повторяю, что выражаю исключительно свою точку зрения – точку зрения человека двадцатого века со всеми его слабостями и недостатками.

– Так вы считаете, что человек двадцатого века – слаб и несовершенен? – подал голос прокурор.

– А вы считаете, что это венец природы? – оборотился я к нему. – Уж кому, как не вам, знать настоящую цену нашего современника.

– Так что же вы хотите доказать нам?

– Я хочу доказать, что все мы – вместе взятые – ничего не знаем и ничего не стоим, что наш мир породит другой мир, который будет смеяться над нами и плевать на то, что мы именуем моралью, и что за этим миром народится следующий, третий мир, который заплочет мир второй, а за третьим миром последует мир четвертый...

– Ну, мы это уже проходили, – заметил председатель. – Старик Гегель про это написал двести лет назад.

– Гегель не жил в двадцать пятом веке, – заметил я. – Он не был даже в двадцатом веке. Интересно, что бы он о нас подумал.

– Наверное, то же, что вы подумали о веке двадцать пятом, – заметил адвокат. Даже здесь он пытался мне помочь. Я улыбнулся ему и грустно вздохнул. Пора было кончать представление. Что бы я ни сказал, какие бы аргументы не привел – ничего тут не изменишь. Сколько их было – пророков и философов, сколько предостерегали, увещевали и взывали к нашей совести... Помогло это хоть кому-то?!.. Никому! Ничем! Горы трупов и моря крови – вот достойная отповедь всем на свете мыслителям. Миллионы умерших от голода, миллионы отчаявшихся и покончивших с собой – никого из них не спас Христос своей мученической смертью.

Я молчал минуты две, и никто не решался меня потревожить.

Наконец, я очнулся и обвел затуманенным взором зал. И мне показалось, что пол слегка раскачивается под сидящими, и плоскость, образованная головами, рисует в пространстве медленные круги. Воздух сгущается и синее, и скапливаются невидимые заряды, насыщают и пронизывают сидящих неосознаваемые токи; силовые линии приходят ниоткуда и уходят в никуда, проносясь сквозь времена и расстояния, не задевая ничего и не замечая никого, рав-

нодушные ко всему – невидимые силовые линии, составляющие каркас бесконечности... Две черные бездны расположены по обе стороны, у каждой из них одинаково нет конца, вектор времени теряется в глубинах прошлого, острием своим он направлен вверх, или прямо, или – все равно куда, – есть ли конец у него?... Две великие пустоты вращаются вокруг себя, и затесалась между ними крохотная пылинка, неизвестно откуда взявшаяся и для чего – сверкнул на миг свет и осветил зародившуюся ни с чего плесень, – но луч погас, и плесень омертвела, растворилась в ледяной пустоте, и стала тем, чем и была всегда, – ничем.

Так кто же и в чем виноват?

Можно ли что-либо и кому угодно доказать?!

Выступление мое подходило к концу, и к концу подходила вся эта нелепая история. Три недели я пытался доказать окружающим людям... что? Я и сам не вполне это понимал. Вернее, именно теперь я вдруг понял, что доказывать что-то и кому-то нет никакой надобности. Потому что нет абсолютной истины, и нет потому абсолютных доказательств. У каждого времени свои ориентиры и свои вершины. Человечество бредет по исторической тропе ничуть не лучше стада баранов, оглядывая бараньими глазами окрестные виды и щипля подножную травку, принимая данную реальность за единственно верную. Но вот – новый поворот, новые виды и новая трава, новые вожак и новые правила поведения на нескончаемой жизненной тропе. Так чего и кому я хочу здесь доказать, когда я сам ничегошеньки не знаю, и никто ничего не знает, никто не видит дальше собственного носа, а самые гениальные глядят лишь на два шага вперед. Мораль подобна половой тряпке, которой утирают разбитое в кровь лицо, утешаясь мягкостью материи и ее высокой впитывающей способностью, а в следующий миг эта тряпка может послужить для удушения не согласившегося с тобой индивида или просто брошена под ноги, как бесполезная или даже вредная вещь.

– Конечно, все мною сказанное может быть воспринято с недоверием, – заговорил я вновь, – единственное, чем я могу подтвердить свои слова, – это то чудо, про которое я говорил вначале.

– Какое чудо? – встрепенулись многие.

Я обвел зал с видом превосходства и одновременно сожаления. Мне жаль было

этих людей – они так ничего и не поняли. И не меньше мне было жаль самого себя – я понимал в этой жизни не больше их.

– Если мне не будет вынесен оправдательный приговор, то я исчезну из этого мира и перенесусь в двадцать пятый век, потому что у меня не останется выбора.

– То есть как – перенесетесь? – приподнялся и закрутил головой прокурор.

Очевидно, он искал машину времени. Но машины времени не было. Для путешествий во времени не нужна никакая машина – по крайней мере, в том вульгарном смысле, в котором многие ее себе представляют.

– Для того чтобы переместиться в двадцать пятый век, мне достаточно произнести одно единственное слово, означающее мое согласие на перемещение. Как только я его произнесу – я исчезну. И надо полагать – навсегда.

Данное сообщение явилось новостью для присутствующих, не все приняли ее одинаково. Так, репортеры явно обрадовались такому обороту, а все официальные лица, включая и адвоката, вдруг озаботились. Отчасти благодушное настроение, влавшееся официальными лицами, резко поменялось на крайнюю озабоченность. Можно было подумать, что у них из под носа уведят законную добычу.

– Но позвольте, – все не мог взять в себя в руки прокурор, – как это вы вдруг исчезнете? Это что, шутка такая?

«Кровожадный тип! – заметил я про себя. – Хотя и не верит мне ни на грош, но даже в мыслях не может допустить, что я могу избегнуть наказания».

– Шутка это или нет – вы убедитесь, когда будет вынесен приговор и когда я произнесу ключевое слово, – пообещал я.

– А что это за слово – вы можете нам сказать? – поинтересовался председатель, которого также задело за живое такое необычайное обещание.

– Нет, не могу, – усмехнулся я.

– Почему же?

– Да потому («бараньи ваши головы»), что как только я его произнесу, то сразу и исчезну. Неужели непонятно?!

– А, ну да, как же, теперь понятно, – забормотал председатель.

Но прокурор не унимался.

– Ну хотя бы намекните нам!

– Да зачем это?

– Ну чтоб мы знали, – был ответ.

– Зачем вам это знать? – начал уже сердиться я.

Прокурор встал в тупик, но тут же нашелся.

– А мы вас проверим! Когда вы произнесете это слово, то мы сами увидим – подействует ли оно.

– Да вы и так увидите!

– Э-э, нет! А вдруг у вас не получится, и вы скажете, что произнесли не то слово и что пошутили, а это свое слово произнесете потом, когда захотите?!

Я задумался на секунду и был вынужден признать наличие некоторого смысла в подобном раскладе. Да и в принципе, чего мне было бояться?..

Попросив лист бумаги и карандаш, я написал размашисто точно посередине восемь букв и поставил восклицательный знак, потом вручил бумагу охраннику, чтобы он отнес ее на председательский стол.

Охранник взял лист двумя пальцами, словно боялся заразиться смертельной болезнью, и потащил его через зал. Женщины бледнели, когда он проходил рядом, мужчины провожали охранника немигающими стеклянными глазами. Наконец, он дошел до стола и положил на самый край опасный документ, во все время перехода он не спускал с бумаги воспаленного взора.

Теперь уже председатель, выпучив глаза, смотрел на страшный бумажный документ. Челюсть его отвисла, лицо сделалось серым, туловище сгорбилось... – довольно неприятное зрелище.

– Не бойтесь ничего, – рассмеялся я. – Даже если вы и произнесете это слово вслух, то вам ничего не будет. Слово закодировано на меня одного.

К председательскому столу приблизился с опаской судебный секретарь, за ним прокурор, а потом не выдержал и адвокат. Все вместе они стояли возле председателя и читали устрашающий документ.

– Да что там такое? – крикнули из зала.

У стола возникло заминка – никто не решался притронуться к бумаге, хотя и, видно, неудержимо хотелось. Раздалось несколько смешков.

Это привело в чувство компанию судебных чиновников, и после небольшого совещания оглашение документа было поручено судебному секретарю.

Тот взял ее в трясущиеся руки.

– Согласен! – прогремело под сводами суда, и все со страхом посмотрели сначала

на чтеца, словно боясь, что он вот-вот растворится в воздухе навсегда и непоправимо, а потом на меня – уже с осуждением и недоброжелательностью, – что подвергаю такому риску ни в чем не повинных людей.

Когда ропот затих, председатель откашлялся и спросил строго:

– Так это и есть ваше волшебное слово?

– Да, – ответил я, – это оно и есть. Как только я произнесу его вслух, так сразу исчезну из этого мира и перенесусь в мир иной. Но это произойдет, напоминаю, если только я буду признан виновным.

– Так-так, – проговорил председатель и посмотрел на прокурора. – Что будем делать?

Тот сделал неопределенный жест.

– Не знаю.

– Пусть присяжные выносят свой приговор! – подсказал я и был, безусловно, прав, потому что после того, как обвиняемый сказал последнее слово, все слушания заканчиваются и в дело, согласно закона, вступает суд присяжных – ему предстоит в специально отведенной комнате, приняв во внимание все обстоятельства, вынести свой вердикт.

Я, признаться, не питал особых надежд на суд присяжных. Чего можно ожидать от людей, которые играючи осуждают человека на долгий срок или даже на смерть, а потом как ни в чем не бывало возвращаются к своим обычным занятиям? Чего можно ожидать от людей, для которых юриспруденция – темный лес, а в суд они ходят, как завсегдатаи в клуб. Я не ждал от суда присяжных ничего хорошего... и был в корне не прав!

Произошло одно из немногих событий, выбивающихся из глубокого и широкого потока зла и несправедливости, в котором тонет честной мир. События эти – совершающиеся вопреки многочисленным мешающим обстоятельствам и благодаря некой высшей справедливости, – чрезвычайно редки и не могут исправить ситуацию целиком, но происходят они не вовсе напрасно и память о них, надо полагать, долго служит утешением для тех, кто утешения ищет.

Когда суд присяжных вернулся в зал заседаний, все взволнованно поднялись, сразу чего-то испугавшись. Я тоже встал и наравне с другими ощутил волнение, хотя, если разобраться, бояться мне было нечего. Но и всем ос-

тальным, если разобраться, тоже было нечего опасаться. И тем не менее все перепугались, не исключая и прокурора, который обычно сам внушал присутствующим страх, даже если они и не были ни в чем виноваты.

Итак, суд присяжных вошел среди гробовой тишины в зал заседаний и занял свои места на специально оголоженном месте. Вперед вышла молодая симпатичная женщина и, когда председатель задал ей традиционный вопрос о том, что решили присяжные, произнесла, глядя перед собой широко раскрытыми глазами:

– Невиновен!

Это было как гром среди ясного неба! Мне показалось, что на мгновение померк дневной свет, и я оглох на несколько секунд.

«Невиновен...»

– Невиновен! – прокатилось по всем рядам.

«Невиновен!» – повторил я про себя.

Зал со всеми людьми, со скамейками и с барьерами, с окнами, с потолками, со столом председателя и с самим председателем, с прокурором и с адвокатом и вместе со мной – куда-то накренился, все здание повело вбок, и я схватился за перегородку, чтобы не упасть.

«НЕВИНОВЕН!» – отдавалось звонко в моей голове.

Произошло движение в рядах, я наблюдал происходящее словно во сне, или – сквозь толщу воды, – внезапно я поглупел и обессилел, я не до конца понимал, что со мной происходит и где я нахожусь. Видел, как встали с передних скамеек репортеры и двинулись, с микрофонами наперевес, в мою сторону. Но тут поднялся во весь свой рост председатель и что-то прокричал громовым голосом, – репортеры, испугавшись, повернули назад. Председатель посмотрел огненными глазами на меня. Рот его раскрылся, из него вырвались какие-то звуки. Я стоял и ничего не мог понять. Рот снова раскрылся, и снова до моих ушей долетели слова, смысл которых я никак не мог принять в себя.

В этот миг ко мне подошел адвокат, защищавший меня до конца несмотря ни на что. Взял осторожно за руку, приблизил лицо, и я скорее угадал, чем услышал, чего от меня добиваются.

«Согласны ли вы с решением суда? – проговорили его губы. – Согласны ли вы?».

Я смотрел на него с неизъяснимым блаженством. «Согласен ли я? Согласен ли?!..».

О да, конечно! Конечно, я согласен! Конечно, конечно согласен!

И, набрав в легкие побольше воздуха, расправив плечи и подняв голову, чтобы слышали все, я крикнул в сияющую высоту:

– Я СОГЛАСЕН!

И в ту же секунду весь зал вместе с окнами и со скамейками, со столами и стульями, с охранниками, с председателем и его секретарем, с присяжными заседателями, с прокурором и с адвокатом, и вместе со всем миром, что глядел на меня через мутное окно, – исчез!

И я оказался в месте ином...

РЕПОРТАЖ ПЕРВОЦВЕТА

По итогам конкурса
«Юный журналист»

УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ

(Два дня на Байкале)

Репортаж

учащихся 8-го класса средней школы № 7

г. Иркутска

*Судьба нас наградила поездкой по Байкалу:
Мы отдохнули классом в «Серебряном ключе»...*

4-е ноября. С утра погода обещала нам чудесный отдых. Снега нет – еще не зима – но мы одеты тепло: как же! на два дня впервые классом уезжаем на Байкал! Смеясь и подшучивая, встречаем каждого подходящего к автобусу: «Вот это экипировочка! А рюкзачище-то – как на Северный полюс собрался!»

Беленький комфортабельный автобус тронулся с места, в салоне зазвучала наша любимая музыка – и вот уже город позади, а мы мчимся по Байкальскому тракту. Настроение у всех великолепное, хотя никто толком не представляет, что нас ждет.

Листвянка. Катер «Беркут» встречает своих шумных пассажиров, и вот здесь, на палубе, когда берег стал удаляться, мы наконец почувствовали вкус путешествия в неведомый мир.

Мы на катере плыли
по озеру,
Бурлила вода от винта,
Виднелись горы
белой проседью –
Вокруг такая красота!

Ветер хлестал нам лица, холод обжигал руки, но мы уже жили в другом мире – сказочном мире пер-

возданной природы, о котором (увы!) забываем в городе, не задуываемся, не вспоминаем.

Ура! Впереди показался берег. Но там же ничего нет! Скалы, ветка кругобайкальской железной дороги... Ах, нет... вон точкой виднеется одинокий домик. Неужели это наша турбаза?! Катер приближается к берегу, и мы уже ясно видим деревянный резной терем. А вокруг – ни души. Первое впечатление – восторг: побываем-ка в шкуре отшельников!

А дальше все, как во сне: гостеприимная встреча, деревянный стиль интерьера домика, крики «классно! здорово!», барская столовая с одним столом, за которым – как одна семья; камин, треск которого заставляет забыть городскую жизнь. Нигде в доме нет ни обоев, ни паркета, только картины на стенах... Распределившись по комнатам и пообедав одной дружной семьей, идем на экскурсию по кругобайкальской железной дороге к тоннелю. Красота кругом! Справа стеной высятся скалы, слева – необозримая водная гладь.

Байкал... Его безмерная синева, чистый воздух помогли нам полностью забытья, ощутить свободу, отдаться своим мечтам. И нам пока-

залось, что в мире вечно царствует жизнь. Жизнь... что значит без нее мир? И что без мира человек?... Мы шли по дороге. Яркое светило солнце, и на душе было весело. Вдруг Сережа, который один шел около воды, крикнул: «Нерпа! Здесь нерпа!» Мы замолчали. Нерпа? Все вспомнили о картинках в книжках с нерпами – такими красивыми и редкими животными. Но Сережа оборвал наши раздумья: «Она, по моему, мертвая...» В уме блеснула надежда: «А, может, она еще жива?» – и мы быстро побежали вниз. Недалеко от воды, на камнях, куда сама она выбраться не могла, лежала маленькая нерпочка. Ее серебристая шкурка поблескивала на солнце, но животное не двигалось. Один глазик был изуродован (наверное, за него ее вытащили на берег), «лапки» изрезаны, из них струилась кровь, а изо рта торчала бутылка. Девчонки заплакали – это были слезы жалости, но это были и слезы ненависти, бессилия перед жестокостью. Не было сомнений – причиной смерти нерпенка стал, безусловно, человек. Тот единственный избранник Божий, что наделен разумом, способностью мыслить. Но куда же исчез этот разум, что человек смог так жестоко расправиться с невинным существом?! стыдно стало за человеческий род, за его существование.

Мы долго стояли над безжизненным тельцем, не зная, чем можно помочь, и поняли наконец, что (увы) ничего не исправишь. До тоннеля и обратно шли грустные, молчали. Казалось, ничто теперь не изменит нашего состояния. Но дома нас ждал сюрприз – уже истопленная баня. Она находилась у подножия горы, и, наверное, летом в пышной зелени ее совсем не видно.

Рядом журчит ручей, а впереди растилается Байкал.

4 ноября. Вечер. Пылает камин. В зале полумрак. Мы – раскрасневшиеся после парной, чистые, такие домашние – сидим за общим столом, уплетая суп с фрикадельками, и вспоминаем прожитый день. Самым неожиданным и приятным была баня. Под общий смех, шутки и остроумия у Светы родились стихи:

Была банька на турбазе,
Она всем понравилась,
И прекрасно наша группа
На полке попарилась!
Первым делом, веник взяв,
В парную забегали,
В ковшичек воды набрав,
Камни обливали.
Так щипал нам пар ядреный
Нос, глаза и ушки,
Что с парной мы вылетали,
Как ядро из пушки.
И водою ледяною
Друга обкатив,
Вновь туда мы забегали,
Уж глаза закрыв.
В волю же попарившись,
Быстренько помылись
И, одевшись чистенько,
В дом мы возвратились.

Стол отодвинут, стулья расставлены вдоль стен... Ура! Дискотека в 10 метрах от Байкала! Так мы еще не веселились! Натанцевавшись, вышли на улицу и ...ахнули. Столько звезд, как на Байкале, никогда не видели. Над нами совсем близкое, но безмерно загадочное звездное небо. Вокруг тишина, которую нарушает лишь плеск бьющихся о берег волн – и больше никаких звуков. Мы спустились к Байкалу, удобно устроились на мостике, и каждый думал о своем. Как тихо, как хорошо, как прекрасно. Вдруг Лена тихонько начала:

Синий простор Байкала
Нам открывает чудо,
Я ведь совсем не знала,
Берется краса откуда.
Яркие звезды и небо
Поздним вечером лунным,
Месяц краюшкой хлеба –
День показался безумным.

А закончили мы этот день смехом,
песнями во тьме на берегу Байкала
под вечным бескрайним загадочным
небом.

5 ноября. Утро. Что это? Где мы?
Что за стук? А-а-а, мы же на Байкале!
Это нас будят на утреннюю прогулку.

– Эй, девчонки, вставайте быстрее!
Так можно все проспять!

– Точно... Мы же сегодня уезжаем.
О- ой, не хочу домой!

Мысль о том, что мы сегодня уезжаем, огорчила нас, но когда мы выскочили на морозный воздух и увидели восходящее светило, красную дрожащую дорожку на воде, настроение опять поднялось. Встав лицом к Байкалу, встречая поднимающееся солнце, мы начали делать зарядку. Дома, в комнате, даже перед открытой форточкой, разве ощутишь такой прилив сил? А здесь... Первые лучи солнца как бы благословили нас на грядущий день, зарядили нас энергией, мороз и ветер от воды взбодрили и освежили. От завтрака ничего не осталось.

До отъезда оставалось несколько часов, и мы решили взобраться на самую высокую гору. Падая, карабкаясь, хватаясь за кусты, кряхтя и тяжело дыша, мы наконец добрались до вершины. Вот это да -а... Находясь внизу, разве такое увидишь? Необозримая красота открылась нашему взору с высоты. Свою безграничную душу развернул нам Байкал. Здесь мы почувствовали себя первооткрывателям, поэтому эту

вершину назвали «Пик 8А» или «Пик лицеистов».

И вот последний час нашего пребывания на турбазе. Как отблагодарить прекрасных людей, которые помогли нам великолепно провести эти два дня? Идея! Написать отзыв в книгу, где остались записи американцев и шведов, китайцев и англичан, многих россиян. Итак, вокруг стола сидит наш класс и директор турбазы Григорий Всеволодович. Мы спели ему песню и прочитали стихи:

Побывали мы здесь
впервые –
На Байкале чудесно пожить.
И вот эти два дня золотые
Не забыть нам, друзья,
не забыть.
Не забыть нам
прекрасные горы,
Не забыть эти борозды волн,
Не забыть голубые просторы
И звездный
ночной небосклон.
Мы ходили по рельсам,
по шпалам,
Мы смотрели на склоны горы
И природой чудесной
Байкала
Очарованы все были мы.
В вашем доме тепло и уютно,
Здесь нашли мы
сердечный привет.
Нам прощаться
придется трудно –
Нас согрел
ваш душевный свет.
Нам понравилась наша баня –
От души мы напарились
в ней,
А в столовой камина пламя
Помогло всем нам
стать дружной.
Мы забыли про все заботы
За искусно накрытым
столом...
Так спасибо за вашу работу –
Мы не раз вас
вспомним потом.

... День заканчивается. Мы снова на том же катере, но никто не смотрит вперед – взгляды обращены на берег, на дом, на хозяев. Расстояние между нами все больше и больше. Наш ставший родным теремок опять превращается в точку. И так

грустно. Никто не смеется, все постепенно становятся такими, какими знает нас город. До свиданья, «Серебряный ключ»! До свиданья, сказка! Так не хочется возвращаться в реальность... Но теперь ты будешь приходить к нам во сне.

ЗА ГРАНЬЮ

*П. Созинова, М. Загребнева
школа № 27, 9-й «Б» класс*

Обычное серое утро. В окно падает тусклый свет фонарей. Чашка черного кофе давно остыла. Девушка сидит молча, задумавшись, опустив голову. Пепельные волосы небрежно рассыпаны по костлявым плечам. Худые дрожащие руки гладят полированный стол. Полузакрытые желтые глаза с неровно накрашенными ресницами выражают безразличие и какую-то глубокую всепоглощающую тоску.

Перед ней лежит пустой шприц.

Она медленно закрывает глаза и видит себя маленькой девчонкой в черном платьице и нарядном фартучке, с огромными белыми бантами и охапкой розовых только что сорванных гладиолусов. Смелая искрящая улыбка украшает ее и без того симпатичную мордашку.

Темнота. Ни капли света. Снова нахлынули воспоминания. Бал? Да выпускной вечер, на котором она – настоящая принцесса. В этот вечер счастье переполняет ее маленькое тело. И снова эта безумная, излучающая радость улыбка. Теперь она совсем не улыбается. Вот уже полгода, как ее губы не сделали ни одного движения, хотя бы немного напоминающего ту веселую, беззаботную, полную наивности улыбку. В жизни она неправильно выбрала

дорогу. Сделав шаг по неверному пути, устремясь в кромешную тьму, осознавая, что сделала неверный выбор, который стал для нее роковым, она продолжала идти вперед. «Как я могла? Зачем, Господи? Ведь все могло быть иначе». Она, будучи школьницей, была отличницей. После школы хотела поступить в МГУ на факультет журналистики. Но игла с манящей жидкостью, игравшая невинной жизнью, остановила в ней движение.

Раньше она любила плакать по любому поводу, когда чувства переполняли ее. Но никогда больше слезинка не украсит ее бездонные голубые глаза. Чувств не осталось – осталось безразличие. Тупое, глубокое, пугающее безразличие.

Алексей уверял ее, что все будет хорошо. «Не понравится – бросишь», – говорил он. Бросить она не смогла. Когда он пришел, такой грубый и нервный, она с надеждой и болью смотрела в его бешеные и злые глаза. Просила, просила, ползала у него в ногах. А он с раздражением втолковывал ей то, что ему нужны деньги. Она достала деньги...

Теперь ей было понятно, куда она попала. Он предатель, подлец, затащил ее в болото, дал гадкой

пасти засасывать ее с каждым днем все больше и больше. Она чувствовала, что конец недалеко. Но очень боялась смерти. Хотя не раз думала о ней ночью, лежа в холодной постели.

Она встала. Яркий рассвет брызнул в глаза золотистыми лучами. Она зажмурилась. Потом снова открыла глаза и неровной походкой двинулась к окну. Открыла его. Холодный порывистый ветер ударил по щекам. Сухие желтые осенние листья вихрем закружились в ее комнате и тихо легли на пол. Она встала на подоконник, небрежно закинув ногу, уронила пепельницу. Та с грохотом упала на чистый палас. Пепел и выкуренные сигареты рассыпались. Все равно. Жизнь те-

перь не имеет смысла. Нет, не жизнь – жалкое животное существование. Оно не имеет смысла. Только то, что за гранью. Страха смерти уже нет. Только невероятная тяга туда, где слякоть и холод, мокрый асфальт и дождь. За окном начинается новая красивая жизнь. Она шагнула ...

Шелест деревьев, шум проезжающих машин. Солнце, освещающее ее чистое безмятежное лицо, и улыбка ... Та улыбка которая выражает самое сокровенное, искреннее, необыкновенное чувство, которое называется счастьем.

(История основана на реальных фактах).

МАМЫ ВСЯКИЕ ВАЖНЫ

*Елизавета Моисеева
школа № 43, 10-й класс*

С недавних пор я стала замечать, что мои отношения с мамой стали меняться. Причем я затрудняюсь ответить, кто из нас двоих выступает в главной роли. Скорее всего, это произошло само собой: мама, конечно, заметила, что «я уже женщина», но все-таки ей хочется, чтобы я оставалась ребенком. Я считаю, что отношения с мамой – это одна из самых важных вещей в жизни. Это доказывает уже тот факт, что мы все очень переживаем при малейшей ссоре с ней. Мы все чувствуем каждую перемену в ее настроении, хотя внешне всячески стараемся этого не показывать.

Скажем честно, что в голове каждой из нас время от времени возникает риторический вопрос: «Ну, почему моя мама не такая, как у Ленки – модная, все-все понимающая, все

прощающая!?!». Но с этим ничего не поделаешь, мама есть мама, на всю жизнь одна: твоя любименькая, миленькая, неповторимая мамусенька. Да, да! Не меньше и не больше! Именно поэтому просто необходимо разобраться в ваших отношениях и научиться понимать друг друга. На своем личном «печальном» опыте и еще на более печальном опыте своих подруг могу вам кое-что посоветовать.

Идеальный вариант.

Вы просто рождены для того, чтобы стать друзьями навеки. Одна косметика на двоих, блузка «от кутюр», которая в любой момент может стать твоей, общие дела и общие проблемы – все это признаки идеального варианта. Она без ума от твоих друзей – нефор-

малов, а ты просто обожаешь тетю Тому с первого этажа.

Ну... что тут можно посоветовать? Да ничего, пока и так все нормально.

Уси - пусички.

Рассмотрим банальную ситуацию. За тобой заходит твой друг, а в прихожей тебя догоняет мама, задирая юбку и нежненьким голоском спрашивает: «Деточка, ты не забыла надеть тепленькие панталончики?» Такая мама и слышать не хочет о том, что тебе уже 16.

Ситуация незавидная, но исправимая. Попробуй переубедить маму, познакомь ее со своим миром. Но для этого понадобится время, если у тебя есть желание и терпение – держай.

Ать - два!!!

Если в монологе мамы присутствуют слова «так, во-первых, во-вторых, в-третьих», то можно с уверенностью сказать, что твоя мама относится к категории «генералиссимус». У нее есть собственное мнение по поводу твоих друзей, твоих интересов, твоего гардероба. Ее слова не подлежат обсуждению. Твоя жизнь – ее жизнь. С одной стороны, это неплохо, ведь иметь такую заботливую маму хотят многие. Но с другой стороны, идти домой после 9 часов, как на допрос – это уже слишком.

Ситуация сложная. Да и ты тоже хороша. Пора бы набраться смелости и сказать: «Мама, ты такая умная, такая хорошая, ты так всему меня научила, что я уже сама все понимаю и все могу делать сама».

Третья Мировая.

– Кто взял мою помаду?

– А ты купила мне новую?

– Не огрызайся со старшими!

– Все, мне это надоело, я уйду из дома!!!

Примерно такая обстановка царит в вашей семье. Но это бывает не раз в неделю, это постоянная атмосфера в вашей квартире.

Думаю, это не очень хорошо, да и для вас не очень приятно.

Постарайся успокоиться – вам еще долго жить вместе и не стоит портить отношения с самого начала. Лучше серьезно поговори с своей мамой, может быть, ей тоже надоела эта война и вы вместе сможете найти выход из сложившейся ситуации. Удачи!

Мама или подруга?!...

Ей нравится рейв, она носит ярко оранжевые джинсы и хочет покрасить волосы в зеленый цвет. Единственное, что ты можешь сделать, – это перекрасить свои волосы в синий.

Ты краснеешь, когда разговор с друзьями заходит о родителях. Тебе кажется, что твоя мама не совсем «нормальная», но не расстраивайся и не посмеивайся над ее новым прикидом: ведь, если подумать, на самом ли деле у твоих друзей «нормальные» мамы?..

Мораль?

Мамочка может быть любой.

Так же, как и ты, между прочим...

P.S. Ну, что мамы (всякие – не всякие – тут даже не суть важно) нужны, ясно любому человеку с самого его рождения. Припавший к материнской груди младенец понимает это без лишних слов. А вот что делает околачивающийся поблизости и называющий себя «папой» «субъект гражданской наружности», и вообще, какая от него в жизни польза, – это вопрос???

Член Союза писателей России, автор множества фантастических рассказов и повестей. Часто его произведения отмечены светлым, теплым, добрым юмором.

РАССКАЗ О НАЧИНАЮЩЕМ ПИСАТЕЛЕ

Один молодой человек решил стать писателем. Он прочитал для примера несколько рассказов Бунина, Чехова и Куприна, купил пачку красивой белой бумаги и сел за стол сочинять. Сюжет был заготовлен заранее: двое молодых людей – он и она – поехали кататься на лодке по иркутскому водохранилищу. И все у них было замечательно, как вдруг налетел ветер и лодка их перевернулась на середине залива. Молодые люди отчаянно борются с ледяной водой, всячески поддерживают друг друга, но все тщетно – оба тонут. Такая вот трагическая развязка – все как положено, – герои Чехова, Бунина и Куприна в большинстве своем также не доживают до старости.

И вот молодой человек, решивший сделаться писателем, пишет первый в своей жизни рассказ. Он начал так: «Стоял чудесный майский день. С высоты небес величественно светило солнце, обливая жаркими лучами просыпающуюся землю, пробуждая природу к жизни и цветению, одаривая благодатным теплом все, что ни есть на земле. Природа открывала свои отяжелевшие очи и радовалась теплу и свету, и готовилась к подвигу жизни до новой зимы...» – и так далее на целую страницу. Покончив с природой, автор принялся за героев. Он подробно описал внешность юноши и девушки, пользуясь примерно та-

кими оборотами: «Девушка была чудо как хороша, длинные волнистые волосы обрамляли прелестное личико и живописно ниспадали на плечи, покрывая их мягким шелковистым ковром. Взгляд ее лучился светом любви, а в глазах заключался целый мир со всеми его чудесами и волшебством...» Юноша выглядел несколько иначе: «Мужественное лицо его, открытое всем ветрам, располагало к себе. Прямой взгляд и упрямый подбородок говорили о привычке к опасностям, поперечная складка на лбу свидетельствовала о перенесенных страданиях и выдавала недюжинную внутреннюю силу...» – На описание ушла еще одна страница, итого стало две. «Недурно!» – подумал начинающий писатель и перешел непосредственно к основному действию.

«В такой чудесный весенний день, – повествовал он, – когда все вокруг радовалось и звало к жизни, двое молодых людей, два любящих сердца, без пяти минут жених и невеста, сели в лодку и заскользили неслышно по чистому зеркалу вод. Погода благоприятствовала им...» – Путешественники по воле автора пересекли иркутское водохранилище, образованное разлившейся под плотиной «красавицей Ангарой», и высадились на другом берегу, «среди вековой тишины и древних базальтовых плит», ступив на «терра инкогнита». Снова последовало

описание природы, затем – костер, шашлык, вино и музыка. «Они радовались, как дети». Исписав целых пять страниц, автор решил, что достаточно, и, посадив молодых людей в лодку, отправил через залив обратно домой. В этот момент погода неожиданно портится. «Небо заволокли свинцовые тучи, подул пронизывающий ветер с Байкала, поднялась темная волна». С этого момента рассказ приобретает трагические тона. Чувствуя, как каменеет внутри сердце, автор пишет: «Очень скоро они поняли, что не доберутся до берега – волны перехлестывали через борт и заливали лодку. Они переглянулись, во взглядах их была нежность, но и решимость бороться до конца и дорого продать свою жизнь!» Борьба продолжается целую страницу, затем следует описание особо крупной волны, неловкое движение, он взмахнул руками, она вскрикнула, и лодка перевернулась – путешественники оказались в ледяной воде. И вот, заключительный аккорд! Утирая украдкой слезы, автор показывает крупным планом, как молодые люди барахтаются среди ветра и волн, как юноша подплыл к девушке и стал ее поддерживать, потому что она не умела плавать, но – «в ледяной воде силы слишком быстро покидают человека», и незадачливые путешественники тонут, обнимают друг друга и идут ко дну. «Вместе они погрузились в страшную пучину, омывшись перед смертью святой байкальской водой!».

Всего набралось восемь страниц. Старательно переписав свое творение и подумав, что получилось совсем неплохо, почти как у Бунина, начинающий

писатель побежал в ближайшую редакцию.

А там ему сказали: «Проще надо писать. Проще! Уберите эту красавицу-Ангару, эти чудные обрамляющие волосы и прелестное личико. Представьте, что вы пишете письмо другу. Опишите события своими словами. Будьте естественнее!».

Обидевшись, но не показывая обиды, молодой автор взял рассказ и пошел домой. Ему жалко было потраченного труда, и он решил не бросать дело на полпути, а последовать совету редактора. Войдя в свою комнату, он уже знал – как следует изменить манеру письма.

На следующее утро он снова был в редакции. Пожилой невыспавшийся редактор с неопрятной бородой читал, сдвинув брови, новый вариант рассказа. Рассказ сократился до пяти страниц и выглядел таким образом: «Это случилось в мае. День обещал быть жарким. Природа просыпалась после долгой холодной зимы. Залив накануне освободился ото льда, и первые рыбаки делали пробные заплывы.» Герои также изменились. Девушка была «стройна, высока, красива». У нее были «синие глаза и длинные волосы ниже плеч». Юноша тоже был высок и широк в плечах, взгляд у него был мужественный, лицо казалось благородным. Рано утром юноша и девушка сели в лодку и поплыли на «ту сторону залива». Ширина в этом месте была ровно семь километров, и через час они уже «были там», вышли на берег и оперативно приготовили шашлык. Посидели немного, отдохнули, выпили и поплыли обратно, но точно на середине залива поднялся вдруг сильный ветер, пошла крупная черная волна, и лодка, конечно же, перевернулась. До берега было далеко,

вода холодная — плюс пять градусов; и незадачливые путешественники, вполне естественно, тонут. Шансов у них не было уже потому, что девушка не умела плавать, а в лодке не было никаких спасательных средств.

Закончив чтение, редактор задумался. Автор стоял рядом и ждал приговора.

— Ну что ж, — сказал редактор, — это уже лучше. Значительно лучше. Но все равно, печатать такое нельзя.

— Почему? — спросил автор упавшим голосом.

— Обыватель не любит трагических концов, — авторитетно заявил редактор. — Ему не нужны отрицательные эмоции, у него своих хватает.

Автор вздумал было спорить. Он привел в пример Бунина, Чехова и Куприна, а также Достоевского, Толстого и Горького.

— Эх, куда хватил! — усмехнулся редактор. — Это когда было-то? И потом, это же классики, здесь нельзя сравнивать.

Автор скромно промолчал.

— В общем так, — сказал редактор, возвращая рукопись. — Попробуй как-нибудь конец переделать.

— В каком смысле? — не понял автор.

— Ну чтоб не так трагично было. А то что получается — сели в лодку, поплыли, утонули. Ну и что? Какая здесь мораль? Где второй план? Что в подтексте?

На такие мудреные вопросы автор не нашелся ничего ответить и отправился восвояси домой.

На следующее утро он вновь стоял перед бородатым редактором. Тот с удивлением смотрел на него, словно не узнавая.

— Я был вчера у вас! — сказал автор. — И позавчера тоже.

— Да, я помню, — покачал головой редактор и взял из рук автора рукопись. Это был третий вариант рассказа.

«Обычным майским днем двое молодых отправились на лодке в плавание по иркутскому водохранилищу. День с утра был тихий и ясный. Погода благоприятствовала путешествию».

— Неплохо! — проговорил редактор и продолжил чтение. Далее следовали лаконичные характеристики героев, сообщалось, что они любят друг друга и скоро должны пожениться. Вот они переправились на другой берег и запалили костер. Пожарили шашлыки и стали есть. Поев, пошли бродить по берегу, а потом сели в лодку и поплыли обратно. Точно на середине залива их настигает ветер. Поднимается волна, но отважные путешественники упрямо гребут к берегу, поперек волны и навстречу ветру. До берега далеко, больше трех километров, но они гребут и гребут, отчаянно борясь с разбушевавшейся стихией. Огромные волны заливают лодку, путешественники сидят по пояс в воде, но упрямо держатся на плаву, ничто не может им помешать».

Редактор с трудом оторвался от чтения, вытер рукавом вспотевший лоб и уважительно посмотрел на автора. Тот стоял с рассеянным видом возле окна. Редактор помотал головой и стал читать дальше.

Когда до берега оставалось «всего ничего», особо крупная волна обрушилась на лодку, и путешественники оказались в воде. Молодой человек сразу поплыл к своей подруге, зная, что она не умеет плавать. Он велел ей перевернуться на спину, сам заплыл сзади, взял за во-

ротник куртки и погреб к берегу — именно так следовало спасать утопающих. До берега оставалось меньше сотни метров, но плыть становилось все тяжелей, руки и ноги налились свинцом, неудержимо тянуло ко дну. Девушка иногда дрыгала ногами, помогая продвижению вперед, и молодой человек был ей благодарен за это. И вот когда сил уже не осталось, и юноша решил, что все пропало, перестал бороться и пошел ко дну, то ноги его внезапно почувствовали опору, он встал на дно — ему было по грудь, девушке — по горло. Берег в этом месте выдавался далеко в залив песчаной косой, и отважные путешественники удачно попали на нее. Из последних сил они прошли по дну по-

следние метры и, выйдя из воды, повалились на песок. «Спасены! — стучало в мозгу. — Господи, спасибо тебе!».

В новом варианте рассказ занимал три страницы, и в нем было все, о чем говорил бородатый редактор. Кончив читать, он долго сидел, согнувшись и глядя в одну точку. Потом поднялся и, ни слова не говоря, пошел в наборный цех.

Через две недели начинающий писатель увидел свое творение на страницах местного издания. Впоследствии он даже получил гонорар. Но охота писать рассказы у него пропала. Почему? Кто его знает. Чужая душа — потемки.

Первоцвет № 1

Литературно-художественный альманах для юношества

Учредитель:

Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина

Главный редактор А.С. Стародубцева

***Областная юношеская библиотека им.
И.П. Уткина и редакционная коллегия альманаха
«Первоцвет» сердечно благодарят
оперативную мини-типографию «На Чехова»
за спонсорскую помощь в издании альманаха,
понимание и поддержку.***

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати.

Адрес редакции: Иркутск, ул. Чехова, 10, тел. 27-07-93

Тираж 250 экз.
Заказ №207
Цена свободная

Отпечатано в мини-типографии "На Чехова"
г. Иркутск, ул. Чехова, 10, тел. (3952) 27-33-56
Лицензия ПЛД №40-37